

**Владислав
КРАПИВИН**

•
**Дети
синего
фламинго**

Повесть-сказка

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2002

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
К78

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Оформление художника *Е.И. Стерлиговой*

Иллюстрации *Е.А. Медведева*

Крапивин В.П.
К78 Дети синего фламинго: Повесть-сказка. — М.:
ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2002. — 191 с.

ISBN 5-227-01607-0

Пятиклассник Женя Ушаков — герой повести из цикла «Сказки о парусах и крыльях» — попадает на таинственный остров Двид, и необходимость помочь своим новым друзьям-островитянам вовлекает его в невероятные приключения.

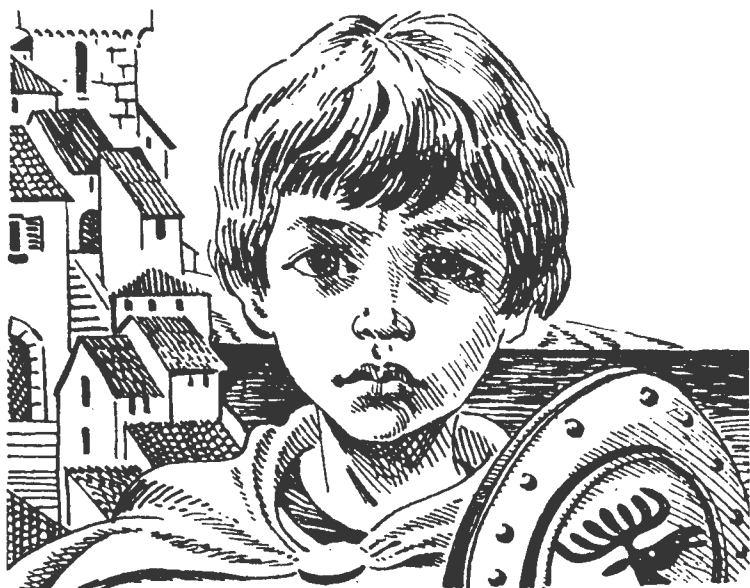
УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© В.П. Крапивин, 2002
© Художественное оформление, ЗАО
«Издательство «Центрполиграф», 2002
© ЗАО «Издательство «Центрполиграф»,
2002

ISBN 5-227-01607-0

Дети
синего
фламинго

Повесть-сказка

Надо мной опять кружит тень.

Третий день подряд...

Да нет, не думайте, что это плохо! Это замечательно! Значит, Птица нашла меня. Значит, она выросла!

Но птенец не мог вырасти сам, его кто-то должен был выкормить. А никто, кроме нас двоих — меня и Малыша, — не знал, где гнездо. Разве что Отшельник... Нет, Отшельник не стал бы заботиться о птенце. Ведь он старался «никому не делать ни зла, ни добра».

Значит, Малыш жив!

Почему же он не вернулся с Птицей? Не знаю. Я пока ничего не знаю, но скоро узнаю все. Я уже решил. Только мне опять нужен кинжал. Такой же, как появился у меня в тот день, в августе...

ДЕРЕВЯННЫЙ КИНЖАЛ

В тот вечер мы играли в войну. Не в современную войну, где дым и грохот, а в рыцарей. У нас были деревянные мечи и щиты из фанеры. На щитах каждый рисовал какой-нибудь знак — свой рыцарский герб. У меня был олень. Такой же, как на моей майке. Просто я ничего не мог придумать и срисовал этого оленя с майки. И получилось здорово — будто у меня и правда свой герб: на щите и на одежде...

В нашей армии было пять человек, а у противников — шесть. Поэтому договорились, что мы будем укрываться в засадах, а они нас искать: у тех, кто прячется, всегда есть преимущество.

По сигналу мы разбежались. Я сразу кинулся в «ущелье». Это заросший лопухами проход между глухой стеной двухэтажного дома и высоким сараем. Я знал, что очень скоро противники побегут через «ущелье» в соседний сквер — искать нас в кустах желтой акации.

В проходе спрятаться было негде: лопухи мы порядком повытоптали. Но из-под крыши сарая торчала толстая жердь, я ее давно заприметил. Я закинул за спину щит, а меч сунул под резинку на шортах — так, что клинок вылез из штанины, и стал взбираться.

Бревна, из которых был сложен сарай, разошлись от старости, в них чернели щели. Они помогали мне цепляться. Скользкие сандалии срывались, занозистый меч царапал ногу, но все же я добрался до жерди. Ухватился за нее и повис.

Мускулы у меня не очень-то сильные, подтягиваться я плохо умею. Но пальцы и кисти рук у меня крепкие — такой уж я уродился. Я долго-долго могу вертеть мечом во время боя, а если во что-нибудь вцеплюсь, могу висеть хоть целый день. Ну, не день, а, скажем, полчаса...

Значит, я повис и стал ждать рыцарей чужой армии.

Скоро они появились. Втроем. Пригибаясь, они шли гуськом и, конечно, вверх не взглянули. Когда

предводитель оказался почти подо мной, я разжал пальцы.

Вот уж в самом деле — как снег на голову!

От моих сандалий до земли было метра три, но мягкие лопухи смягчили толчок. Противники и опомниться не успели: трах, трах! — я нанес одному два удара. Трах, трах — другому!

Мы всегда играли честно, без лишних споров. Два удара получил — значит, убит. Оба рыцаря надулись, но отошли в сторону. Зато третий, еще не задетый моим мечом, поднял щит и бросился в атаку.

Его звали Толик. Он был из другого квартала и редко играл с нами. Лишь когда мы увлеклись рыцарскими боями, он стал приходить каждый день. Мне раньше казалось, что он слабенек, но сейчас я понял, какой это боец. Он был поменьше меня, но быстрый и такой смелый. К тому же он, видимо, рассердился и решил отомстить за двух своих союзников.

Ух, как по-боевому блестели его темные глаза над верхним краем щита! А на щите чернели скрещенные стрелы и пламенело оранжевое солнце.

Он крепко насел на меня, и я отступил к выходу из «ущелья».

Но тут со двора кинулся мне на помощь Степка Шувалов. Он не очень ловкий фехтовальщик, но зато большой и тяжелый, как настоящий рыцарь в доспехах. Вдвоем мы сразу оттеснили Толика в другой конец прохода, к овражку, что тянется вдоль огородов. Толик отступил на самый край и отбивался изо всех сил. Но что он мог сделать против нас двоих?

— Сдавайся, — сказал Степка.

Наш противник лишь глазами сверкнул из-за щита. И еще сильнее замахал мечом...

Наш овражек неглубокий, но к августу он доверху зарастает темной, злющей, как тысяча гадюк, крапивой, и падать в него — все равно что в кипяток. А Толик стоял уже на кромке. Он, видимо, сильно устал:

даже дышал со всхлипом. И я... в общем, я сделал шаг в сторону и опустил меч.

Толик замер на миг. Потом прыгнул между мной и Степкой и отбежал на несколько шагов.

Степка обалдело уставился на меня:

— Ты чего?

— Ничего... Он же сорваться мог.

— Ну и что? Сдавался бы.

— Он не сдастся, — сказал я.

— Ну и летел бы тогда!

— Летел бы? Сам попробуй! Думаешь, приятно?

— Ну так чего ж... — немного растерянно проговорил Степка. — Это же война...

— Война должна быть честная.

Степка тяжело засопел. Он был не злой, только медленно соображал. И когда что-нибудь не понимал, начинал так вот сопеть. Наконец он пробубнил:

— Подумаешь... Он же в длинных штанах и в куртке. Ну и свалился бы...

— Вот балда! А руки? А лицо?

Я словно совсем близко увидел Тольконо загорелое лицо с белыми волдырями от злых укусов. Меня даже передернуло. Я не выношу, если у кого-нибудь боль. Особенно вот такая... обидная. И главное, за что? За то, что он так смело сражался?

Я оглянулся на Толика. Он не убежал. Стоял с мечом наготове. Он не хотел уходить от боя!

Вдруг он опустил меч. И лицо у него изменилось: он что-то увидел в стороне от нас.

Я посмотрел в ту же сторону. По деревянному тротуарчику вдоль овражка медленно шли мужчина и женщина. Я их узнал.

И ясный вечер сразу сделался печальным и тревожным.

Это были родители мальчика, который утонул в начале нынешнего лета.

Его звали Юлька. Юлька Гаранин. Ему тогда, как и мне, было одиннадцать лет. Я его не знал: он переехал

откуда-то на нашу улицу в мае, а в начале июня отправился купаться на озеро и не вернулся.

На берегу нашли его велосипед и одежду. А самого не нашли. И наверно, уже не найдут; в нашем озере есть глухие бездонные омуты. Там вообще лучше не купаться в одиночку...

Говорят, отец и мать его после этого сразу сильно постарели. Не знаю, я их до Юлькиной гибели не встречал. Но когда увидел первый раз, они в самом деле показались очень пожилыми. И какими-то... сгорбленными, что ли...

Они всегда ходили вдвоем. Бывало, что идут мимо нас, потом остановятся в сторонке и молча смотрят, как мы играем. У нас пропадало сразу всякое веселье. Мы себя чувствовали так, будто виноваты перед ними. Потом они будто спохватывались и торопливо уходили. Но прежнее настроение возвращалось к нам не сразу.

Вот и сейчас мне расхотелось играть. Толику, видимо, тоже. И даже Степке.

Я подошел к Толику и сказал:

— Ничья. Ладно?

Он кивнул. Он думал о чем-то своем.

Я тоже.

Я стал думать про маму и папу. Они сегодня днем уехали на целую неделю в Москву, к папиной сестре тете Вере. Ничего особенного, они и раньше уезжали, а я оставался с бабушкой. Но сейчас мне стало грустно и как-то неуютно. Я подумал, что уже поздно, надо ехать к бабушке, а то не доберусь к ней до темноты...

В это время вдалеке загремело пустое ведро — сигнал сбора обеих рыцарских армий.

— Степан! — окликнул я. — Скажи нашим, что я сегодня больше не играю. Мне пора.

Надо было бы забежать домой: оставить оружие и прихватить курточку. Но мне ужасно не хотелось заходить в пустую молчаливую квартиру. Я взял меч и щит под мышку и зашагал к автобусной остановке.

Я прошел уже два квартала, как вдруг услышал:

— Женья!

Меня догонял Толик. Он как-то неуверенно догонял. Словно боялся, что я не захочу подождать его. Я остановился. Даже ему навстречу шагнул. Он подошел, посмотрел на свои пропыленные кеды и сказал:

— А я вижу, ты в ту же сторону идешь... Нам по пути. Ты разве не домой?

Я был рад, что он догнал меня. И поскорее объяснил, что еду к бабушке в Рябиновку. Это такой поселок на берегу озера, в семи километрах от города.

Мы пошли рядом.

— А надолго ты к бабушке? — спросил Толик.

— На неделю, пока мама с папой не вернутся...

— У-у... — огорченно сказал он. — Значит, завтра ты с нами играть не будешь.

— Ну почему? Я могу приехать, это же недалеко. Я могу каждый день приезжать, если... — «Если ты хочешь», — чуть не сказал я, но постеснялся.

Однако он, кажется, понял, проговорил тихо:

— Ага... приезжай.

— Обязательно! — пообещал я.

Он быстро взглянул на меня — у него были коричневые с золотыми точками глаза — и нерешительно сказал:

— А давай завтра чтоб не против друг друга, а в одной армии...

— Конечно, давай! — еще больше обрадовался я. И почувствовал, что, хотя мама с папой уехали, вечер сегодня все равно хороший.

Мы стали разговаривать про завтрашнюю игру и незаметно дошли до автобусной остановки. Тут я спохватился:

— Ой, ты же давно мимо дома прошел!

Он засмеялся:

— Ну и что? Я не тороплюсь.

Я посмотрел на расписание. Автобус должен был прийти через двадцать минут.

— Ничего, подождем, — сказал Толик.

Недалеко от остановки, на краю пыльной лужайки, стоял стеклянный киоск (низкое солнце блестело на нем оранжевыми огоньками). Киоск еще торговал. Я подбежал, чтобы купить два стакана газировки, но краснощечная тетка в окошке буркнула, что лимонад продается только бутылками — по двадцать две копейки — и пустая посуда обратно не принимается.

У меня в кармашке лежало всего пятнадцать копеек, да к тому же пять из них нужны были на билет. Я виновато посмотрел на подбежавшего Толика. Но он весело зашарил по карманам и тут же отыскал гривенник и двушку.

Тетка сердито сунула нам запечатанную бутылку, а потом сдачу — мокрыми копейками. Мы кинули в траву щиты и сели на них. Будто настоящие рыцари на привале.

— А чем открывать? — спросил Толик. Он попробовал сорвать пробку зубами, но она держалась как припаянная. Мне показалось, что тетка за стеклом киоска ехидно ухмыляется.

— Подожди-ка, — сказал я и снял с себя ключ (он висел на шнурке под майкой).

О ключе надо сказать подробнее. Наш двухэтажный дом был очень старый, и тяжелые врезные замки в дверях были тоже, наверно, столетние. Поэтому и ключи от нашей квартиры не походили на обычные. Они были медные, с трубчатым стержнем, хитрой зубчатой бородкой и фигурным колечком. Будто от старинной шкатулки. Такой, если потеряешь, у слесаря уже не закажешь. Мама всегда боялась, что я выроню ключ, когда бегаю на улице: кармашки на шортах мелкие, а скакать и кувыркаться я любил. Вот и приходилось таскать ключ на шнурке под майкой. Я немного стеснялся этого: с ключом на шее

обычно ходят малыши. Но мама просила, и я не спорил...

Я подцепил пробку зубчиками ключа. Она сверкнула и улетела в одуванчики. Мы выпили из горлышка шипучую газировку, спустили бутылку в урну, потом еще посидели на скамьях, и тут подошел автобус.

— Ну... ты приезжай завтра, — проговорил Толик, когда дверь зашипела и открылась.

— Ладно! Я обязательно...

Он вдруг распахнул курточку и выдернул из-за ремешка небольшой деревянный кинжал. Протянул мне на открытой ладони:

— Хочешь?

У кинжала была красивая рукоятка — с мелким вырезанным узором. Конечно, я хотел такой. Но дело даже не в кинжале.

— Какой хороший... Сам делал?

— Сам. Бери.

— Насовсем?

— Конечно. — Толик быстро вскинул на меня свои глаза с золотыми точками и опять опустил ресницы.

— Спасибо... Толик, — сказал я и взял кинжал. И, цепляясь своим рыцарским снаряжением за дверь, полез в автобус.

Дверь сразу закрылась. Я глянул через стекло и увидел, как Толик слегка поднял руку, словно хочет помахать и не решается. Тогда я несколько раз махнул кинжалом, и Толик быстро замахал в ответ. И я поехал...

НЕЗНАКОМЕЦ

Когда не стало видно Толика, я сунул кинжал под резинку на поясе и достал мокрые копейки. В это время щелкнул и откашлялся динамик. «Сейчас заскрипит: мальчик, а ну, бери билет», — с неприятным ожиданием подумал я. И скорее шагнул к кассе.

— Мальчик, не опускай деньги, — басовито сказал динамик. — В кассе билеты кончились... Ничего, езжай так, автобус не рассыплется... — За темными стеклами кабины я не видел водителя, но мне показалось, что он пожилой, с большими усами и улыбчивый.

Пассажиры на меня заглядывались: что за мальчик, которому разрешили ехать без билета? Мне показалось, что они думают: «Вот чудак, забрался сюда с деревянным щитом и мечом; не маленький вроде бы, а с игрушками». Я поскорее сел на свободное место к окошку и поставил щит на колени — загородился. Но от всех не загородишься.

Один пассажир (он сидел у противоположного окна) все посматривал на меня. Это был худой дядька в каком-то старомодном пиджаке и помятой широкополой шляпе.

Не люблю, когда меня разглядывают!

Я сердито передвинул щит вправо — так, что кромкой расцарапал кожу на колене. Разозлился и стал, не отрываясь, глядеть в окно.

Солнце спряталось, но облака еще ярко светились. Казалось, что они летят, не отставая от автобуса, над антеннами, над маленькими домами окраинных улиц. Потом — над деревьями вдоль тракта... Я смотрел на облака минут пять, затем опять оглянулся на неприятного дядьку. От светлых облаков плясали в глазах зеленые пятна, однако я заметил, что он по-прежнему разглядывает меня.

Что ему надо?

Мне даже стало не по себе. И я решил: поеду не до конечной остановки, а выйду раньше, у дома отдыха «Звездный». Оттуда — сначала по берегу, потом вдоль огородов, и я у бабушки.

Остановка находилась у самого озера. Я вышел на берег и зашагал вдоль воды по песку.

Вода и небо еще были светлыми, а на землю уже наползали сумерки. На далеком берегу переливались

огоньки. За деревьями, в парке «Звездного», загорелись лампочки. Но сильнее лампочек была круглая луна. Поднялась она недавно, однако почти сразу стала светить как прожектор. Вдоль берега росли старые ветлы, их темные листья иногда заслоняли луну и словно разрывали на яркие клочки. Это было красиво. Но от воды и от влажного песка тянуло зябкой сыростью, поэтому я не очень-то любовался на луну. Я даже пожалел, что не забежал домой за курточкой.

Чтобы не продрогнуть совсем, я отошел подальше от воды — к траве у границы песчаного пляжа. Травы была густая и довольно высокая. В ней вдруг затрещал одинокий кузнечик. Может быть, тоже озяб?

Я почти дошел до тропинки и вдруг увидел в траве желтый полумесяц. Не такой яркий, как луна, однако заметный. Кто-то забыл здесь большой мяч — наполовину синий, наполовину желтый. Синий бок сливался с травой, а желтый светился, как серп какой-то полусвещенной планеты. Она заблудилась в здешнем травяном космосе.

Я выкатил мяч на песок, чтобы тот, кто будет искать, сразу увидел его. Резиновые бока у мяча были теплые, как у живого. А не озябнет он здесь на голом песке?

Только я подумал про это, как услышал за спиной:
— Не уходите, пожалуйста...

Я сначала не понял, что это мне. Но оглянулся. По берегу торопливо шел человек. Было довольно светло от воды и неба, и я сразу узнал дядьку в широкополой шляпе. Того, из автобуса.

А больше никого кругом не было.

— Подождите меня, будьте добры, — сказал мне этот человек. Он слегка запыхался. Голос у него был странный: слишком тонкий и мягкий, не подходящий такому высокому мужчине.

Я удивился, конечно, и замер на месте. Незнакомец подошел. Он снял шляпу и держал ее у груди.

— Извините, — сказал он. — Мне показалось, что в автобусе я рассердил вас. Мое слишком пристальное внимание было, видимо, неприличным. Но вы все поймете, если выслушаете меня...

Ко мне впервые обращались так длинно и вежливо. Я растерялся и поэтому ответил грубовато:

— Ну... говорите.

— Сядем, если позволите, — попросил он.

Недалеко от нас темнела вкопанная в песок скамейка — два бревнышка и доска. Незнакомец подождал, когда я сяду, и сам примостился на краю доски. «Что ему надо?» — опять подумал я. А он наклонился, заглянул мне в лицо и мягким своим голосом спросил:

— Скажите, вы рыцарь?

«Ну, все понятно», — решил я.

Наверно, в автобусе рядом со мной стояла какая-нибудь старушка, а я не заметил. И теперь этот человек будет меня воспитывать: «Вот ты изображаешь из себя рыцаря, а бабушке место не уступил. Разве рыцари так поступают?» Я и раньше встречал таких взрослых: они очень любят подъезжать к ребятам с воспитательными беседами.

А в автобусе и так было много свободных мест!

— Что вам от меня нужно? — не очень-то ласково сказал я.

— Простите, — опять мягко проговорил он. — Я наблюдал за вами не только в автобусе, но и раньше... Во время вашего рыцарского турнира... Ваше благородное отношение к противнику... Это убедило меня, что вы действительно рыцарь...

«Издевается, что ли?» — подумал я.

А он продолжал:

— Я разглядел ваш знак — гордого оленя. Рыцарь Оленя — можно я буду вас так называть, пока не узнал вашего имени?

«Может, пьяный?» — подумал я и встал. И сказал ему:

— Вам нравится шутить, а мне надо идти. Уже поздно.

Он тоже встал и опять прижал шляпу к груди.

— Вы сердитесь... Вы должны извинить меня, я не из этой страны и невольно могу нарушить какие-то обычаи. Но прошу: выслушайте меня...

«Шляпа ненормальная, пиджак какой-то странный, — подумал я. — Может, в самом деле иностранец?»

И спросил:

— Вы интурист?

— М-м... Я не знаю, что такое «интурист». Но я издалека. — Незнакомец слегка нагнулся ко мне, словно надломился в пояснице. — Я с острова Двид. И я ищущего юного рыцаря, который избавит мою страну от векового зла.

Тут я, по правде говоря, перетрусил! Уже сумерки, кругом никого, а я один на один с сумасшедшим. Я сделал шаг назад: если рвану изо всех сил — не догонит.

Он заметил мое движение, как-то сник, сел на край скамейки и с тихим отчаянием сказал:

— Вот и вы, Рыцарь Оленя, хотите уйти. Как многие... Я прошел столько земель и не отыскал никого...

Что-то странное было в его голосе. Мне стало жаль его. «Может, он не опасный? — подумал я. — Может, просто немного свихнулся и теперь мучается?»

— Ну а что вам надо-то? — неловко спросил я.

Незнакомец с надеждой поднял голову. И тихо, но горячо проговорил:

— Мне надо многое... Мне надо, чтобы вы, Рыцарь Оленя, отправились со мной на остров Двид и сразились с Ящером. С тем чудовищем, которое много-много лет держит в страхе всех людей нашей страны.

«А больше тебе ничего не надо?» — подумал я и усмехнулся.

Незнакомец опять резко наклонился ко мне:

— Это не сказка, клянусь!.. Сядьте, прошу вас. Поверьте, у меня в мыслях нет шутить с вами или чем-нибудь вам навредить.

Мне стало неловко за свой испуг. Я присел на другой конец скамейки и спросил:

— А что за остров Двид? Что-то я не слышал...

— Конечно! — торопливо согласился он. — Остров невидим... Невидим с этих берегов. Это не укладывается в привычные понятия, но я объясню... потом. Главное не в этом. Над островом жестокий гнет. А древняя легенда говорит, что однажды из дальних стран придет юный рыцарь и уничтожит Ящера...

Видимо, он сам верил в то, что говорил. Мне стало интересно.

— А далеко ваш остров?

Незнакомец, наверно, подумал, что я начинаю соглашаться. Он придвинулся ко мне:

— Далеко!.. Но это трудно объяснить. Все зависит от разных условий. Если отправимся сейчас, путь займет не больше двух часов...

«Ага! — подумал я. — Жулик какой-нибудь. Заведет неизвестно куда, потом тукнет по башке и ограбит...»

Да, но что у меня брать? Пять копеек да медный ключ?

А может, шпион? Заманит в тайную лабораторию, где устраивают секретные опыты над детьми...

Но тут я сам застыдился своих дурацких мыслей. Так можно до какой угодно чепухи додуматься, и получится, что я больше сумасшедший, чем этот дядька.

А незнакомец придвинулся совсем близко и спросил:

— Хотите взглянуть на наш остров?

Он полез во внутренний карман пиджака и достал... Я сперва не понял что. А потом увидел: это было зеркальце. Довольно крупное — с почтовую открытку. В узкой металлической рамке. В зеркальце на миг отразилась луна.

Незнакомец положил мне зеркальце на коленку. Я вздрогнул: оно было очень холодное. И тяжелое. Но почти сразу тяжесть уменьшилась, а толстое стекло стало наливаться теплотой. Сначала в зеркальце отражалось небо с бледной звездочкой, но скоро оно подернулось искрящейся пленкой. Затем пленка рассеялась, и я увидел, как на экранчике, зеленые горы, небо с пушистыми солнечными облаками, какие-то развалины с белыми колоннами и домики на склоне холма. Все так четко виделось!

Изображение двигалось, будто кто-то плавно поворачивал телеобъектив. На переднем плане проплывали кусты с цветами вроде шиповника — так близко, что я различал прожилки на лепестках...

Зеркальце стало горячее и сильно грело колено. Я оторвал глаза от неизвестной страны и посмотрел на незнакомца. Экран хорошо освещал его лицо. Оно было длинное, с большим печальным ртом, с резкими морщинами и маленькими круглыми глазами. В глазах отражались крошечные экранчики.

Незнакомец взглянул на меня.

— Это наша страна, — со вздохом сказал он. — Красивая, правда?.. Надеюсь, теперь вы мне верите?

— А чему тут верить? Плоский транзисторный телевизор. Наверно, на жидких кристаллах...

— Теле... визор? — переспросил он. — Ах да... Нет, это немного не то... — Он протянул руку и... просунул ее в зеркальце. Сквозь стекло! И значит, сквозь мою ногу! Как в окошко... Тонкими узловатыми пальцами он ухватил проплывавшую мимо ветку и дернул. Потом вытащил руку. В пальцах был зажат стебелек с цветком и тремя листиками. Незнакомец протянул его мне. Это был настоящий цветок, живой. От него в самом деле пахло шиповником.

Я немного испуганно посмотрел на ногу: на месте ли? Она была на месте, и зеркальце все сильнее обжигало ее.

— Уберите, горячо, — сказал я.

— О да, простите... — суетливо пробормотал он и схватил зеркальце. Оно сразу погасло.

Я потер обожженную коленку и спросил:

— Вы фокусник?

Он серьезно, даже печально объяснил:

— Я чиновник по Особо Важным делам, один из первых заместителей правителя острова. Можно сказать, его второе «я»... Не отказывайте мне в просьбе, Рыцарь Оленя. Вы — моя последняя надежда.

— А что за ящер у вас там? — спросил я.

— Жуткое и громадное чудовище, не буду скрывать. Оно держит в страхе весь народ.

— Что же вы... — с усмешкой сказал я. — Целая страна, вон какая волшебная техника у вас, а с каким-то пресмыкающимся не можете справиться?

— Не можем, — покорно согласился он. — Мы многое умеем, а перед этим чудовищем бессильны... В жизни столько сложностей.

— А я, по-вашему, с ним справлюсь? Один?

— Я надеюсь, — откликнулся чиновник по Особо Важным делам. — Вы не испытываете страха перед Ящером, а это главное. К тому же древние легенды обычно не обманывают.

— А сколько времени займет... вся эта история?

— Два дня. Самое большее три, — торопливо сказал незнакомец.

Я подумал, что бабушка меня не ждет — она не знала, что мама с папой уехали. Значит, никто не стал бы беспокоиться обо мне в эти дни...

И вдруг я сообразил, что обо всем думаю всерьез! Будто поверил сказке про остров Двид! А я и в самом деле поверил...

Наверно, этого не случилось бы днем. Но сейчас были сумерки, необыкновенная луна за черными листьями, загадочное зеркальце, непонятно откуда взявшийся цветок... Все это как-то завораживало.

— Значит, вы согласны?! — обрадованно воскликнул незнакомец и встал.

Разве я сказал, что согласен? Я поплотнее прижался к скамейке, чтобы никуда не ходить с этим человеком. Но через секунду поднялся. Сам не знаю почему.

— Идемте, — ласково сказал он.

И я пошел за ним. По пути я опять подумал, что лучше бы рвануть к бабушке. Но не рванул. Стыдно было. И кроме того... я надеялся оказаться в настоящей сказке.

Мы вышли к изгибу берега. Там за высокими берегами была привязана лодка с тонкой мачтой. Незнакомец неловко забрался в лодку и сказал мне:

— Садитесь.

Я медленно, будто против желания, отошел к береговым кустам и спрятал в частых ветках меч и щит. Замаскировал.

— Зачем вы их бережете? — спросил незнакомец. — У нас вы получите настоящее оружие и сможете оставить его себе навсегда.

— Но им же нельзя будет играть...

— Ах да... — пробормотал он.

Я подержал в ладони кинжал Толика и снова сунул за пояс. Не хотелось мне с ним расставаться.

— Я вас жду, Рыцарь... — со сдержанным нетерпением напомнил незнакомец.

Последний раз какие-то предохранители толкнули меня назад, к дому. Я даже качнулся. Однако ноги сами по себе шагнули к борту...

— Садитесь на корме, там удобней, — предложил незнакомец. Сам он встал у мачты и потянул шнур. Вверх полез длинный парус — он ярко засеребрился под луной.

— Ветра же нет совсем, — слабым голосом сказал я.

— Это не важно... — Незнакомец оттолкнулся шестом и сел рядом со мной. Лодка пошла сначала тихо, потом все скорее. Громко зажурчала вода.

«В самом деле волшебство», — подумал я, но не очень удивился. Мы набирали ход, и встречный воздух зябко обдувал меня. Я передернулся.

— Ох, что же это я... — пробормотал незнакомец. Он снял пиджак и укрыл меня с ногами.

— Да спасибо, не надо... — смутился я.

— Привалитесь к спинке и вздремните, — сказал он. — Когда спишь, дорога короче...

Спинка скамьи была удобная, обитая чем-то мягким. Сразу же захотелось закрыть глаза, но я несколько минут сопротивлялся сну.

Слева от нас катилась между маленьких облаков луна. Не отставала. Потом она влетела в темное мохнатое облако и, видимо, увязла в нем. Стало гораздо темнее. В этой темноте незнакомец произнес:

— Меня зовут Ктор Эхо. А как ваше имя, Рыцарь Оленя?

— Женя, — пробормотал я сквозь дремоту. — То есть Евгений... Ушатов...

ПЕРВЫЙ РАЗГОВОР С ТАХОМИРОМ ТИХО

Ктор Эхо не похитил меня и не причинил никакого вреда. Он в самом деле привез меня на остров Двид.

Как мы причалили, я не знаю. Проснулся я уже не в лодке, а в открытой коляске, которую быстро везли две лошади. Коляску потряхивало на булыжниках мостовой. По сторонам стояли темные деревья, в них изредка мигали фонарики. Небо над деревьями было серовато-синее с большими звездами. Прямо перед нами повис над дорогой громадный месяц. Он висел странно — вниз рогами. Мне вспомнился мяч в темной траве. Где он теперь, этот мячик? Где наше озеро, где Рябиновка? Занесло меня в неведомый край. Куда? Зачем?

Ктор сидел рядом. Его пиджак по-прежнему укрывал меня. Я оттолкнулся лопатками от упругой кожаной спинки и сел прямо.

— Проснулись? — заботливо спросил Ктор. — Вот и хорошо. Скоро приедем.

Через минуту дорога круто повернула, и мы выехали на треугольную площадь. Я увидел башни, дома с балкончиками и флюгерами. С одного края темнела зубчатая крепостная стена. Светились окошки и неяркие желтые фонари. Блестели струи фонтана.

Вокруг фонтана парами ходили неторопливые люди. Играла негромкая музыка. Это было похоже на театр.

— Совсем незаметно, что вашу страну кто-то угнетает, — сказал я Ктору.

— Это на первый взгляд, — откликнулся он. — А на самом деле... Да вы увидите.

— А почему такой месяц в небе? — спросил я.

— Это особенность нашей атмосферы, — охотно объяснил Ктор. — Теплый воздух собирается на высоте в большую линзу, и эта линза сильно увеличивает небесные тела...

Я хотел сказать, что дело не только в увеличенности, но тут мы уехали с площади, и впереди стал виден освещенный купол с темным повисшим флагом.

— Дворец правителя, — сообщил Ктор.

Дорога пошла в гору. Мы проехали между рядами светящихся шаров, и лошади стали у невысокого крыльца с каменными вазами по сторонам...

Сейчас мне трудно вспомнить все по порядку. Мы шли переходами и лестницами, нам встречались и молча кланялись одинаковые бесшумные люди в узких серых одеждах. Было как во сне. Наконец мы прошли узким коридором с шарами-светильниками и оказались в круглой комнате. Здесь горела у потолка неяркая лампа, между высокими окнами висели темные ковры (я

различил на них фигуры всадников и больших птиц). Было очень тихо, и в этой тишине гулко стучали, вернее, бухали громадные часы. Они стояли в стенной нише, и бронзовый диск маятника величиной со сковородку медленно ходил туда-сюда за стеклянной дверцей.

Посреди комнаты я увидел круглый стол, а на нем вазы с фруктами, блюда под блестящими крышками, кувшины и тарелки.

К столу был придвинут лишь один стул — высокий, черный, с решетчатой спинкой.

Пока я все это разглядывал, два человека внесли второй стул. Они двигались бесшумно и не сказали ни слова. На них была странная одежда: узкие комбинезоны из дымчатого плюша. Плюш закрывал человека с головы до ног, и оставался лишь круглый вырез для лица. Это было похоже на театральные костюмы зверей в драмкружке Дома пионеров. Не хватало только хвостов, ушей и масок. Вместо масок виднелись лица — неподвижные и словно присыпанные розовой пудрой.

Люди ушли.

— Кто они такие? — спросил я шепотом Ктора. — И эти, и в коридорах... Все какие-то одинаковые.

— Слуги Ящера, — сказал Ктор.

— Какие слуги? Какого Ящера? Того... чудовища?

— Ну, не совсем так... Скорее это просто название. Их дело — поддерживать равновесие порядка на острове. Короче говоря, это что-то вроде дворцовой гвардии. Охрана правителя и полиция...

У меня все перепуталось в голове.

— А разве правитель... Я не понимаю: он против Ящера или за него?

Ктор насмешливо улыбнулся:

— Вы сами увидите. Я предупрежу его, что вы уже здесь, и он поспешит встретить вас... Подождите две минуты.

Он вышел. Довольно долго я был один. Стоял, оглядывался, слушал буханье часов. Наконец в комнате по-

явился кругловатый низенький человек в полосатом костюме. Он выскочил из двери, остановился передо мной, заулыбался и слегка развел руки. Весело сказал:

— А, это вы и есть юный герой, которого отыскал Ктор? Приветствую вас, Рыцарь Оленя, на острове Двид!

— Здравсьте... — неловко отозвался я.

— Меня зовут Тахомир Тихо. Я — правитель этого острова.

Я не знал, что делать. В кинофильмах рыцари перед разными правителями и вельможами кланялись и расшаркивались. Но не мог же я, в самом деле, раскланиваться, как придворный.

Кажется, я глупо засопел, покраснел и сипло сказал:

— Очень приятно.

— Мне тоже приятно! — воскликнул Тахомир Тихо. — Приятно видеть такого храброго юного воина! Я рад познакомиться и рад поужинать с вами. Прошу к столу.

Правитель сел, и я устроился напротив него на краешке стула. Сразу возникли откуда-то плюшевые слуги Ящера и начали накладывать на тарелки овощи и жареное мясо.

— Не стесняйтесь, — предложил правитель. — Дорога была дальняя, вы проголодались, а дело предстоит серьезное... Я восхищаюсь вашей смелостью, хотя, по правде говоря, не одобряю эту затею...

Я начал жевать, но тут чуть не подавился.

— Не одобряете? А зачем позвали?

Тахомир Тихо опять заулыбался, и щеки у него стали как два спелых яблочка.

— Это не я. Это Ктор. Он у нас романтик... Он считает, что надо бороться с каким-то гнетом! А где этот гнет? Как бороться?

— Разве Ящер не угнетает ваш остров? — нерешительно спросил я.

— Да какое это угнетение? Ящер в общем-то умное и незлое существо. Просто у него очень чуткая нервная система. Он реагирует на любое нарушение в равнове-

сии порядка... Ну и... если, конечно, нарушений много, если равновесие под угрозой, наш Ящер сердится. Да. Было два случая, когда он в гневе разрушал город. Но я спрашиваю, кто виноват?

«Ничего себе! — подумал я и похолодел. — И с таким чудищем я должен сражаться?»

— А давно это было... эти случаи? — слабым голосом спросил я.

— Конечно, давно! Почти три столетия назад! С тех пор люди живут мирно, спокойно, не нарушают законов, и Ящер тоже спокоен! Только раз в месяц он выходит из озера и смотрит: все ли в порядке? А затем тихо укладывается на дно...

«Чушь, не разрушал он город, — с облегчением подумал я. — Это просто легенда. Мало ли что могли напридумывать за триста лет. А Ящер — наверно, доисторическое пресмыкающееся, которое уцелело в этом озере. Как-нибудь справлюсь...»

Ну в самом деле! Ведь во всех сказках, историях и фантастических фильмах если мальчишки попадали в волшебные страны, если сражались с чудовищами, то всегда выходили победителями. Значит, есть такой сказочный закон, и этот закон на моей стороне. Чего же мне бояться?

И я довольно храбро спросил Тахомира Тихо:

— А что, разве раньше не находились люди, которые хотели победить Ящера?

— Ну почему же? Были... — сухо вато ответил правитель.

— И... чем кончалось?

— Как видите, Ящер здравствует.

Мне опять стало неуютно. Но я вспомнил о сказочном законе и сообразил, что те неудачники были не главные герои сказки, а я — главный. И спросил снова:

— Если вы так жалеете Ящера, почему тогда разрешили Ктору, чтобы он устраивал бой? Непонятно что-то...

— А что я мог сделать? — воскликнул Тахомир Тихо. — Раз легенда говорит о юном рыцаре, я не имею права препятствовать! Надо уважать традиции! Я не тиран какой-нибудь, я все по закону... Если предполагается бой с Ящером — деритесь!.. Только зачем? Кому это нужно?

— Неужели никому не нужно?

— Ну, встречаются изредка люди, которым все у нас не нравится, — неохотно признался правитель. — Хочется им чего-то нового! Все время им спорить надо, протестовать, в космос летать, открытия делать! Только это крайне редкие чудачки. Чаще всего дети. А вообще-то народ живет разумно. Тихо, но зато счастливо. Нет у нас ни бедности, ни голода, ни болезней. У нас все довольны жизнью, да! У нас р а в н о в е с и е п о р я д к а...

— Такое «равновесие», что никто на Земле про вас даже не знает, — усмехнулся я.

— И слава Богу! — вскричал он. — В этом наше спасение... Да вы кушайте, кушайте, вот апельсин... Если бы про нас узнали, тогда что? Сделали бы наш остров пристанищем для туристов? Или военной базой? Или начали бы раскапывать, искать всякие руды и нефть? Научили бы жителей воевать, ссориться, мечтать о богатстве, бездельничать? Нет уж, увольте, мы проживем сами. С Ящером или без Ящера, но одни. Нам с этими чужеземными влияниями одно горе. Сто́ит хоть какой-то капельке просочиться из-за границы — и началось...

Он даже побледнел слегка. Помолчал, побарабанил пухлыми пальцами о край тарелки с ломтиками ананаса. Проговорил с легкой дрожью:

— Взять хотя бы эту кошмарную книгу... Откуда она к нам проникла?.. Про трех головорезов. Даже про четырех... Скачут на лошадях, машут шпагами, обманывают королевского министра! Палят из пистолетов!.. После этого по всему городу стук пошел: понаделали деревянных сабель, и давай! А в кустах только и слыш-

но: «Пиф-паф! Пиф-паф!» А при чем тут пиф-паф, если на острове давно нет огнестрельного оружия... Вы не поверите, пришлось главному прокурору издавать специальный указ, чтобы навести порядок. А я в эти дни платил воспитателям двойное жалование... Да вы кушайте, не стесняйтесь, Рыцарь...

Он перегнулся через стол, чтобы налить в мой стакан апельсинового сока. И я совсем близко увидел его лицо. И разглядел, что румянец состоит из множества красных прожилок. В глазах — таких же маленьких и круглых, как у Ктора, — тоже были красные прожилки.

— А что плохого, если ребята играют? — спросил я.

— Играют? — испуганно изумился он. — Все игры изложены в специальных правилах, их изучают в школах и воспитательных павильонах. А если каждый начнет играть как вздумается, что будет с равновесием порядка? И как отнесется к этому Ящер?

«Тьфу на вашего Ящера, — сердито подумал я. — Тоже мне «счастливое государство»...»

А Тахомир Тихо пробормотал:

— Сначала они «играют», потом им хочется удрать из дома. Потом еще чего-нибудь захочется... Один даже додумался: плохо, говорит, что наш остров невидимый...

— А если он вдруг станет видимым? — с подковыркой спросил я. — Тогда что будете делать?

— Нет уж, — с удовольствием ответил Тахомир Тихо. — Не станет! Для этого пришлось бы изменить наклон земной оси, чтобы лучи солнца рассеивались в нашей атмосфере под иным углом... Когда-нибудь это, возможно, и случится, но очень-очень не скоро... Хотите еще соку?

Но я не хотел уже ни есть, ни пить. Ни разговаривать. Я смертельно хотел спать, у меня слипались ресницы...

ПУШИНКА НА РУКАВЕ

Меня разбудил Ктор Эхо.

Я лежал на узком диване с высокой резной спинкой. За медной решеткой окна было солнечное утро. Ктор сказал:

— Вчера вы так утомились, что задремали у стола... Я уложил вас в своем кабинете.

Значит, Ктор, Тахомир Тихо, Ящер — это все по правде? Не сон?

Я медленно приподнялся на локте. Я не мог понять: хорошо мне или плохо? Радуюсь я или тревожусь, что попал сюда?

— Скоро завтрак, — сказал Ктор.

Я откинул пушистый плед и стал одеваться. Потом спросил:

— А где умыться?

— Можно пройти в парк, там фонтаны. Только не отходите далеко от дворца...

Ктор провел меня вниз по винтовой лесенке и толкнул небольшую дверь.

— Погуляйте, я приду за вами...

Я шагнул на белый песок тропинки.

Нет, все-таки хорошо, что я оказался здесь! Я вздохнул, и все жилки во мне зазвенели от радости. Потому что было такое синее небо, и такой замечательный воздух, и такая красота вокруг!

Висели на кустах темные и белые розы, громадные, как воздушные шары. На лужайках качались ромашки величиной с блюдце. Бугристые стволы деревьев были сплетены вьюнками. Желтые цветы-шарики вьюнков горели, как маленькие солнышки.

Среди веток и листьев громоздились камни, покрытые скользкой зеленью. С камня на камень сыпались маленькие водопады. У подножия этих камней я уви-

дел мраморную девочку. Она была как живая: сидела на корточках и подставляла под струи ладошки.

Я умылся рядом с девочкой, расчесал пятерней волосы и побрел наугад по извилистой тропинке. Она вывела меня к беседке с витыми белыми столбиками.

Звенели и пересвистывались птицы.

Беседка стояла на пригорке, и я увидел с высоты город. Столицу острова Двид.

Не верилось даже, что есть у них тут какой-то Ящер, какие-то несчастья, угнетение. Такой замечательный был город, такое радостное утро!

По зеленым склонам тянулись улицы с невысокими белыми домами, галереями, террасами. От верхних улиц к нижним спускались пологие лестницы, а по краям их стояли белые статуи. Я не мог разглядеть их издалека, но чувствовал, что они очень красивые. Кое-где поднимались развалины крепостных башен и цветные колоннады.

Но больше всего мне понравилось громадное сооружение, похожее на мост или на старинный римский водопровод. Его великанские арки вздымались над крышами, над башнями. Они были белые-белые и сияли среди зелени и на синем небе...

Я оглянулся на дворец. Он был небольшой, но тоже очень красивый: с желтыми стенами, с белыми карнизами и колоннами, с высоким серебристым куполом. Над куполом струился по ветру большой голубой флаг. Что-то золотилось на нем. Я присмотрелся, и показалось мне, что на голубом шелке виднеется голова с громадными глазами и пастью (так оно потом и оказалось).

Сойдя с пригорка, я прошел среди цветущих кустов и скоро наткнулся на высокую садовую решетку. За решеткой был тротуар из разноцветных плиток, булыжная мостовая и двухэтажные белые дома. Их балконы и стены опутывала зелень.

Я двинулся вдоль решетки и увидел калитку. Вышел на улицу. Мне очень понравился тротуар: его плитки

складывались в узоры, как на ковре, и я медленно зашагал, глядя под ноги...

— Стой! — раздался визгливый вскрик.

Я вздрогнул. Передо мной стоял длинный человек в удивительной одежде: коричневом балахоне до пят и шапке с кисточкой. Шапка была очень странная — оранжевая ермолка, а на нее ребром насажен черный треугольник. Белая кисточка моталась у нижнего угла, а на верхушке треугольника золотилась вышитая цифра «8».

У незнакомца было очень маленькое лицо, нос пуговкой и круглые водянистые глаза.

В этих глазах я увидел растерянность и удивление.

— Ты... что? — спросил незнакомец тонким голосом.

— Что? — сказал я.

— В каком ты виде?

— В каком?

Я оглядел себя. Майка с оленем довольно чистая. Штаны помятые? Но я же не в театре и не на параде...

Человек в шапке-треугольнике протянул к моей коленке тонкую трость:

— Это что?

— Это? — удивился я. — Синяк... А что такого?

У него побелело лицо.

— Ты говоришь так, словно это медаль за примерное поведение!

Я мигал и ничего не мог понять. А он продолжал:

— Синяк! Откуда у нормального мальчика может быть синяк? Ты лазил по заборам? Или... — он перешел на шепот и слегка нагнулся, — может быть, ты гонял ногами надутый кожаный шар? Где? С кем?

«Больной, что ли?» — подумал я и спросил:

— Разве нельзя мячик погонять?

Он хотел что-то сказать, но будто подавился от возмущения. Выпрямился, потом опять согнулся. Протянул к моей голове ладонь:

— У тебя жар?

Я откачнулся. В это время позади раздалось звонкое щелканье подошв. Лицо у незнакомца изменилось, он глянул мимо меня. Я посмотрел назад. Через дорогу шагал вприпрыжку мальчик с большой сумкой. Веселый такой парнишка, немного веснушчатый, похожий на моего одноклассника Владика Цветкова, только в непривычном костюме. В синей курточке с широким белым воротником (как у матроски, но без полосок), в смешных желтых штанах до колен — они были широкие, с пришитой внизу длинной бахромой. «Ну и моды в здешних краях», — подумал я.

Мальчик нас не видел.

— Стой! — сказал длинный незнакомец.

Мальчик замер, будто в остановившемся кино — в один миг. Потом боязливо повернул к нам лицо.

Мой собеседник поманил мальчишку длинным, как карандаш, пальцем. Мальчик сделал несколько шагов и низко нагнул голову — то ли поклонился, то ли просто понурился.

— Никуда не уходи, — строго предупредил меня незнакомец и повернулся к мальчишке: — Почему ты неприлично скачешь и стучишь башмаками, нарушая тишину прекрасного утра?

Мальчик совсем поник головой.

— Отвечай! — тонким голосом потребовал незнакомец.

— Я спешил в школу... — пробормотал мальчик.

— Разве в школу надо спешить? В школу надо выходить вовремя и являться точно в установленный срок. А ты, наверно, бегал по пустырям с другими бездельниками. Так?

— Нет, господин квартальный воспитатель, я не бежал, честное слово, — поспешно проговорил мальчик.

— А почему у тебя курточка в мусоре? — Квартальный воспитатель брезгливо снял с мальчишкиного рукава соринку.

— Это пушинка от тополя. У нас во дворе цветет тополь... и вот... она нечаянно прилипла...

— Надо быть внимательным и опрятным... Дай твою карточку.

Мальчик достал из нагрудного кармашка розовый квадратик. Не поднимая головы, протянул квартальному воспитателю. Тот недовольно сказал:

— Какая она у тебя потертая! И сколько дырок... — Он вынул из складок своего балахона блестящие щипцы с зубцами в виде драконьих головок.

Мальчик быстро поднял перепуганные глаза:

— Господин квартальный воспитатель, пожалуйста, не надо! Если вы проколете, меня сегодня накажут!

Драконьи головки с громким щелчком прокусили розовый картон. Мальчик вздрогнул.

— Если тебя накажут, значит, это необходимо, — наставительно сказал квартальный воспитатель. — Виноватый всегда должен нести наказание, чтобы сохранялось равновесие порядка. Разве тебя этому не учили? Отвечай.

Мальчик снова понурился и прошептал:

— Учили...

— В таком случае ты должен понимать, что наказание принесет тебе пользу. Разве не так?

— Так.

— Тогда почему же ты не благодаришь?

— Благодарю вас, господин квартальный воспитатель, — совсем тихо проговорил мальчик, и ресницы у него заблестели.

— Отвечай как следует.

— Благодарю вас, господин квартальный воспитатель! — звонким от слез голосом сказал мальчик.

— Прекрасно, можешь идти. И веди себя примерно.

Мальчик повернулся и побрел с опущенными плечами. Будто совсем не он минуту назад весело скакал по мостовой.

«Вот шкура!» — подумал я о квартальном воспитателе номер восемь. А он словно услышал эту мысль и сердито повернулся.

Но тут поспешно подошел Ктор Эхо. Что-то сказал на ухо воспитателю, а меня взял под руку:

— Ну что же вы, Евгений! Я попросил не уходить далеко от дворца...

— Разве я далеко?

— Идемте завтракать.

Мы пошли к калитке. Там я оглянулся. Квартальный воспитатель изумленно смотрел нам вслед. Я не выдержал и показал ему язык.

ВСТРЕЧИ В ГОРОДЕ

Мы позавтракали с Ктором в круглой комнате. Потом слуга Ящера принес голубой шелковый плащ с серебристыми застежками. Ктор набросил его мне на плечи.

— Вот так будет лучше. Накидка закроет ваши «боевые шрамы», которые приводят в ужас квартальных воспитателей.

— Ряса какая-то, — сердито сказал я.

— Ничего, здесь так принято... Сейчас мы погуляем...

— А когда бой? — спросил я нетерпеливо.

— Бой завтра. Именно завтра Ящер должен показаться из озера. А пока я познакомлю вас со столицей.

Мы с Ктором долго ходили по улицам. Красивый здесь город, зеленый, тихий. Много фонтанов. И еще много разных развалин: башен, стен, храмов. Сразу видно, что страна эта древняя.

Я разглядывал людей. Мужчины были в просторных костюмах и широких шляпах, женщины — в длинных разноцветных юбках и пестрых накидках. Все спокойные и неторопливые. И вот что я заметил: все они казались одного возраста — тридцати или тридцати пяти

лет, румяные, здоровые. Нигде не было видно юношей и девушек. Я сказал об этом Ктору. Он слегка удивился:

— А зачем они?

Я тоже удивился:

— Как — зачем? Ну... я не знаю. Ребята же растут, превращаются в молодежь.

— У нас не превращаются, — объяснил Ктор. — На острове так воспитывают детей, что они сразу становятся взрослыми. Крепкими, работающими, спокойными.

— А... как же? Сперва мальчик, а потом сразу... такой вот дядька?

— Да, очень быстро. И никаких забот. А с молодежью сколько было бы возни! Это очень опасный народ. Им все время лезут в голову нелепые мысли: хочется чего-то изменять, куда-то лететь, строить что-то непохожее на старое... Слава Богу, мы от этого избавились...

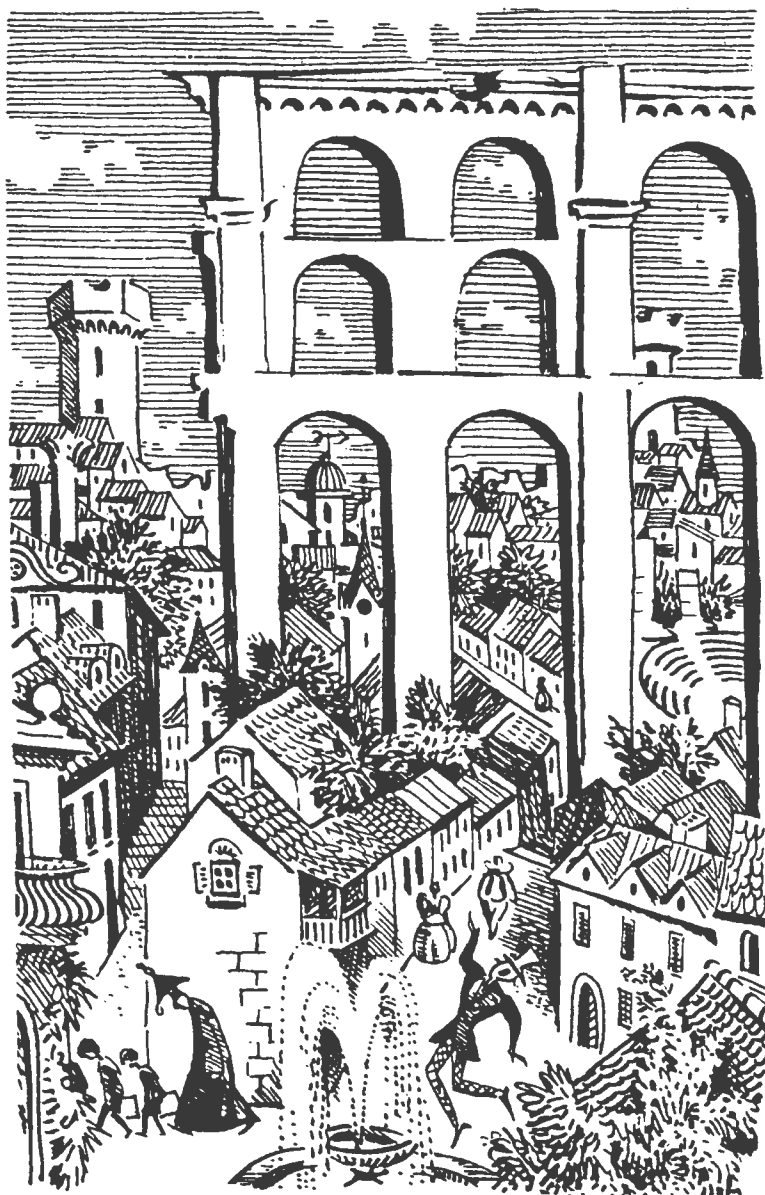
— Ради равновесия порядка и любимого Ящера, — с насмешкой сказал я.

— Вот именно, — откликнулся Ктор Эхо, и я не понял: тоже с насмешкой или серьезно.

Несколько раз нам встретились школьники. Ребята шли длинными цепочками в затылок друг другу. С опущенными плечами, молчаливые и очень послушные. Сзади и спереди вышагивали воспитатели в коричневых балахонах и с номерами на шапках-треугольниках. Мальчишки были в таких же, как у меня, плащах или в курточках и штанах с бахромой, которая смешно моталась вокруг тонких ног. А девочки — в разноцветных платьицах и пестрых передниках.

Как-то не вязался этот яркий наряд с их поникшим видом...

Часто попадались навстречу слуги Ящера — с одинаковыми розовыми лицами. Все они с ног до головы были затянуты в серый плюш. Даже на пальцах — плюшевые перчатки. Вот, наверно, мучились от жары, бедняги! Я хотел сказать об этом Ктору, но услышал пронзительный голос:

— Последние новости! Слушайте, дорогие жители острова Двид! Наша жизнь течет спокойно и счастливо, хвала нашему чуткому и доброму Ящеру!..

Из-за угла на середину улицы вышел очень странный человек: в грязном белом цилиндре, коричневом длиннополом пиджаке и узких клетчатых брюках. Он странно выворачивал и вскидывал ноги, будто они сгибались в коленях во все стороны. Голова на тонкой шее вертелась, руки невпопад мотались. Человек запрокидывал голову и с какой-то натужной веселостью вопил:

— Слушайте, почтенные горожане. Все спокойно на острове! Вчера вечером скончался уважаемый Дагомир Как, торговец клеем, красками и мороженым! Мы погорюем о нем положенное время, но скоро наша печаль сменится тихой радостью, потому что мы живем на острове Двид! Наша жизнь приятна и радостна, почтенные соотечественники! Сегодня после обеда мы соберемся на главной площади для субботних танцев! Приходите танцевать, жители столицы!

Взлягивая и дергаясь, человек прошел мимо нас. На его запрокинутом лице сияла блаженная улыбка. Я подумал, что это городской сумасшедший, и вопросительно посмотрел на Ктора. Ктор сказал с усмешкой:

— Это наш славный Крикунчик Чарли. Наша живая газета. Он всегда там, где самые важные события...

— Разве у вас нет радио?

— Ра-дио?... Ах да, есть... Но Крикунчик — это наша традиция, к нему все привыкли. Кое-кто считает, что он чересчур шумлив, но все его любят. За то, что он любит наш остров, где царит незыблемое равновесие порядка...

И опять я не понял: всерьез говорит Ктор или с иронией?

— Если бы мы объявили о танцах по городскому слухопроводу, никто бы, пожалуй, не пришел. А Крикунчик Чарли умеет созвать народ...

Я видел эти танцы. Они были устроены на треугольной площади, которую мы проезжали накануне. Откуда-то доносилась плавная музыка, и под нее неторопливо двигались пары: широкоплечие дядьки и румяные женщины. Танцоры сходились, расходились, перемещались по кругу, раскланивались...

Иногда музыка замолкала, и тогда начинал верещать Крикунчик Чарли. Он, дергаясь, вышагивал среди танцоров.

— Прекрасная вещь — субботние танцы! Мы замечательно веселимся, не правда ли, почтенные жители столицы? Как приятна эта милая музыка!

Милая музыка мне показалась однообразной, все танцы были похожи один на другой. Я дернул Ктора за рукав и хотел спросить, нет ли в этом городе кино или зоопарка. Но музыка внезапно оборвалась, раздался звон громкого колокольчика.

Через площадь ехало странное сооружение: высокая ступенчатая пирамида, обитая грязно-розовой материей. Пирамида была на больших дутых колесах. Ее тащила смиренная серая лошадка. По углам пирамиды на ее нижних ступенях сидели слуги Ящера. А на верхней площадке, метрах в четырех от земли, возвышались два квартальных воспитателя. Они стояли, как на капитанском мостике: смотрели вперед, а руки положили, будто на поручень, на тонкую перекладину, укрепленную поверх деревянных столбиков.

Наступила тишина, а потом Крикунчик Чарли восторженно завопил:

— О, вот она, добрая наша старая «Колесница справедливости»! Кто не вспомнит милые школьные годы, глядя на ее скрипучие ступеньки! Ха-ха, кое-кто боялся ее в детстве, но как мы благодарны ей теперь! Не правда ли, дорогие горожане?!

Раздались негромкие аплодисменты. А Крикунчик выскочил перед пирамидой и зашагал впереди лошадиной морды. Он дергался и выкрикивал:

— Вот она едет, наша милая розовая повозка! Она никому не позволит нарушить равновесие порядка! Ну-ка, где вы, лентяи, неряхи и любители недозволенных игр?!

Лошадь не обращала на Крикунчика внимания — видимо, привыкла. Квартальные воспитатели тоже не изменили своих капитанских поз. Они стояли как деревянные. Один воспитатель был коренастый, круглолицый, с широким желтым воротником на балахоне. Другой — тощий и высокий. Я сперва подумал, что это мой утренний знакомый, но потом увидел, что номер на его шапке другой.

«Колесница справедливости» пересекла площадь и въехала в переулок, но все еще были слышны вопли Крикунчика.

— Что это за чудо на колесах? — настороженно спросил я Ктора.

Он усмехнулся и сказал:

— Пойдемте, вам будет полезно посмотреть.

Мы пошли следом за пирамидой.

Квартала через два пирамида остановилась у белого аккуратного домика. Мы с Ктором отошли к изгороди. У меня от долгой ходьбы по городу гудели ноги, и я присел на покрытый черепицей выступ.

Длинный воспитатель высоко поднял руку с колокольчиком и позвонил. Прошло полминуты. На крыльце показался краснощекий дядька. За руку он держал бледного светлоголового мальчика лет десяти. Дядька что-то сказал сердитым шепотом, выпустил руку и подтолкнул мальчика с крыльца. Тот сделал несколько шажков, потом замер. Перепуганно смотрел на верхушку розового помоста.

Длинный воспитатель, подобрав подол, спустился с площадки и взял мальчика за локоть. Сказал почти ласково:

— Пойдем, голубчик.

Я увидел, как у мальчика подогнулись коленки. Он заговорил громким от отчаяния голосом:

— Но это, наверно, ошибка! Честное слово! У меня всего три прокола!

— Ха-ха! — заверещал Крикунчик Чарли. — Вы слышали? В с е г о три прокола! Радостный покой и благонравие все больше укрепляются на нашем острове, и три нарушения порядка за неделю — это совсем не мало в наши дни! Ни у кого на улице Зрелых Апельсинов нет проколов больше, чем у этого мальчишки. А он еще говорит про ошибку!

Длинный воспитатель поморщился и недовольно покосился на Крикунчика, но мальчику сказал:

— Ты слышал, что говорит господин Чарли? Ступай наверх.

Он повел мальчика по лесенке. Тот опустил голову и сначала не сопротивлялся, но на верхней ступеньке слабо дернулся. Сказал со слезами:

— Я не хочу...

— Как — не хочешь? — громко удивился воспитатель. — Разве ты собираешься поколебать равновесие порядка и вызвать гнев Ящера?

Он потянул мальчика, и они поднялись на площадку.

— Не надо... — последний раз проговорил мальчик, но четверо слуг Ящера обступили его, засуетились, а когда разошлись, он оказался в одной коротенькой рубашонке. Слуги растянули его руки на низкой перекладине и примотали какими-то серыми лентами...

Мне показалось, что кругом очень тихо, но это была тяжелая тишина, будто уши залепило пластилином. В руке у коренастого воспитателя появилось что-то вроде маленького черного удилица. Мои пальцы так сдавили черепичную плитку, что она треснула, и плоский осколок остался в ладони.

Воспитатель взмахнул удилицем. Тугую тишину прорезал короткий шелест и сразу — отчаянный вскрик. К горлу у меня подкатила горячая тошнота. Я вскочил и со всей силой метнул черепичную пластинку в этого подлого палача.

Я не попал. Черепица ударилась о столбик и разлетелась. Но, кажется, осколками этому гаду все же досталось. Он уронил хлыст и зажал рожу растопыренной пятерней. Крикунчик Чарли завопил что-то непонятное. Лошадь дернулась, помост закачался. Слуги Ящера суетливо попрыгали вниз и направились ко мне.

Но плевал я на них! Я видел распятого на перекладине мальчишку и хотел, чтобы его отпустили! Я оторвал еще кусок черепицы!

Ктор крепко ухватил меня за плечи, а слугам и всем собравшимся громко сказал:

— Успокойтесь! Это Рыцарь Оленя. Он пришел к нам, чтобы вызвать на поединок Ящера!

Они окаменели, я увидел черные открытые рты. Я рванулся к помосту на помощь мальчишке.

— Отпустите его! Вы! Фашисты!

Ктор ловко дернул меня назад, утянул в калитку, захлопнул ее. Я с яростью повернулся к нему.

Ктор сказал:

— Да успокойтесь же, его отпустят. Сейчас его никто не тронет... Нельзя же быть таким несдержанным.

— Надо было оставаться сдержанным?! — со звоном спросил я.

— Ну ладно, ладно, — пробормотал он. — Сейчас уже все равно. Может быть, это и к лучшему... Только давайте возвратимся во дворец.

Я как-то сразу ослабел. Прислонился к калитке. Испугался, что зареву, как маленький, и зло сказал:

— Ну и страна у вас...

— Вот такая страна. Остров Ящера... По крайней мере, будете знать, за что деретесь...

Теперь я знал. Я локтем оттолкнулся от калитки и хмуро сказал:

— Идемте...

Дворик, в который мы попали, оказался проходным. Мы вышли в тихий переулок и скоро уже были во дворце. Остаток дня я провел в кабинете Ктора. Он

показывал мне какие-то старинные книги и монеты, но я машинально кивал и все время видел перед собой этот гнусный розовый помост. И тоненького светлоголового мальчишку...

Вечером пришел оружейник. Он снял мерки с моей правой руки и с головы. Для меча и шлема.

Ужинал я один — все в той же круглой комнате с бухающими часами. Ктор куда-то ушел, а Тахомир Тихо не появлялся. После ужина Ктор отвел меня в спальню с высокими окнами и громадной кроватью. Белые светящиеся шары у стен медленно потускнели. Я лег и стал думать про завтрашний бой. Он меня не пугал. Я по-прежнему помнил, что в таких боях рыцари всегда побеждают чудовищ.

Интересно, какой он, этот Ящер? Наверно, у него перепончатые лапы, гребень на спине и змеиная голова на длинной тонкой шее. Надо будет обмануть чудовище. Я увернусь от головы, проскочу под шею и снизу ударю мечом по драконьему горлу.

Я был уверен, что все так и случится.

А розовый помост мы с ребятами сожжем на площади. Интересно, что при этом будет верещать Крикунчик Чарли?

ЯЩЕР

Я проснулся на громадной, как стадион, постели. По грудам подушек, по белому атласному одеялу прыгали солнечные зайчики — желтые, красные, синие. Это за окном с разноцветными стеклами качались ветки, а сквозь них били утренние лучи.

Я сразу все вспомнил — где я и что меня ждет. И ничуть не встревожился. Что плохого может случиться в такое солнечное утро? Я, как и вечером, подумал, что битвы рыцарей с драконами всегда кончаются плохо для драконов.

Плюшевый слуга Ящера выступил из угла и шелестящим голосом сказал:

— Пора вставать, Рыцарь Оленя.

Я быстро натянул одежду.

— Умойтесь, Рыцарь Оленя, — опять прошелестел слуга. Он держал длинный медный кувшин и наклонял его над большим тазом.

Да что у них, до сих пор водопровод не изобрели? Вчера фонтан, сегодня кувшин... А может быть, это такой обычай, чтобы рыцари перед битвой умывались как в старину?

— Мыло-то у вас есть? — спросил я.

Слуга поклонился и протянул мне желтый увесистый кусок. От куска пахло горькой травой. Но все-таки это оказалось настоящее мыло.

Вода была холоднющая, но я вымыл лицо и шею. Этот плюшевый тип начал вытирать меня мохнатым полотенцем. Я вырвался... и вдруг вспомнил маму. Когда я учился в первом классе, она по утрам торопливо подталкивала меня к умывальнику, потом сама вытирала мне лицо и приговаривала: «Пошевеливайся же ты... Ну почему ты такой копуша? Опять опоздаешь в школу...»

Я коротко вздохнул: далеко-далеко мама и папа. И даже не догадываются, где сейчас их Женька.

Ну ничего! Разделаюсь сегодня со здешним драконом — и сразу домой...

— Вот ваше оружие, Рыцарь Оленя...

Слуга теперь держал на вытянутых руках прямоугольный щит, а на щите лежали блестящий меч и красивый медный шлем с гребешком из черной щетины.

Я взял меч. Он был длинный, но тонкий и не тяжелый. Как раз по руке. Я хотел помахать им, но постеснялся плюшевого зрителя. Примерил шлем. Он тоже оказался как раз для меня. Закрывал всю голову, шею, лоб, уши. А стальная стрелка защищала переносицу.

Щит был обит черной кожей, а на ней поблескивало выпуклое изображение оленя из какого-то зеленого металла. Надо же! Успели специально для меня сделать! Я просунул руку в плотные кожаные кольца. Щит оказался лишь немного тяжелей моего фанерного.

И вот я стоял в полном вооружении, прямо хоть сию минуту в бой.

— Вы готовы, Рыцарь Оленя? — спросил слуга.

Что? Прямо сейчас?

— Поесть-то хотя бы дадите? — сердито проговорил я.

— Идемте. Завтрак внизу.

Я оглянулся на громадную кровать: на раскинутые подушки и смятое одеяло. Если бы я дома не убрал за собой постель, мама дала бы мне жизни! Но, наверно, рыцарям перед битвой не положено возиться с домашней уборкой... И я не стал ничего делать, только взял из-под подушки свой ключ на шнурке (а то потеряется здесь) и деревянный кинжал — на счастье.

По темной лестнице, над которой горели желтые фонари, мы спустились в круглую комнату. Из другой двери выкатился правитель Тахомир Тихо.

— А! Вот и наш герой, — проговорил он со сдержанной улыбкой и слегка поклонился. — Садитесь, Рыцарь Оленя. Подкрепитесь перед боем, который вас ожидает.

Я оставил оружие у дверей и сел. На столе опять стояли разные тарелки и вазы, и на них было много всего. Но я вдруг почувствовал, что не хочу есть. От волнения. Это было не боязливое волнение, а, наоборот, праздничное. Примерно такое же, как перед пионерским парадом, когда я впервые шел в шеренге горнистов... В общем, я сжевал яблоко и больше ни на что не посмотрел. Встал.

Тахомир Тихо тоже встал.

— Я вижу, вы готовы, — сказал он. — Что ж, самое время. — И он посмотрел на часы, которые все бухали и бухали, качая громадный маятник.

Сердце у меня тоже слегка забухало, но опять не от страха. От неизвестности и близких приключений. Правитель снова улыбнулся:

— Сами понимаете, моя должность не позволяет мне желать вам успеха. Поэтому я скажу так: пусть все решит судьба... На место боя вас проводит Ктор. Прощайте, Рыцарь Оленя.

— Прощайте, — отозвался я.

Последние слова Тихо мне очень не понравились, но я отогнал тревогу. Отошел к двери и стал надевать снаряжение. Через минуту появился Ктор Эхо. Я ему обрадовался.

— Приветствую вас, Евгений, — сказал Ктор без улыбки. — Я вижу, вы настроены бодро и уверены в успехе...

— А вы? — спросил я, и тревога опять кольнула меня.

— Это не важно, — ответил он. — Главное, что уверены вы. Идемте.

Мы прошагали через сад и вышли на улицу. Перед воротами дворца было пусто. Только в окнах домов торчали тут и там неподвижные, как маски, лица. Зато поодаль на тротуарах стояло множество молчаливых людей, а на мостовой выстроился четырехугольник слуг Ящера. На них были плоские каски, а поверх плюшевых комбинезонов — кольчуги с медными бляхами. Над касками торчали копыя. Их наконечники были похожи на узкие двурогие вилы.

Не понравилось мне все это молчание. Ктор понял меня и мягко сказал:

— Вы не должны обижаться на людей, Евгений. Они боятся вас приветствовать. Их запугивали всю жизнь, и они думают: «А что нам будет, если победит не рыцарь, а Ящер?»

— Подумаешь! — бодро ответил я. — Больно нужны мне приветствия... — Однако настроение слегка угасло.

Мы двинулись вниз по улице. Почти сразу ухнули сзади дружные шаги. Я оглянулся. За нами неторопливо маршировал вооруженный строй.

— Зачем они?

— Не волнуйтесь, — с усмешкой сказал Ктор. — Когда вы победите, они станут выполнять все ваши приказы... А народ будет рукоплескать и кричать «ура».

«Тоже мне народ, — подумал я, вспомнив краснощеких мужчин и сытых дам на площади. — Как драться — их нету, а рукоплескать — пожалуйста». Но тут же я вспомнил мальчишку на розовом помосте, и пальцы у меня стиснулись на рукояти.

Улица уступами спускалась с холма, а кругом на склонах раскинулся город. Такой красивый! И утро было такое свежее, чистое! Пахло мокрой зеленью и еще чем-то знакомым, похожим на запах цветущих одуванчиков, хотя самих этих цветов я не видел. Солнце стояло невысоко, но было уже горячее. Оно светило мне в спину и грело сквозь майку.

Среди зелени ярко белело кружево старинного моста...

Неужели я не смогу освободить от Ящера эту прекрасную землю?

Улица вывела нас из города. Неширокая дорога пролежала среди кустов и невысоких пригорков. На пригорках я увидел людей. Эти люди устанавливали на треногах какие-то приборы, похожие на громадные гармошки: не то фотоаппараты, не то телекамеры.

На ближнем холмике, совсем недалеко от дороги, я разглядел вертлявую фигуру Крикунчика Чарли. Он крутился среди тех, кто устанавливал аппарат. Когда я проходил мимо, Крикунчик укрылся за другими людьми.

Кое-где стояли цепочки ребят, а над ними торчали треугольные шапки воспитателей...

Топот вооруженных слуг Ящера затих. Пригорки кончились, и дорога потянулась через луг, похожий на высохшее болото: попеременно с травой торчал из земли сухой тростник. Иногда он был очень высоким,

метелки его качались выше моей головы. За этими сухими метелками вдруг заблестела синяя вода.

— Вот и все, — сказал Ктор и остановился. — Дальше вам надо идти одному, Евгений. Дальше — уже поле боя...

Так быстро? И как-то очень уж просто... Я недоверчиво посмотрел на Ктора. Ктор отвел глаза.

— По правде говоря, — вздохнул он, — мне тоже не хочется, чтобы Ящер видел меня с вами рядом... А вы идите прямо к берегу и ждите. Ящер скоро появится... Ну, я пошел.

Он даже не добавил «желаю победы». Быстро исчез, только тростинки зашелестели. Мне стало страшно. Но не мог же я отступить. И я пошел к берегу: не по дороге, а прямо сквозь траву и сухие ломкие стебли.

И вышел на плоский песчаный бугорок шагах в двадцати от воды.

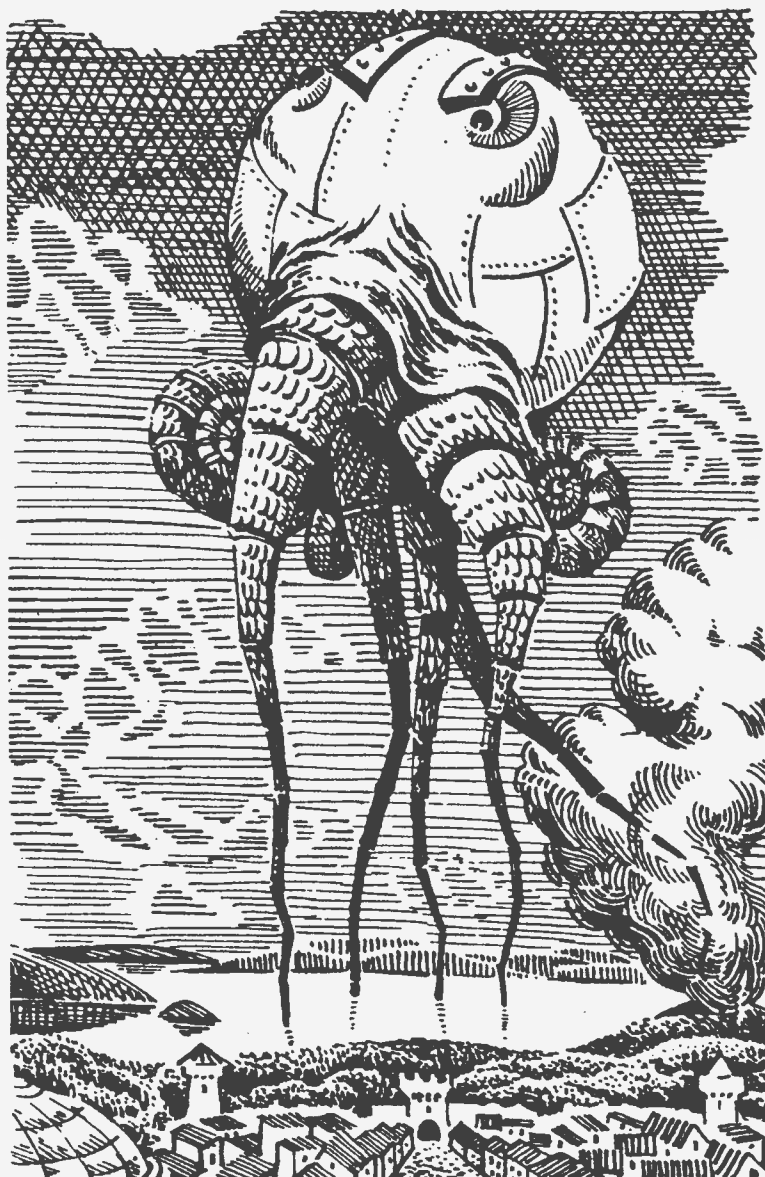
Озеро было шириной с километр. На том берегу голубел невысокий лес. В гладкой воде отражались облака. И тихо было. Страх начал угасать. Я опять стал думать, как обману Ящера, когда он вылезет: обегу стороной, поднырну под огнедышащую голову и с размаху садану мечом по длинной шее...

Но скоро ли появится это чудище?

Все было спокойно. Только мне показалось, что озеро в самой своей середине стало слегка вспухать. Вода словно поднималась плоским горбом.

Сердце у меня заперестукивало, я пригляделся. Нет, это не вода вспухала. Это поднимался из озера синевато-серый стальной остров. Его движение ускорялось. И вдруг из воды с ревом и свистом выросла на жуткую высоту башня! С нее рушились водопады...

В первый миг я даже не испугался. Просто остолбенел. Потом, закинув голову, разглядел башню. Это был шар с двумя черно-зелеными кругами. Он стоял на чешуйчатых столбах. Столбы колебались, и шар вверху

покачивался, будто аэростат... Я вдруг понял, что это! И задохнулся от ужаса.

Круги — это были зеленые глаза с черными зрачками. Шар — голова. Гибкие столбы — щупальца. Покачиваясь на этих щупальцах, над озером стоял осьминог. Спрут. По форме он был такой же, как обычные осьминоги (я их видел на картинках), но покрыт он не слизью, а, видимо, стальной броней.

А размеры!..

...Когда я был совсем маленький, мне изредка снился жуткий сон: будто я один-одинешенек стою в широком поле, а из-за горизонта показывается лицо. Невыразительное, скучное, с морщинками и родинками. Обыкновенное лицо, но оно размером с полнеба! И эта смесь обыкновенности и громадности замораживала меня мертвым страхом...

Так было и сейчас. Я заледенел и смотрел, не мигая, на чудовище ростом с Останкинскую башню.

Спрут стоял на четырех щупальцах. Четыре других были скручены улитками, и эти громадные «улитки» висели под самой головой. Спрут повел глазами и стремительно выпрямил одно щупальце. На секунду оно повисло над озером, а потом конец его упал на дальний берег. Сначала я ощутил сотрясение земли и увидел, как взволновалась вода, а затем уже услышал громоподобный свист и грохот удара. Над лесом взметнулся дым.

Тут же развернулась вторая «улитка», и, с ревом рассекая воздух, прямо на меня понеслось другое щупальце.

Я не шелохнулся, только закрыл глаза.

Гигантская «нога» спрута упала на берег шагов за пятьдесят от меня. словно грохнулся с неба железнодорожный состав. Земля подскочила, мой пригорок вздыбился и сбросил меня в траву.

Шлем с меня скатился, меч отлетел. Только щит удержался на левом локте. Я опрокинулся на спину. Опять как от взрыва подскочила земля: это приподня-

лось и снова грянуло о берег тысячетонное щупальце спрута. Надо мной прошел жаркий ветер, и я увидел на верхушках сухого тростника язычки бледного огня.

А в ясном небе, над огнем и грохотом, над моим отчаянным страхом, стояла громадная круглая голова с зелеными глазами. Глаза медленно поворачивались, кого-то искали. Меня?

Я отбросил щит, вскочил и побежал. Как зверек в траве. Скорее, скорее, лишь бы спастись...

Я бежал, а земля вздрагивала и гудела, и теплый ветер иногда толкал меня в спину. Потом стало тихо, но я все равно бежал. А в голове сама собой колотилась только одна коротенькая мысль: «Спрут, а не Ящер. Спрут, а не Ящер...»

Сквозь высокие кусты и камни я выбрался на ровную лужайку. Там стояли люди. Я бы промчался мимо них без задержки, но они загородили дорогу. И я услышал тонкий вопль Крикунчика Чарли:

— Вот он, наш «герой»! Посмотрите, жители острова Двид! Вот он, глупый, трусливый рыцарь, бросивший свой меч! Как быстро улепetyвает он с поля боя! Да здравствует победитель Ящер! Да здравствует вечное равновесие порядка! Держите этого хвастуна!

Передо мной мелькали какие-то лица. Кто-то злобно загоготал, кто-то свистел. Двое слуг Ящера крепко взяли меня за локти, и мне показалось, что в пальцах их плюшевых перчаток стальные стержни.

Меня куда-то повели, потом повезли в глухой темной повозке.

И я оказался в темнице...

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРЕСТУПНИК

Да, это была настоящая темница. Со всех сторон, под ногами и над головой — грубый ноздреватый камень. Даже лежанка оказалась сложенной из еле отесанных

могучих плит. А вместо обычного стола поднимался над полом вырубленный из камня куб. Только табуретка была железная или чугунная — с дурацкими завитками на ножках и мелкой решеткой на сиденье.

Когда меня сюда впикнули (не очень грубо, но решительно), я целую минуту обалдело стоял, и в мыслях у меня была сплошная путаница. Потом как-то сразу ослабели ноги. Я сел на решетчатую табуретку, но тут же вскочил: она обжигала холодом, будто ее внесли с зимней улицы. Камень лежанки тоже был холодный. И сырой. Я прислонился к двери. Она оказалась сколоченной из могучих брусьев, и дерево было теплее камня.

Темница на то и темница, чтобы в ней не хватало света. Но после глухой черноты внутри повозки мне здесь показалось светло. Стены вверху постепенно сужались и превращались в высокий сводчатый потолок, а в самой высокой точке потолка ярко светилося квадратное окошко. Я находился будто внутри четырехугольной каменной бутылки, а окошко было горлышком. В этом «горлышке» синело небо и белел край пушистого облака.

Сначала я просто смотрел, как движется облако. Потом потрянул головой, и обрывки мыслей стали как бы склеиваться. Я начал по порядку вспоминать, как все было...

И вдруг мне стало до жути стыдно.

Нет, не потому, что я бежал с берега. Разве может один человек воевать с несущимся на него курьерским поездом, с Ниагарским водопадом, с атомным взрывом? Не может ни мальчишка, ни взрослый! Но меня съедал стыд за свою прежнюю нахальную уверенность. Надо же, явился сказочный принц! Решил, что махнет мечом и спасет целое государство! «Обегу стороной, поднырну под шею и по горлу — раз!...» Ой, дурак, дурак, дурак...

Да, но эти, кто додумался меня сюда привезти, о чем думали? Неужели всерьез верили, что мальчишка спра-

вится там, где нужны ракетные батареи? Идиоты! В легенды поверили! Сами все хвосты поджали, а пацана одиннадцати лет сунули вперед. На верную гибель!

Тут у меня все смешалось: и стыд, и злость, и жалость к себе. И очень-очень захотелось домой. И еще захотелось лечь прямо на пол и зареветь.

Но на пол я не лег: знал, что он холодный. А зареветь не успел. Тяжелая дверь за мной качнулась, и я отскочил.

Вошел очень высокий человек в плаще до пола. Молча посмотрел на меня, подтащил к каменному столу чугунный табурет и сел. Конечно, в плаще-то не холодно.

Сидеть ему было неловко: некуда девать колени. Он поморщился, повозился и повернулся ко мне. Сказал глуховатым невыразительным голосом:

— Я — главный прокурор острова Двид. Моя задача — поддерживать равновесие порядка, установленное могучим Ящером.

«Ну и что?» — хотел спросить я, но не решился. Просто смотрел на него мокрыми глазами. У главного прокурора была длинная, как огурец, голова. Голая. Только на самой верхушке «огурца» торчал жиденький кустик волос. Нос был маленький, пяточком, совсем не подходящий к длинному лицу. А бровей я вовсе не увидел. Вместо них над глазами шевелились розовые безволосые бугорки.

— Эй... — негромко сказал прокурор в открытую дверь, за которой маячили темные фигуры. Почти сразу вошел слуга Ящера, он принес горящую свечу и лист бумаги. Прокурор кивком отослал слугу, достал большую авторучку и обратился ко мне:

— Вы — тот, кто называет себя Рыцарем Оленя?

— Не называл я себя так... — заспорил я сиплым от слез голосом. — Это вы все здесь меня так прозвали.

— Ну, допустим. А кто вы на самом деле? Как ваше настоящее имя?

— Ушаков... Женя. Из девятнадцатой школы, четвертый «В». То есть пятый уже...

Все так же невыразительно он спросил:

— Вы прибыли на остров, чтобы убить нашего славного Ящера?

— Я же не хотел... Это Ктор сказал, что все хотят... что он всех угнетает... А я...

— Вы пошли к озеру с оружием, желая напасть на Ящера. Разве не так?

— Я же не знал, что он такой громадный, — глупо пробормотал я.

Прокурор сказал со сдержанным удовольствием:

— Значит, если бы наш славный Ящер был меньше и слабее, вы попытались бы убить его... Вы признаётесь?

— Я же не сам... Мне сказали, что так надо... — опять пробормотал я.

Но он уже не слушал и быстро писал. Потом помахал в воздухе листом и сказал:

— Подпишите признание.

Я здорово испугался, сам не знаю почему. И крикнул:

— Я ничего не буду подписывать!

— Ну, как хотите. Это не важно, — равнодушно сказал прокурор и встал. Прихватил свечу, бумагу и, шурша плащом по полу, зашагал к двери.

— Что вам от меня надо? — громко сказал я вслед. — Что я, так и буду здесь сидеть?

Прокурор оглянулся в дверях и спокойно ответил:

— Нет, вы здесь не засидитесь.

Дверь с визгом и лязганьем закрылась.

Я стоял и не знал: пугаться или радоваться словам прокурора. Не засижусь... а что будет потом?

Я подошел к табуретке и потрогал. Может быть, она хоть немного нагрелась от прокурора? Нет, видно, прокурорский зад был такой же холодный, как стены темницы.

На усталых и слабых ногах я зашагал от стены к стене...

Так прошло какое-то время. Совсем не знаю какое: может, пятнадцать минут, а может, три часа. Мысли опять сделались перемешанные. Я то вспоминал о доме, то думал про железного Ящера, то со страхом гадал, что со мной сделают...

Залязгал дверной засов. Я остановился и задрожал: что сейчас произойдет?

Появился Тахомир Тихо.

Он с печальной улыбочкой посмотрел на меня, огляделся, покачал головой и заговорил:

— Ну, это уж чересчур, это уж ни к чему. Холод, сырость, постель не дали... Эй, там! Велите, чтобы принесли постель!.. Да, уважаемый Рыцарь Оленя, грустно все у вас получилось. Я ведь предупреждал.

— Ничего вы не предупреждали! — крикнул я и разозлился. — Говорили: «Ящер, Ящер», а это спрут. Да вон какой громадный!

Тахомир Тихо сдержанно хихикнул:

— Все его зовут Ящер. И всегда так звали. А что такое «спрут», я не знаю... Я же говорил, что это страшное чудовище. А вы думали, что это котенок?

Он присел на край лежанки, тут же встал и мелко зашагал из угла в угол.

— Да-да, я предупреждал... И зачем вам нужно было влезать в эту историю? Остров жил спокойно, мирно, все были довольны...

— И те ребята, которых вы хлестали на вашей дурной телеге? — перебил я.

Тахомир Тихо остановился и пожал плечами:

— Что здесь дурного? Дети сами понимают, что это необходимо. Это разумная строгость. Да! Она нужна для равновесия порядка.

— «Порядка»! Фашисты вы! — сказал я.

— Кто? Не понимаю... Детей необходимо держать в страхе, чтобы в головы им не приходили нелепые фан-

тазии. Иначе что получится? Сначала они начнут слишком прыгать, бегать и хохотать, затем у них появятся недозволенные игры, потом кому-то покажется, что в жизни острова не хватает новизны... И наконец, у кого-то может возникнуть желание п е р е д е л а т ь эту жизнь... — Правитель оглянулся и передернул плечами.

— Ну и пусть переделывают! А вам жалко?

Тахомир вздохнул, будто пожалел меня за неразумность. И объяснил:

— Во-первых, жалко... Из-за какого-то младенческого бреда разрушить такую налаженную, спокойную жизнь... А во-вторых, Ящер не потерпит, чтобы равновесие порядка было нарушено...

— Да ему-то зачем это ваше равновесие?

— Зачем — никто не знает, — строго объяснил Тахомир. — Но Ящер поставлен над нами высшей силой, чтобы это равновесие соблюдалось. И прекрасно, что поставлен. Да! С его помощью остров достиг расцвета и благоденствия.

— Ну и расцвет! Смотреть тошно!

— Не нравится — не смотрите, — возразил Тихо. — Вас никто не звал.

— Как раз звали! Ваш заместитель Ктор Эхо!

— Ну... я же говорил: Ктор у нас романтик, — с улыбкой заметил Тихо. — Вам не надо было его слушать... Теперь вы сами видите, что острову Двид вы не нужны.

— Ну, раз не нужен, отправьте меня домой, — торопливо сказал я.

— Да? А Ящер? Вы хотите, чтобы он в ярости смешал наш город с камнями? Вы нарушили закон и должны отвечать, Рыцарь Оленя.

— Но я же ничего не сделал!

— Ничего? — сердито хмыкнул Тихо. — А вчерашний скандал на улице? А дерзкий вызов Ящеру? Думаете, он простит?.. Вы — государственный преступник, и вашу судьбу решит суд острова Двид.

— Вы не имеете права меня судить! Я не из вашей страны!

— А проникать в нашу страну с преступной целью вы имели право? — с насмешкой возразил он. — Нет, уважаемый Рыцарь Оленя, вы виноваты, и народ должен увидеть, что вы понесли наказание.

«Неужели как того мальчишку на розовом помосте?» — с дрожью подумал я.

Нет, ни за что! Драться буду, кусаться, царапаться! Биться до смерти!..

— Только посмейте тронуть... — сказал я и постарался разозлиться сильнее. Когда я злюсь, то страх у меня обязательно уменьшается.

Правитель хмыкнул себе под нос и покатился к двери. Уже с порога он сообщил:

— Эту ночь вам придется поскучать. Я прикажу, чтобы принесли свечу...

— Засуньте ее себе куда-нибудь... — сказал я.

Тахомир Тихо укоризненно покачал головой и ушел. Тут же появился слуга Ящера с большой охапкой соломы. Он кинул солому на лежанку. Другой слуга внес в корзину глиняную миску, мятую жестяную кружку и кусок хлеба. Он оставил все это на столе, и меня опять заперли.

Я примял солому ладонями. Лег. Уткнулся лицом в ломкие стебельки. От соломы пахло сухой теплой травой, как на бабушкином сеновале. Отчаянная тоска резанула и сдавила меня. За горло взяла. Тоска по свободе, по дому, по маме и папе, по ребятам. По Толику... Я приподнялся, крикнуть хотел, броситься к двери, забарабанить! И тут же понял: бесполезно... Никто-никто меня не пожалеет на этом проклятом острове. Никому я здесь не нужен.

Я опять брякнулся лицом в солому.

Никто не пожалеет и не поможет... А Ктор Эхо? Он же ко мне по-хорошему относился. Даже пиджаком укрывал, когда плыли на остров... Ведь это

из-за него я здесь! Неужели бросит? Неужели даже не придет?

...Ктор Эхо пришел вечером. А до его прихода я много раз то совсем погибал от страха и отчаяния, то, наоборот, начинал думать, что ничего страшного не случится: попугают и отпустят. Я, кажется, даже поспал немного. А потом поел. Тюремная похлебка ничуть не напоминала обеды и ужины у Тахомира Тихо, она была недосоленная и противно пахла жареным луком. Но я съел всю. И хлеб съел. И запил водой... Вот тут-то как раз и появился Ктор.

Он пришел с жестяным фонарем, от которого разлетались по стенам прямые желтые лучи. Сел рядом со мной на лежанку, а фонарь поставил у ног. Долго молчал (я тоже молчал, хотя и ждал с нетерпением: что он скажет?).

Он сказал:

— Плохо все кончилось, Евгений.

Будто я сам не знал!

— Жаль... — сказал Ктор. И добавил: — Я думал, вы проявите больше мужества.

Это что же? Он меня еще и обвиняет? Я дернулся так, что солома взлетела над каменными плитами.

— Я? Мужества?.. А вы сами сможете драться с таким... с такой машиной! Небось даже на берег побоялись сунуться!

— Я — не рыцарь, я чиновник, — возразил он. — А вы обещали, что будете драться... Я надеялся, что вы примените какую-нибудь военную хитрость... Говорят, около ста лет назад один смельчак попытался прыгнуть с воздушного шара Ящеру на голову. Ходят слухи, что вся сила у Ящера в щупальцах, а голова почти не защищена. Вроде бы ее можно пробить мечом... Правда, этому герою тоже не повезло: он промахнулся...

— Интересно, где мне было взять воздушный шар? — ехидно спросил я. — И я же ничего не знал! Вы же не говорили, к а к о е это чудовище.

— Я говорил все, что мог, — возразил он. — Иногда даже больше, чем полагается. Не забывайте, что я на высокой службе и не могу разглашать государственную тайну.

«Нет, — понял я. — Не будет он мне помогать...» Меня опять накрыло страхом. Стыдно было этот страх показывать, но я не удержался и тихо спросил:

— Что теперь со мной сделают?

Он вздохнул и долго молчал. Потом проговорил как-то виновато:

— Ну уж потерпите еще завтрашний день...

— День? А потом?

— Ну... — Он поерзал, зацепил ногой фонарь, опрокинул и быстро поставил. Желтые пятна метнулись по камням.

— Что? — нетерпеливо повторил я.

— Это же быстро, — пробормотал он. — И, говорят, не больнее, чем вырезать гланды...

Я обмер:

— Что... не больнее?

— Ну... когда это... голову... — Он ребром ладони провел по колену.

— Да вы что!! — заорал я и вскочил на лежанке. — Вы с ума сошли?! Какое вы имеете право!.. — И я, по правде говоря, отчаянно заревел.

Но Ктор на мой крик будто не обратил внимания. По-прежнему сидел согнувшийся и неподвижный. От этой его неподвижности слезы у меня почему-то остановились. Я часто задышал и снова сказал:

— Не имеете права. Еще и суда не было.

Ктор шевельнулся.

— Да был суд... — вздохнул он.

— Без меня?

— А зачем вы там нужны? И так все ясно...

Я опять заплакал — от безнадёжного страха и беспомощности.

— Гады вы все с вашим Ящером. Связались с мальчишкой.

Ктор медленно поднялся.

— Евгений! Если вы не сумели быть рыцарем на поле боя, то хотя бы сейчас ведите себя достойно.

— Идите вы с вашими рыцарями! Сами все напридумывали, а на меня свалили! Сами заманили сюда, а я отвечаю, да?!

Ктор спросил немного удивленно:

— Значит, по-вашему, во всем виноват я?

— А кто? Я?!

Он задумался, и у меня почему-то появилась надежда.

— Хорошо, — наконец заговорил Ктор. — Если вы так считаете, ладно... Я не хочу упреков совести и поэтому выдам вам один секрет... Вон там, в углу, начинается подземный ход. Он заделан тонкой стенкой, вы ее сможете пробить даже ногами. Бегите...

В первые секунды я чуть не ошалел от радости. Но почти сразу подумал: «А куда бежать?»

— Смейтесь, да? Только я начну стучать, меня тут же схватят.

— Кто? — усмехнулся Ктор. — Вас не сторожат. Запирают снаружи дверь, вот и все. Ведь на острове нет ни одного вашего друга. Никто не подойдет и не отодвинет засов.

Это он правду сказал: никто не поможет.

— И куда же я денусь на вашем острове? Меня любой выдаст.

— Прячьтесь от людей. Подземный ход выведет вас на опушку леса. Идите тропинками через лес на ближайший берег. На берегу можно отыскать лодку или связать плот. Если подует юго-западный ветер, он пригонит вас домой...

— А если не подует?

— Когда-нибудь подует... Впрочем, я не обещаю, что вам обязательно повезет. Но я даю вам шанс... — Ктор нагнулся и взял фонарь. — Советую не долбить камень сейчас. Дождитесь полной темноты.

— Как же я буду... в темноте?

— Ах да... Ладно, оставлю вам свет. — Он опустил фонарь на стол и проговорил с усмешкой: — Теперь прощайте... мальчик Женя. В любом случае мы больше не увидимся.

И исчез, пригнувшись в низкой двери. Дверь опять закрылась с железным лязгом.

Я крупно дрожал — то ли от зябкого воздуха тюрьмы, то ли от волнения. Может, правда спасусь?.. Конечно! Ведь во многих историях, которые я читал, героям сначала не везло, а потом они спасались и все кончалось благополучно!

Я зарылся в солому, чтобы согреться, и стал ждать, когда вечернее небо в окошке совсем потемнеет. Ух, как долго я ждал! Просто чуть не выл от нетерпения. Но долбить стенку раньше срока боялся.

Наконец окошко стало темно-синим, и в нем ярко загорелась зеленая лучистая звезда. Мне она показалась хорошей приметой. Я встал, отряхнул солому, поправил на животе рукоятку кинжала (он так и торчал у меня из-за резинки на поясе), прошел в угол и с размаху ударил пяткой о стену у самого пола.

Камень здорово отшиб мне ногу и не шелохнулся.

Я ударил еще раз — всей подошвой! Камень держался мертво. Неужели Ктор обманул?

Отчаянным рывком я подтянул тяжелую табуретку, схватил за ножки, через силу приподнял. Потом раскачал ее в руках и грохнул сиденьем о стену.

Табуретка ухнула в пустоту. Она чуть не утащила меня в открывшуюся черную дыру.

Я схватил фонарь и, царапаясь о кромки разбитого камня, полез в проход. И оказался в низком земляном коридоре.

Скорее, скорее!

Сверху сыпались сырые крошки. Из неровных стен торчали волосатые корни. Они хватали меня за ноги и за локти, но я не останавливался. Свеча в фонаре уже догорала, и я боялся остаться в глухой подземной тьме.

А ход оказался длинным-длинным. Наверно, он вел через весь город. Свеча все же истаяла и погасла. Я бросил фонарь и стал пробираться на ощупь. Наконец что-то загорелось впереди. Огни? Меня кто-то караулит?.. Я замер. Потом сделал осторожный шаг.

Не было огней. Это светил через листья большой перевернутый вниз рогами месяц.

Я пробрался через кусты, которыми зарос выход. Каким теплым и ласковым показался мне воздух после темницы и подземного коридора! И листья большой травы были ласковые. Они гладили меня, словно хотели зализать все царапины.

Совсем близко темнела смутная громада леса. После всего, что случилось, ночной лес не казался мне страшным. Я вошел в него.

Сначала было совсем темно: месяц не пробивался под лесные своды. Но потом стали попадаться светляки. Чем дальше, тем гуще роились они вокруг. Несколько огненных жучков сели мне на майку. Я им шепотом сказал спасибо.

Мне хотелось уйти дальше, чтобы запутать следы. И я шел, шел, раздвигая мягкую траву, перелезал через горбатые древесные корни, нырял под низкие ветки, переходил вброд мелкие щекочущие ручейки...

В одном месте я наткнулся на кривое дерево. Могучий ствол его совсем низко нависал над землей. Сил у меня уже не было. Я сбросил раскисшие сандалии и лег под дерево. Трава обступила меня. Теплый воздух был как одеяло. Я сразу уснул.

ПТИЦА

Мне приснилось, что мы с Толиком ночуем в палатке. В каком-то походе или лагере. Будто я открыл глаза и увидел, что уже утро и колючие солнечные лучики пробиваются сквозь мелкие дырочки на парусине. А

Толик сидел у выхода и как-то странно смотрел на меня. Потом приложил палец к губам и выбрался из палатки. Что-то встревожило меня. Не очень, но все-таки... Я выбрался следом и увидел, что он уходит через лужайку к туманной кромке леса.

А над лужайкой, протянувшись от неба до травы, искрились тонкие стеклянные струны. Я сразу понял, что это заколдованный дождик. Ночная тучка ушла, а замершие струи остались, и солнце пересыпало их разноцветными огоньками...

Толик уходил через этот неподвижный дождик и время от времени оглядывался на меня.

Я побежал за ним. Молча. Почему-то не решался окликнуть. Упругие дождевые струны цепляли меня за плечи, мешали бежать, и я не мог догнать Толика. Тогда я рванулся изо всех сил! И одна струна лопнула. А за ней остальные! И они рассыпались на миллионы капель. Я сразу промок до ниточки. Задрожал и проснулся.

Я и в самом деле был мокрый — от росы. Ее крупные шарики гроздьями висели надо мной, и в них переливалось солнце — так же, как в недавнем сне.

Несколько секунд я лежал, ничего не понимая. Потом потряхнула меня такая дрожь, что я вскочил. И наивно, от этого сразу все вспомнил.

Кругом стоял сказочный лес. Стволы деревьев были толщиной с башню. Я их видел не совсем отчетливо, потому что среди стволов клочьями висел туман. Солнце прошивало листья, и в тумане горели косые неподвижные лучи.

Я здорово дрожал, но, несмотря на холод, мне стало радостно от такой красоты. Почему-то сразу появилось чувство, что в этом лесу нет опасности. Это был добрый лес. Мне даже показалось на миг, что здесь я встречу Толика.

А что? Я его в самом деле встречу. Ну, пускай не здесь, а дома, но все равно скоро. Потому что все будет хорошо и я обязательно попаду домой.

Вздрагивая и смеясь, я выбрался на поляну. Здесь было теплее. Обрывки тумана быстро улетали вверх. Солнце грело уже крепко, и трава высыхала на глазах. Я стянул с себя всю одежду и раскинул ее на ветках куста с большими желтыми цветами.

И вдруг спохватился: а где кинжал, где ключ, который вчера висел у меня на шее?

Ох, как не хотелось лезть опять в сырые заросли, да еще голышом! Но пришлось. Тем более, что сандалии тоже остались в траве, а надо было их просушить.

Кинжал и сандалии я нашел сразу. А ключа не было. Куда он пропал? И как шнурок мог с меня соскользнуть? А может быть, ключ потерялся еще под землей? Там было так страшно и корни так царапались и хватали за шею, что я мог и не заметить потери.

Здорово я расстроился. То, что ключ пропал, мне показалось плохой приметой: будто намек, что я никогда не попаду домой. Но потом я немного успокоился. Решил поискать получше, когда трава под деревом высохнет. Опять выбрался на поляну и запрыгал, чтобы согреться.

Мне понравилось прыгать, размахивать руками и купаться в солнечных лучах. Они становились все горячее и даже делались какими-то пружинистыми, тугими. Так замечательно было! Но наконец я запыхался. Остановился и начал глубоко вдыхать воздух, который пах мокрыми цветами. И через шумное свое дыхание вдруг услышал чей-то живой писк.

Я замер. Писк опять разнесся над поляной. Громкий и отчаянный. Я не испугался. Сразу почувствовал, что кто-то маленький зовет на помощь. Зверек или птица.

Я тоже был маленький и беспомощный в этой стране. Но сейчас я был кому-то нужен. Мог помочь! Маленькие и слабые должны помогать друг другу, чтобы не быть одинокими. Чтобы стать сильнее.

У меня даже защекотало в горле от этой неожиданной мысли. И от резкой жалости к тому, кто пищал в

траве. Я еще не знал, кто там, но все равно жалел его. И поскорее бросился на сигнал беды.

У края поляны кто-то копошился в траве. Я раздвинул стебли...

И увидел ошипанного гуся.

Он бился в травяной чаше. Подпрыгивала голова на тонкой голой шее, дергалась пупырчатая кожа с какими-то колючками на месте перьев. Там, где должны быть крылья, шевелились нелепые култышки. Скребли по листьям тощие лапы...

Честно говоря, мне стало не по себе. Даже противно сделалось. Я откинулся назад. Но птица без перьев забилась еще сильнее и попыталась встать. Опять громко запищала. Словно просила: «Не уходи!»

Я снова нагнулся и пригляделся. Нет, это был не гусь. Голова совсем не гусяная, клюв длинный и слегка загнутый. И лапы очень длинные, без перепонки между пальцами... И вообще это была не взрослая птица, а птенец! Неоперившийся птичий детеныш, только громадный.

Я вздрогнул: какие же родители у такого птенчика? А если прилетят на писк да решат, что я обижаю их младенца, да хряпнут меня по темени метровыми клювами?

Подальше бы отсюда... Но птенец, он все-таки птенец. Он в беде. Наверно, выпал из гнезда. Я поднял глаза. На ветвях могучего дерева прямо надо мной в самом деле темнело гнездо — куча хвороста величиной с рояль.

Дерево было очень толстое и прямое. Конечно, я смог бы добраться до гнезда, цепляясь за выступы и наросты на коре, но это если один. А как с птенцом?

Пока я раздумывал, какая-то полупрозрачная тень пронеслась над поляной, надо мной. На миг потемнело солнце. Я быстро оглянулся. Но все было по-прежнему. Наверно, у меня просто закружилась голова.

Что же все-таки делать? Была бы веревка — я бы забрался в гнездо, а потом поднял птенца... А если

найти подходящую лиану? Кое-где по стволам тянулись длинные стебли вьюнков с желтыми и синими цветами-колокольчиками. Выберу стебель покрепче, сделаю из майки мешок, засуну туда птенца...

Я вскочил, чтобы побежать за вьюнком. И опять пронеслась надо мною серая тень. Так ощутимо, что на этот раз ветер шевельнул мои волосы. Я присел на корточки, и сердце забухало. Сквозь это буханье до меня донесся шум тяжелых шагов. Я задрожал и рывком обернулся.

Сначала я ничего не увидел. Потом... Потом прямо из ничего, из воздуха выступила громадная голубая птица.

Птица стояла и смотрела на меня. Я даже не удивился, что она появилась из пустоты, меня просто ошарашил ее рост. От земли до ее клюва было не меньше пяти метров.

Птица шевельнула головой, не то скрипнула, не то протрещала что-то на своем языке и зашагала ко мне. Ее очень тонкие, но, видимо, тяжелые ноги подминали траву и мелкие кусты. Желтый лаковый клюв (длинной с саблю, но гораздо толще) был по-боевому загнут вниз. Я почувствовал себя маленьким голым червяком, которого сию минуту склюнут и проглотят. Но не побежал. Даже в голову не пришло, что можно удрать и спрятаться в чаще.

Птица подошла и нависла надо мной. Я зажмурился. Но ничего не случилось. Я осторожно глянул вверх. Птица склонила голову набок и смотрела на меня одним глазом. Мне показалось, что вопросительно. И тогда, сам не знаю зачем, я сказал:

— Птица, я же не виноват...

Она приоткрыла клюв и вдруг защелкала им так, что по лесу рассыпался костяной треск. Я вздрогнул. Птенец снова отчаянно запищал. Но птица не двину-

лась с места. Она лишь повернула голову и глянула на меня другим глазом.

— Честное слово, — жалобно сказал я. — Он сам упал. Я хотел помочь... Хотел поднять вон туда. — Я посмотрел на гнездо.

И птица... Она тоже посмотрела на гнездо! А потом опять на меня.

Мне показалось, что она все понимает. Наверно, просто показалось. Но так хотелось, чтобы хоть кто-то на этом острове отнесся ко мне по-человечески! Пусть даже птица...

— Я помогу, — заторопился я. — Ты не думай, птица, я его не обижу. Ты только не мешай, ты только поверь мне, птица...

Надо было взять майку. Я очень осторожно поднялся. Потом на дрожащих ногах обошел птицу сторонкой. Двинулся к желтому кусту, где сохла одежда. Птица стояла на месте и внимательно следила за мной: поворачивала голову на длинной гибкой шее.

Теперь между нами оказалось шагов двадцать. Я наконец подумал, что можно удрать — схватить одежду и рвануть в гущу леса! Птица не догонит меня среди зарослей.

Но она же не делала мне зла. Она стояла и ждала (а птенец все пищал). Она смотрела на меня так умно, будто человек. И я даже застеснялся перед ней, как перед человеком, что совсем раздетый. Натянул на себя все, кроме майки.

А майку понес к птенцу.

В пяти шагах от птицы я сказал ей:

— Ты не думай, я ничего плохого ему не сделаю. Просто заверну, чтобы поднять в гнездо. Ладно?

Она — вот умница! — шагнула в сторону. Словно хотела сказать: делай, что надо, не бойся.

И я почти перестал бояться. Приподнял птенца и начал заталкивать в майку. Он был очень теплый и какой-то жидкий — как полиэтиленовый пакет с горячим ки-

селем. В этом киселе отчаянно стучало твердое сердечко. Птенец пискливо орал, неумело щелкал клювом и царапал меня когтистыми лапами. Кожа была мокрая, а прорастающие перья кололи ладони. Не очень-то приятно было, но что делать. Наконец я упибал этого скандалиста в майку — так, что ноги его торчали из ворота, а сам он барахтался, как в мешке.

Теперь привязать к майке лиану, взять ее конец в зубы — и марш на дерево.

— Все, птица, — сказал я. — Скоро все будет в порядке...

Она стояла от меня в трех шагах (конечно, это были ее громадные шаги) и слушала. Внимательно так. И вдруг на меня просто озарение нашло!

— Слушай, птица, — воскликнул я. — Тебе же это совсем легко! Возьми майку в клюв и лети в гнездо! Понимаешь меня, птица?

Я был уверен, что она понимает, и даже не удивился, когда она шагнула ко мне и склонила голову.

Я протянул птице майку с дрыгающимися лапами. И она — хоть верьте, хоть нет — осторожно зажала в клюве трикотажный подол. Потом так взмахнула великанскими крыльями, что меня откинуло ударом воздуха.

Птица поднялась и через две секунды оказалась в гнезде.

Она совсем скрылась, только пышный короткий хвост из темных перьев иногда выглядывал из-за края гнезда. Гнездо качалось, в нем слышались шумная возня и писк. На меня сыпалась труха и упало несколько веток. Потом птица высунула голову и рассыпчато пощелкала клювом.

— Ну что, птица, все в порядке? — спросил я.

Она опять коротко потрещала.

— Вот и хорошо. Только отдай мне майку. Понимаешь, птица? М а й к у. А то как же я пойду? Вечером холодно будет, и комары заедят.

Птица скрылась. Я опять услышал возню и писк. «Ну и характерец у этого младенца», — подумал я. Это мама так говорила, если я начинал упрямиться: «Ну и характерец...»

Птица опять выглянула — с майкой в клюве. Я решил, что она бросит мне майку, и вытянул руки. Но птица с шумом слетела, шагнула поближе и опустила майку к моим ногам.

А потом она осторожно положила мне на плечо свою тяжелую голову — так, что могучий клюв оказался у меня за спиной. Совсем рядом я увидел круглый черный глаз в оранжевом ободке. В глубине глаза я разглядел желтую искорку и крошечное отражение своего лица.

Это был добрый, умный глаз, хотя и не человеческий.

— Какая ты хорошая, Птица, — шепотом сказал я. Теперь я называл ее Птицей как бы с большой буквы — словно это было имя.

Птица еле слышно прошуршала клювом.

Я уже ни капельки ее не боялся. Я понял, что она говорит мне спасибо. Еще бы! Любая мать, любой отец будут благодарны тому, кто выручит из беды их ребенка. Я вдруг вспомнил родителей Юльки Гаранина. Вот бы они радовались, если бы кто-нибудь спас их сына!.. И тут же подумал о маме и папе. Если не попаду домой до их приезда, сколько горя они хлебнут! А если совсем не вернусь?

От этих мыслей и оттого, что Птица была такая ласковая, у меня намокли ресницы... Но нет, нельзя раскисать! Я вернусь! Надо идти к берегу, искать лодку, ждать юго-западного ветра!

Я погладил Птицу по упругим шелковистым перышкам на шее:

— Прощай, Птица. Меня ждут... дома...

Она подняла голову на пятиметровую высоту. Я взял с травы майку, поправил под резинкой кинжал. Вдохнул и пошел.

На краю поляны я оглянулся. Птица стояла на прежнем месте. Громадная, стройная. Раньше она казалась мне похожей на страуса, но теперь я понял: ничего подобного. Больше всего Птица походила на фламинго. На фламинго-великана, только не розового, а серовато-синего.

Впрочем, трудно говорить о цвете: он все время менялся. То отливал сталью, то словно отражал небо, то делался почти сиреневым. Вдруг Птица шевельнулась... и пропала! Это солнечные лучи отскакивали от блестящих перьев так, что Птица словно растворялась в воздухе.

Так вот почему она появилась будто из пустоты! Она умела становиться невидимой! Ну, правда, не совсем невидимой. Ярко-желтый клюв, серовато-коричневые ноги, темный хвост и черную оторочку крыльев можно было разглядеть. Но только если сильно присмотреться. В общем, Птица исчезла, как исчезают изображения у картинок-переливашек на карманных календариках.

Но исчезала Птица или появлялась, она по-прежнему смотрела на меня. Я помахал ей рукой и шагнул в лесную тень.

Куда идти, я не знал и пошел на северо-восток — так, чтобы солнце светило в правую щеку. Почему-то казалось, что эта дорога до моря будет самой короткой. Да и лес в этой стороне был реже...

Трава была высокая, но не густая, и шел я легко. Кругом стояли узловатые могучие деревья — не то старые вязы, не то ясени. Я раньше таких не видел: вокруг нашего городка лес был сосновый вперемежку с березой и осиной, а на улицах росли тополя да клены. А здесь — как в сказке про Красную Шапочку или в балладах о Робин Гуде...

Прошло, наверно, минут десять. Я услышал сзади шаги, торопливые и тяжелые. Бросился к ближайшему дереву. Но пугаться не стоило: меня догоняла Птица.

Зачем я ей понадобился?

Она подошла, согнула шею. В клюве ее был зажат шнурок с ключом. С моим ключом от дома!

До чего же я обрадовался! Я совсем забыл про ключ, а она как-то догадалась, нашла, догнала меня...

— Спасибо, Птица! Значит, я еще попаду домой, да?

Она весело покивала, щелкнула клювом и пошла назад. Я опять помахал ей и тоже зашагал. Шел и разглядывал ключ. Мне показалось, что в трубчатый стержень попал мусор. Я дунул в трубку. Нет, ключ был чистый: из него вырвался звенящий свист. Совсем как в те дни, когда мы с ребятами играли в футбол. Таким свистом я давал сигнал к началу матча.

Я вспомнил наших ребят, вспомнил Толика, вздохнул и дунул еще раз. И сразу же услышал шаги Птицы. Она догоняла меня снова!

— Что, Птица? Что случилось?

Она переступила тонкими своими трехпалыми ногами и посмотрела как-то нерешительно. Опустила голову и осторожно тронула носом ключ. Потом отошла и оглянулась.

Я начал догадываться. Отвернулся, отошел, прижал ключ к нижней губе и свистнул. Птица тут же подбежала и выжидающе склонилась надо мной.

— Ты решила, что я звал тебя? Нет, Птица, — сказал я, — это нечаянно. Извини. Я просто так свистнул... Не сердись, Птица.

Тогда она снова положила мне голову на плечо, и я опять погладил ее шелковую шею.

И мы разошлись...

ИСКАТЕЛЬ ИСТИНЫ

Я долго шел через лес. Иногда идти было нетрудно: попадались ровные лужайки, а порой я натыкался на полузаросшие тропинки. Но случалось, что путь загораживали частые кусты и лианы. Приходилось проди-

раться. Сворачивать я не хотел, старался идти прямо на северо-восток.

Через несколько часов я совсем измотался. Стояла душная жара. Кожа у меня горела от всяких ядовитых колючек. Был я такой испаряпанный, что квар-тальный воспитатель номер восемь, наверно, при виде меня грохнулся бы в обморок.

Часто попадались прохладные ручейки, и жажда меня не мучила, но зато ужасно хотелось есть.

Когда же кончится этот проклятый лес? Утром он казался мне добрым, ласковым, а сейчас был как враг.

Я выбрался на полянку и упал в траву. Просто ноги уже не держали. Я лежал, уткнувшись лицом в пахучую зелень, и думал: «Хоть бы ягод каких-нибудь най-ти...» И вдруг услышал легкие шаги. Совсем не похожие на шаги Птицы.

Конечно, я испугался. Но убежать и прятаться не было сил. Я посмотрел через траву. По лужайке шел сгорбленный старик в длиннополом сером халате. Халат был подпоясан жгутом, скрученным из сухой травы.

Старик шел прямо ко мне. Когда я это понял, то собрал последние силы и встал.

Старик посмотрел на меня водянистыми глазами и сказал:

— Мир тебе в этом лесу. Ты устал?

— Да, — прошептал я.

— Если хочешь, пойдем ко мне. Поешь и отдохнешь.

Он повернулся и зашагал, не оглядываясь. Не очень резво, но и не тихо. И трава будто сама собой расступалась перед ним.

Я подумал, что могу попасть в руки врагов. Но, постояв секунду, я поспешил за стариком: очень уж хотелось есть.

Скоро мы оказались у лесной хижины. Три стены ее были сложены из замшелых камней, а передняя сплетена из веток. В плетеной стене были дверь и небольшое оконце. На пороге старик оглянулся и сказал:

— Входи в мой дом...

Я вошел. Было просторно и полутемно. В дальнем углу возились какие-то животные — не то овцы, не то козы. Пахло сухой травой и дымом.

— Садись где понравится, — предложил старик.

Я оглянулся, увидел топчан, покрытый тряпьем, и сел. Прислонился к бугристой каменной стенке. Камни сквозь майку холодили спину. Старик молча поставил рядом со мной глиняную миску, положил кусок хлеба и деревянную ложку.

Я взялся за еду. Это была теплая сладковатая каша, не знаю, из какой крупы. Когда я выскреб доньшко, старик дал мне кружку холодного молока.

«Позвал в дом, кормит, — подумал я. — А знает ли он, кто я такой?» Будто в ответ на эти мысли, старик сказал:

— Ложись отдохни. В этом доме тебя никто не тронет.

И я перестал бояться. Да и что оставалось делать, когда глаза сами закрывались от усталости? Я скинул сандалии и свернулся калачиком на тряпках...

Когда я проснулся, в оконце синели сумерки. Старик возился у очага. Его жидкие седые волосы казались золотыми от огня. Не оглянувшись, он проговорил:

— Ты хорошо поспал. Ноги больше не болят?

Нет, ноги не болели. Только немного ныли и чесались царапины. Я чувствовал, что силы вернулись.

— Спасибо. Теперь пойду... — сказал я.

— Куда же к ночи? Живи до утра.

— А далеко отсюда до берега?

— До твоего берега? — странно спросил он. — Часа два пути. Но идти лучше утром...

«Он, кажется, все про меня знает», — подумал я. Подошел к очагу и сел напротив старика на корточки. Он не удивился. Спокойно глянул на меня и стал во-

рошить палкой горящие сучья. У него были худые щеки, редкая бородка, костистый лоб почти без морщин. Зато ниже лба, на всем лице, морщин было очень много. При свете очага они казались глубокими и черными.

Я спросил:

— Вы лесник?

— Я отшельник.

Это меня совсем успокоило. Я читал, что отшельники никому не причиняют вреда.

— Значит, вы живете здесь один и молитесь Богу? — спросил я.

— Нет, — спокойно сказал старик. — Я не молюсь. Я пока не уверен, что Бог есть. Просто я ищу Главную Истину.

— Что? — не понял я.

— Главную и Вечную Истину, — хмуро, но терпеливо повторил он. — В чем смысл человеческого бытия.

— А-а... — сказал я.

Отшельник быстро взглянул на меня:

— Разве ты понимаешь, о чем я говорю?

— Что же тут не понять?

— Ты тоже думал об этом?

— Было как-то, — сказал я.

Отшельник снова опустил голову и зашевелил в очаге сучья.

— Все равно, — вздохнул он. — Никто не знает ответа...

Но я знал ответ. Мама мне объяснила эту истину давным-давно — года два назад. Это случилось, когда меня ошарашила мысль: зачем живет человек, если все равно умрет? Я два дня ходил как пришибленный, а временами такая тоска брала, что прямо хоть головой о камни. Мама, наконец, увидела, что я сам не свой, стала расспрашивать. Ну, я не выдержал, рассказал о своих мыслях.

Мама посадила меня на колени и серьезно объяснила:

— Это с каждым человеком бывает: однажды у него появляется такой вопрос...

Но мне было не легче оттого, что это с каждым...

Мама сказала:

— Каждый надеется дожить до глубокой старости. А тогда человек уже так утомлен и спокоен, что умирать ему не страшно.

— Да не в том дело, что страшно! — крикнул я. — Просто обидно! Живешь, живешь, а потом — ничего.

— Вовсе не ничего, — возразила мама. — У человека остаются дети. У тех детей будут еще дети, много новых людей. А все люди — которые были, которые сейчас живут и которые потом будут, составляют человечество. А человечество будет всегда, оно бессмертное.

Но меня это не успокоило. Я не понимал, зачем оно, человечество? Зачем, если люди, которые будут жить потом, тоже станут мучиться от таких же вопросов, как я? Все равно будут спрашивать: зачем живет человек?

И мама сказала:

— Человек рождается, чтобы радоваться жизни. Смотри, какое чистое небо, какая весна, смотри, сколько на земле интересного. Когда радуешься, разве спрашиваешь, зачем? Радуешься, вот и все.

Я подумал, что это правда. Но тут же вспомнил, что не у всех людей жизнь радостная. У кого-то сплошное горе, а он все равно живет. И сказал об этом маме.

Мама вздохнула:

— Конечно, всякое в жизни бывает... Бывают беды и несчастья, но люди с ними спорят и все равно стремятся к радости... А самая большая радость, Женька, это любовь...

— Какая еще любовь? — недовольно спросил я. Книжки и кино, где бегают на свидания и целуются, я терпеть не мог.

Мама засмеялась:

— Всякая. Когда человеку очень нужны другие люди: мама и папа, друзья, дети... Вот мы с папой тебя

любим и точно знаем, зачем живем. Чтобы ты вырос хорошим человеком и был счастлив... Но не только для этого, конечно! — спешно спохватилась она. И серьезно добавила: — Вообще надо стараться жить, чтобы другим от тебя что-то хорошее было. Ясно?

Нельзя сказать, что все мне было ясно. Однако главное я, кажется, понял. И я прыгнул с маминых коленей, потому что жить в самом деле было интересно. Я вспомнил, что ребята строят за гаражами робота Федю с пузатым самоваром вместо головы, и побежал на улицу...

Сейчас, глядя на отшельника, я подумал, что хорошо бы все это ему объяснить. Но не решился. Мне показалось, что он со мной не согласится. Я только спросил:

— А зачем вам Главная Истина?

— Как — зачем? — удивился он. — Чтобы знать.

— Ну да... А зачем знать? Что вы с ней будете делать, когда узнаете?

Он утомленно объяснил:

— Истина — это не вещь. С ней ничего не надо делать. Ее надо о с о з н а т ь, вот и все.

Я боялся его обидеть, но очень уж было непонятно, и я нерешительно спросил:

— А потом что?... Вот у нас во дворе если ребята что-нибудь интересное придумают, они сразу бегут к другим и рассказывают. Иначе какой прок?... А вы ведь живете один... Или вы потом пойдете к людям?

Отшельник покачал головой:

— Не пойду. Главную Истину каждый должен искать для себя сам... И откуда я знаю: вдруг мое открытие принесет другим людям вред? А я не хочу никому делать ни добра, ни зла.

Я удивился:

— Зла — это конечно. А почему добро не сделать?

— Потому что все должно идти своим чередом, — вздохнул Отшельник. — Не следует вмешиваться в движение событий...

— Но вы же... вот вы помогли мне. Разве это не добро?

Отшельник опять быстро взглянул на меня и встал.

— Не знаю, — сказал он. — Это вышло само собой... Выпей молока и ложись. Поспи до утра...

Утром Отшельник снова покормил меня и сказал:

— Теперь ступай с миром...

— А куда идти?

— Иди как шел. Лучше держись тропинок. А вообще-то здесь одна дорога... Не сворачивай со своего пути, а то попадешь в Заколдованный лес. Кто туда попадет, все на свете забудет... Прощай.

И я снова пошел на северо-восток.

Были на пути все те же деревья, заросли и лужайки. Но теперь лес опять показался мне красивым и добрым. Все чаще попадались тропинки.

Где-то через час я увидел высокую кирпичную стену с разрушенными зубцами наверху. Тропинка вела прямо к железной ржавой калитке.

Что там за калиткой? Люди, опасность? Или долгожданный берег моря?

Я постоял и осторожно надавил плечом теплое железо. На плечо посыпались чешуйки ржавчины, дверь со скрипом отошла.

За ней оказался все тот же лес. Видимо, стена была остатком крепости или заставы...

Потом попалась на пути еще одна стена — с разрушенной башней и тоже с калиткой. И опять за ней — ничего, кроме леса.

Когда я увидел третью стену, а в ней деревянную дверь с большими ржавыми заклепками, меня даже досада взяла. Сколько можно? Издевательство какое-то! Где он, этот северо-восточный берег?

Я с разбегу ударил в дверь ладонями. Она отошла неожиданно легко, и я пролетел вперед несколько шагов.

...И оказался на треугольной площади столицы.

Вдоль домов стояли рядами молчаливые люди, а посреди площади возвышалась розовая пирамида на колесах. Перед ней в какой-то нелепой, изломанной позе застыл Крикунчик Чарли.

ПЛОЩАДЬ

Меня сразу крепко взяли за локти.

Крикунчик, вздыгивая ногами и дергаясь, завопил:

— А, вот он, наш «герой»! Вот он, наш «храбрец»! Посмотрите, почтенные горожане! Он пришел вовремя! Теперь все поняли, что бесполезно бегать от правосудия? Он хотел убежать, ха-ха! Он не знал, что любого, кто нарушил равновесие порядка, все дороги приведут сюда! Вот на эту миленькую колесницу с уютной площадочкой наверху!

На верхней площадке розового эшафота стоял здоровенный парень в черном трико и ярко-желтом капюшоне. Если бы не этот капюшон, парень был бы похож на конькобежца. Впрочем, конькобежцы не бывают с мечами, а этот поставил перед собой сверкающий большой меч и держал свои лапы в желтых перчатках на перекладине рукояти.

Меч был кривой и походил на громадный охотничий нож...

В общем, это выглядело не очень страшно. Как в театре. Это казалось бы даже забавным, если на сцене. Но это было, кажется, всерьез.

Все случилось так быстро, что я даже не испугался сначала. Просто обмяк и перестал надеяться на спасение. Меня повели к помосту, подтолкнули, и я на слабых ногах поднялся на верхнюю площадку.

Посреди площадки торчал толстый пень, а на краю стоял покрытый розовым плюшем стол. За столом си-

дел главный прокурор острова Двид. Пучок волос на его огуречной макушке шевелился под ветерком.

Прокурор посмотрел на меня и сказал:

— Обыщите осужденного.

Стражники отобрали у меня кинжал, ключ, обшарили карманы, где лежали копеечные монетки.

Прокурор подвинул к себе лист бумаги и взял авторучку.

Палач переступил с ноги на ногу.

— Минуту, — сказал ему прокурор. — Я должен составить список изъятых вещей.

Он стал писать, и ручка скрипела. Это было слышно, потому что стояла тишина. Я безнадежно оглянулся.

Эшафот окружали слуги Ящера в плоских медных касках. Двурогие наконечники копий торчали, как растопыренные пальцы.

За стражниками стояли молчаливые горожане. У всех были неподвижные лица. Будто из пластилина! Они ничего не выражали, эти лица. Была кругом тысяча людей — и словно не было никого.

«Да что же это такое!» — вдруг ахнул я про себя.

Что же это? Как мог я, Женька Ушаков с улицы Красных Летчиков, оказаться здесь, в этой жуткой стране, на этом нелепом помосте, среди чудовищных, равнодушных людей?

Ужас рухнул на меня, как обвалившаяся стена. Я хотел рвануться, отчаянно крикнуть! И в этот миг прокурор бесцветным голосом спросил:

— У вас есть последнее желание?

Последнее желание?

— Да... — сказал я с надеждой. — Да! Я хочу домой!

Он досадливо качнул головой и разъяснил:

— Нет, это нельзя. Желание не должно мешать исполнению приговора.

Значит, это все же по правде? Значит, э т о случится?

Страх опять накрыл меня, как тяжелая волна. Но я сглотнул и остался стоять прямо. Теперь я знаю почему: под страхом во мне начинал разгораться уголек злости. Тогда я сам этого не понимал, но сейчас знаю: злой огонек помог мне устоять.

Прокурор нетерпеливо постукивал по столу крючковатыми желтыми пальцами. На столе перед ним лежало мое имущество.

— Тогда... — сказал я и сглотнул. — Тогда верните мне мои вещи.

Прокурор приподнял безволосые бугорки бровей:

— Зачем они вам?

— Не ваше дело!

На меня нахлынула злая обида: убить хотят да еще и поотбирали все! Сейчас эти мысли кажутся смешными, но тогда мне было не до рассуждений.

Прокурор пожал плечами:

— Ну... пожалуйста.

Длинной ладонью он подвинул все мои вещи на край стола.

Я взял кинжал, погладил его и, как раньше, сунул за продернутую в пояс резинку. После этого медленно пересчитал монетки. По одной опустил их в карман. Я не торопился: куда мне было спешить?

Спрятав копейки, я взял ключ. Мне опять показалось, что в него попал мусор. Я машинально поднял ключ к губам и дунул. Нет, он был чистый внутри: звонкий короткий свист рванулся из медной трубки. Тогда я свистнул еще раз, сильнее — сам не знаю зачем.

Прокурор, стражники и палач смотрели на меня удивленно и выжидающе.

Я медленно надел шнурок на шею. Прокурор нерешительно взглянул на палача и тихо, одними губами спросил:

— Не мешает?

Палач слегка поморщился и отрицательно качнул головой.

Прокурор повернулся ко мне:

— Ну? Вы готовы?

Он кивнул стражникам. Двое шагнули и взяли меня за руки.

Что? Уже?.. Гады!!

Я рванулся. Я так рванулся, что правый стражник не удержал мою руку! Я выхватил Толькин кинжал. Ну и пусть деревянный! Острой щепкой тоже можно ранить врага! Лучше биться до конца, чем погибать беспомощно и покорно!

А может, тогда я про это и не думал. Просто отчаяние и ярость бросили меня в бой, как удар сорвавшейся пружины. Левого стражника я ударил клинком по руке пониже кольчужного рукава. Вернее, хотел ударить, но промахнулся. Деревянное лезвие попало в закрытый кольчугой бок.

Сосновый клинок не сломался, не скользнул в сторону. Он прошел стальные кольца и вошел почти по рукоятку.

Мой враг хрипло закричал.

Я рванул кинжал. Клинок был красный, и с него капало. И он был по-боевому тяжелый.

Значит, есть на свете сказки!

Нет, об этой гневной радости невозможно рассказать. Только что я был беспомощный, жалкий, и вдруг в ладони надежное оружие! Я сразу ощутил волшебную силу кинжала, поверил в чудо... Ведь это же Толик... это он меня спасает!..

Ну, держитесь, скоты!

Раненый враг пятился, прижимая к боку растопыренную пятерню. Больше не сунется. Я повернулся к другому. Тот, не отрывая глаз от кинжала, перекосил рот, шагнул назад, сорвался с края эшафота и загремел по ступеням. Третий суетливо дергал из ножен саблю, но она, видать, совсем заржавела. Я бросился к этому вояке, но он не стал дожидаться и сам прыгнул вниз.

А прокурор? О, господин прокурор, где вы научились так ловко нырять под стол?

Отчаянно дыша, я повернулся к палачу. Он смотрел на меня вытаращенными глазами и держал перед собой поднятый меч. Двумя руками.

Меч палача — это инструмент для убийства, а не оружие. Драться им нельзя. Да и палач — не солдат, он привык рубить незащищенных. Правда, с перепугу он попытался ударить меня, но, конечно, промазал, и тяжелое лезвие глубоко врезалось в доски. А я сделал длинный выпад. Я достал врага лишь самым кончиком, но он тонко завопил, вскинул руки и спиной назад полетел с площадки.

Я остался наверху один. Быстро оглянулся.

И сразу вспомнил, что это лишь секундная передышка.

Выставив двупалые зазубренные копья, с четырех сторон лезла по ступеням стража. Почему-то вспомнилось совсем не к месту, как меня маленького бабушка шутя пугала «козой»: выставляла растопыренные пальцы, и я визжал от веселья и страха перед щекоткой...

В толпе что-то перепуганно верещал Крикунчик Чарли.

Копья приближались.

«Всё», — подумал я. Но честное слово, в этот миг я не боялся. Бой так бой! Надо половчее нырнуть под копья, чтобы оказаться в самой гуще врагов...

Я уже примерился для прыжка... и в этот миг большая серая тень прошла над площадью. Колыхнулся воздух. Мне показалось, что я услышал общий испуганный вздох, и стало тихо-тихо.

Закрыв громадными перьями солнце, на перекладины эшафота села голубая птица.

Моя Птица!

Стража обалдело замерла на ступенях.

Птица не сворачивала крылья и, оглянувшись, смотрела на меня выжидающе и тревожно.

Я понял. Я рывком вытер кинжал о плюшевую скатерть, сунул за пояс, прыгнул к Птице и ухватил ее за ноги.

— Лети, Птица!

И она рванулась в небо.

КРЫЛЬЯ

Птицы не могут взлетать прямо по вертикали. Моя Птица ринулась вверх и вперед. И я крепко ударился о перекладину — сначала грудью, потом коленками. Твердое дерево сбило с колен старые болячки и кожу. Я почувствовал, как по моим ногам побежали тонкие струйки. Однако ветер тут же высушил их.

Птица несла меня в высоту. Мои пальцы плотно сжимали птичьи ноги повыше громадных полусогнутых когтей. Держаться было удобно, я не боялся, что руки соскользнут. Скорость была большая, встречный воздух откидывал мое тело назад. Я словно лежал на упругой воздушной подушке. Мне даже показалось, что если отпущусь, то не упаду, а буду продолжать полет, медленно снижаясь в тугих потоках воздуха.

Но конечно, я не собирался отпускаться! Мои ладони припаялись к бугристой коже, которая обтягивала твердые птичьи ноги.

Струи воздуха выжимали из глаз у меня слезы и тут же высушивали их. Ну, если по правде говорить, слезы были не только от ветра. Еще от радости и свободы. Я посмотрел вниз: что, взяли, гады? Но внизу уже не было площади, не было города. Подо мной расстился лес. Он густой темно-зеленой шубой покрывал пологие холмы.

Из-за холмов мне навстречу двигались большие облака. Они похожи были на белых слонов, которые стадом вышли на синие поля. Синева неба, чистая и громадная, раскидывалась во все стороны, а за холмами

она сливалась постепенно с какой-то темной, почти лиловой завесой. Эта завеса закрывала горизонт...

В первые минуты я совсем не боялся. Я был свободный, счастливый. Я был победитель! Земля с ее коварством, с ее опасностями была не страшна мне. Я посмотрел на эту землю — прямо вниз. На зеленой шкуре леса лежали темные заплаты — тени облаков. Они казались совсем небольшими. И я вдруг понял, как до них далеко, какая подо мной глубина и пустота.

И вся эта пустота словно ухнула и жутко загудела. У меня чуть не остановилось сердце. Я хотел крикнуть, но едва открыл рот — и захлебнулся от ветра. Я отяжелел от прихлынувшего страха, и, кажется, ослабели руки.

Я отчаянно глянул вверх, на Птицу. Ее распахнутые крылья были неподвижны, лишь концы маховых перьев чуть вибрировали в потоках воздуха.

Длинная шея Птицы была далеко вытянута и клюв устремлен вперед. Но когда я посмотрел, Птица словно ощутила мой взгляд: изогнула шею, повернула ко мне голову и рассыпчато застрекотала клювом. Будто сказала: «Не бойся, потерпи».

Нет, она не даст мне погибнуть. Не затем же она примчалась и унесла меня с площади! И не надо бояться. Руки еще не устали, а высота... Ну не буду смотреть вниз, вот и все.

Однако куда мы летим? И долгий ли будет путь? По правде говоря, пальцы начинают неметь. И еще одна неприятность: тугие струи воздуха медленно, но упруго стаскивают с меня шорты. То ли резинка на поясе ослабла, то ли я сам отощал. Не хватало еще потерять в полете штаны! Впрочем, совсем они не слетят, но кинжал вывалится. А его никак нельзя терять!

Я изо всех сил надул живот. Пояс, конечно, стал туже, но сколько времени так продержишься?

Только я подумал об этом, как почувствовал, что опускаемся. Нет, дело не в том, что Птица угадала мои

мысли. Просто она, видимо, прилетела куда хотела. Лес впереди обрывался на краю громадной темной синевы, пересыпанной солнечными блестками. Ветер бросил в меня запах соли, как мокрые охапки водорослей. Я понял, наконец, что мы подлетели к морю...

У моря поднимались очень высокие скалы. Их вершины были плоские и сливались в одну площадку. Или даже площадь. На этой каменистой желтой площади я разглядел жидкие кучки зелени и какие-то круглые постройки. Увидеть все как следует я не мог: мы снижались все быстрее, ветер засвистел в крыльях Птицы и так хлестнул меня по глазам, что я зажмурился.

Потом скорость упала. Я глянул вниз. Земля приближалась. Она крепко ударила меня по ногам, я пробежал три шага, выпустил птичьи ноги, не удержался и покатился по мелким камням. Сел.

Птица стояла недалеко от меня. И мне показалось, что смотрит она встревоженно и вопросительно.

— Ничего, Птица, — сказал я. — Спасибо, Птица!

Она весело протарахтела клювом. И вдруг взмыла в высоту и пошла, пошла вдаль, больше не посмотрев на меня.

А я... Что теперь будет со мной? Куда я попал? Зачем она меня сюда принесла?

Я сидел на каменистой земле. Из земли пробивались редкие травинки с очень маленькими синими цветами. Недалеко от себя я увидел несколько больших старых пушек на покривившихся лафетах. А из кустов на краю площадки поднимались желтые каменные стены с двумя рядами узких окон. Это был полукруглый бастион с разрушенным верхним карнизом.

Сзади захрустел щебень. Я вздрогнул и вскочил.

Ко мне подходили трое ребят: девочка и два мальчика чуть поменьше меня ростом. Они совсем не похожи были на ребят из города — лохматые, босые, в отрепьях...

Но зато какие живые и ясные были у них лица! -
Девочка оглядела меня, покачала головой и со вздохом сказала:
— Ободрался-то как... Ну-ка, пойдем.

БАСТИОНЫ

Девочку звали Соти. Она смыла кровь с моих рук и ног, дала глотнуть из жестяной кружки горького отвара, залепила ссадины прохладным пластырем. Тихонько спросила:

— Больно?

— Нет... — смущенно сказал я.

У Соти были серые спокойные глаза, белые прямые волосы и тонкие умелые пальцы. На худенькой шее у нее висело ожерелье из крошечных ракушек и мелких синих цветов, которые росли здесь повсюду. Оно качалось и задевало мою щеку, когда Соти наклонялась...

Девчонки в нашем классе разом скривились бы, увидев ее пыльные босые ноги, облезлую от загара переносицу и разлохмаченное внизу платьице из серой дерюжки (вернее, не платьице, а маленький мешок с дырами для головы и рук). Но Соти была славная, несмотря на свой наряд из мешковины...

Дерюжные мешки разной длины и ширины носили и другие здешние ребята. А кое-кто был в таком тряпье, что сразу и не разобрать, что это: штаны с рубашкой, остатки халата или просто лоскутки, связанные тесемками. Лишь на одном из мальчиков я увидел нормальную одежду — старенькую, но приличную.

Мы расположились в тени квадратной башни на траве. Пока Соти лечила меня, ребята стояли в сторонке. Ни о чем не спрашивали. Потом смуглый тощий мальчишка лет восьми притащил еду в большом лопухе: две варенные рыбины и крошечный кусочек хлеба.

Я сидел, прислонившись к теплым камням башни, и мальчик положил шероховатый лопух мне на колени. Заботливо сказал:

— Ешь осторожней, не подавись. В рыбе кости. — И добавил доверительно: — Я все время давлюсь...

— Потому что жадничаешь, — заметила Соти.

Остальные засмеялись, но не обидно. Мальчик тоже засмеялся. У него были веселый рот с засохшей ранкой на верхней губе и редкие зубы. Он объяснил:

— Я не жадничаю, а тороплюсь... Ты смотри не торопись.

— Не буду, — пообещал я и проглотил первый кусок. И спросил, глядя в озорные глаза мальчишки: — Тебя как зовут?

— Уголек... А правда, что ты прилетел на птице? Все говорят, а я не видел. Я в башне котелок чистил.

— Правда.

— А это твоя птица? Ручная?

— Нет, не ручная. Просто мы подружились...

— А как? Ты расскажешь?

— Дай человеку поесты! — прикрикнул светловосый паренек лет четырнадцати (ребята звали его Галь). — Расскажет, когда придет время.

— Да я могу и сейчас, — торопливо сказал я. Потому что ясно было, что это друзья.

Но Галь остановил меня:

— Лучше потом. Когда придет Дуг...

«Кто такой Дуг?» — подумал я, и в эту секунду Уголек радостно завопил:

— А вот он идет!.. Дуг! Дуг, смотри, к нам еще один вырвался! Дуг, он прилетел на птице!

Я взглянул, быстро отложил еду и встал. Как перед командиром. Мягкой походкой шагал к нам громадный парень. Буйно клубились и горели на солнце его огненные кудри. На лице и на плечах парня проступали сквозь прочный загар золотые россыпи веснушек.

Я почему-то сразу вспомнил нашего вожатого Сашу из лагеря «Горный ключ», хотя Саша был невысокий и белокурый. А, вот в чем дело! У Дуга оказались такие же ярко-синие глаза. И улыбка его была похожа на Шашину.

Дуг подошел, веснушчатой лапой провел по моим волосам, сказал, как знакомому:

— Вырвался? Неужели на птице? Вот молодчина! Да ты садись, поешь... — И добавил ободряюще: — Теперь ничего не бойся. Сюда никто не доберется, никто тебя не обидит.

Это я и сам понимал. Я тоже улыбнулся и хотел ответить, что я очень рад, и что меня зовут Женька, и что наконец-то я встретил на этом острове настоящих людей. Но резко закружилась голова, и будто холодными ладонями сдавило затылок.

— Ой-ей... — негромко и озабоченно проговорил Дуг. Подхватил меня и понес в низкий каменный дом, который, как перемычка, соединял квадратную башню с полукруглым бастионом.

В темной прохладной комнате Дуг уложил меня на топчан с мягкой сухой травой и укрыл рваной курткой, от которой вкусно пахло дымом костра.

— Поспи, — сказал Дуг.

— Да нет, я совсем не хочу...

Дуг сказал настойчиво и ласково:

— Хочешь, хочешь.

И правда, я сразу уснул.

Когда я открыл глаза, в окошке светилось неяркое вечернее небо, а у стены горела смолистая ветка: ее воткнули в расщелину между камнями. Рядом со мной сидел Уголек. Он восхищенно сказал:

— Знаешь, сколько ты спал? Вчера полдня и сегодня день!

Я сразу поверил. Потому что чувствовал: больше всего на свете мне нужно сбегать в какой-нибудь

укромный уголок, чтобы не лопнуть. Уголек меня понял и поманил за собой...

Когда мы вернулись, в комнате сидели ребята и Дуг. Меня опять покормили. Потом Дуг весело сказал:

— Теперь давай рассказывай...

И я стал рассказывать.

...Ребята не очень удивились, когда узнали, что я не с острова Двид. Они, конечно, и раньше слыхали, что есть на свете другие земли. Правда, знали они о нашей планете мало. Все, что было за островом, называлось «Дальний мир». В школах ребятам толковали, что «Дальний мир» — это такие страны, где люди живут жестоко и неразумно: только и делают, что убивают друг друга, стараются нажить богатства и губят леса и моря. Конечно, в этом была кое-какая правда, но выходило так, будто на Земле нигде, кроме острова Двид, не осталось разумных людей. И будто не было на свете нашей страны!

Я им объяснил как умел, что такое на самом деле «Дальний мир». Про Москву рассказал, про космонавтов, про разные страны и про наш городок. А потом — про то, как попал на остров. Ну и про все остальное. Честно признался, что бежал от Ящера и что ревел от страха в темнице. Никто даже не улыбнулся.

Зато все радовались, когда слышали про бой на эшафоте! Каждый по очереди брал и разглядывал мой деревянный кинжал — тяжелый, будто из стали. А Уголек размахнулся и ударил в каменный пол. Я вздрогнул. Но кинжал вошел в камень, как в сухой песок...

Однако больше всего ребята удивлялись истории с Птицей. Дело даже не в том, что я подружился с ней и она спасла меня. Легенды о таких случаях были известны на острове. Но с давних времен этих птиц никто уже не встречал, они стали полусказкой.

— Считается, что они давно вымерли, — объяснил Дуг. — Это древние птицы. Они заселяли наш остров много веков назад.

— А Ящер? — вспомнил я. — Он тоже древнее животное?

Дуг хмуро сказал:

— Ящер вообще не животное. Это... даже не знаю, как объяснить. Тут надо долго рассказывать.

— А ты расскажи! — зашумели ребята. — Расскажи, Дуг!

— Вы же сто раз эту историю слышали...

— А Женька не слышал, — возразил Галь. — Ты расскажи. Мы тоже послушаем.

— Ладно. Только попозже, у костра.

Когда стемнело, большой месяц повис вниз рогами, будто хотел воткнуть их в горизонт. Я опять вспомнил сине-желтый мяч в траве у берега, наше озеро, наш город и дом. И стало тоскливо до слез. Но ребята разожгли на площадке за башней маленький костер и позвали меня.

Я сел в общем кругу.

Отблески огня словно гладили щеки ребят оранжевыми ладошками.

Я знал уже всех, кто сидел у огня. Вместе с Дугом их было одиннадцать. Здесь они оказались в разное время, но истории у них были очень похожие.

Эти ребята бежали из города. От жестокостей, от унылой жизни, от идиотского «равновесия порядка».

Чаще всего бежали из приютов. Если у кого-то умирали родители, этого ребенка отправляли в казенный «дом воспитания», а там жизнь была еще горше, чем у обычных школьников. На острове привыкли беречь и ценить свое: свой дом, свою мебель, свою клумбу, своих детей. А в «доме воспитания» ребята становились как бы ничьи. Их кормили и одевали не хуже, чем в семьях, но радости они не видели никакой. Дуг сказал: «Это было как сплошной дождливый вечер...»

Во имя «равновесия порядка» их отучали смеяться и громко разговаривать. Им запрещалось даже громко кричать во время наказания. Но самое главное вот что — им не разрешали дружить! Им говорили: у нас все одинаковы и нельзя кого-то любить больше, чем остальных. Видимо, воспитатели боялись. Ведь если люди дружат, они становятся сильнее, они могут спорить и бороться...

Первым бежал в леса Дуг. Это случилось пять лет назад. В тот день Дуга сильно исхлестали за то, что он украдкой играл с малышами и делал им из бумаги кораблики. Ночью Дуг ушел. Двух малышей он увел с собой.

Ребят не искали. Считалось, что хитрые тропинки сами приведут мальчишек обратно в город. Ну а не приведут — тем хуже для беглецов: значит, они сгинут в лесу без следа. Но Дуг с малышами пробился к морю. В отвесной скале отыскал незаметный проход в разрушенную горную крепость.

В то время Дуг был таким же мальчиком, как я сейчас.

Трое мальчишек стали жить в развалинах. Научились добывать пищу, не бояться темноты и ночного холода, выручать друг друга из беды.

Потом один из малышей погиб. Он проткнул ногу старой рыбьей костью и через два дня умер от горячки.

С Дугом остался только маленький Галь. Они вдвоем — Галь и Дуг — встречали в лесу ребят-беглецов и приводили в крепость.

Дуг вырос. Он сделался настоящим великаном — красивым, огненноволосым, сильным. Он не превратился в солидного розовощекого мужчину, а стал юношей. Единственным юношей на острове Двид. В ближней деревне у него была девушка. Она тоже не старела, потому что любила Дуга.

Все это мне рассказали просто и весело, при Дуге, который смущенно улыбался и веснушчатой пятерней

лохматил волосы вертлявому мальчишке по имени Винтик. Винтик жмурился от удовольствия, как избалованный котенок.

Но это было еще до темноты. А сейчас мы сидели у огня.

Справа от меня устроились Уголек и Соти. Уголек то и дело подносил пальцы ко рту, чтобы потрогать засохшую ранку на губе, а Соти каждый раз хлопала его по руке.

Слева уселся очень худой, лопаухий и остроносый мальчишка по прозвищу Шип. А с ним — две его сестренки: семилетняя Стрелка и совсем крошечная, лет пяти, Точка. Вместе с девочками сел еще один малыш — косолапый, похожий на медвежонка, Лук.

Напротив меня, по ту сторону огня, примостились на больших камнях Галь и Тун — самые старшие ребята.

Недалеко от них сидел Дуг, и к нему с двух сторон прильнули двое мальчишек: Винтик и еще один — темноволосый, молчаливый, не улыбкающийся. У него были такие глубокие и печальные глаза, что даже костер в них не отражался. Этот мальчик один из всех был в аккуратной, не рваной одежде и даже в матерчатых башмаках.

Мальчик вздрагивал, хотя вечер был теплый, да и костер грел ощутимо.

— Зябнешь, Малыш? — озабоченно спросил Дуг. — Сбегай возьми накидку.

Мальчик послушно встал и пошел к башне.

— Малыш, прихвати котелок с водой, будем чай кипятить, — сказал ему вслед Галь.

Мальчик, не оглядываясь, кивнул.

— А почему его зовут Малыш? — спросил я. — Он же не самый маленький.

Мальчик был старше многих, такой же, как я.

— Привыкли, — объяснил Дуг. — Мы его в начале этого лета в лесу подобрали, и был он совсем беспомощ-

ный, почти голый, еле дышал и ничего не умел. Не знал, кто он и откуда, и даже говорить сначала не мог. Пришлось возиться с ним, как с малышом... Имени своего он не помнит, вот и прозвали так...

— Наверно, он в Заколдованном лесу побывал! — догадался я.

— Наверно, — согласился Дуг. — А ты откуда знаешь про Заколдованный лес?

— Отшельник рассказал... — Я вспомнил Отшельника, и взяла меня запоздавшая досада. — Тоже мне лесной житель! Не мог как следует дорогу объяснить. Я из-за него прямо в капкан угодил!

Я услышал, как Тун и Галь сердито хмыкнули. А Дуг печально усмехнулся. И сказал:

— Он все объяснил, как было задумано. Нарочно...

— Как — нарочно? — изумился и не поверил я. — Зачем?

— Потому что все они заодно. Неужели ты не понял? Это все было подстроено.

— Что подстроено?

— Да все, — горько сказал Дуг. — Вся эта история с подземным ходом. Он выводит к Северному лесу, а там такие тропинки, что все равно вернешься к городу. Если, конечно, не знаешь дороги. А ты же не знал...

— Выходит, что и Ктор — предатель?

— Выходит, — сумрачно согласился Дуг.

Не хотелось мне в это верить.

— Они же могли просто отвести меня на площадь и... все. А зачем надо было такую историю устраивать?

— Для убедительности, — объяснил Дуг. — Чтобы люди видели: беги не беги, а от возмездия никуда не денешься, если что-то задумал против Ящера... Все было рассчитано.

«А ведь в самом деле: все было готово, они меня ждали», — наконец сообразил я.

Мне вспомнился розовый помост, и сделалось зябко, как на осеннем ветру. Я передернул лопатками, подвинулся к огню и тихо спросил:

— Дуг... Они в самом деле убили бы меня?

— Да, — сказал Дуг и стал шевелить горящие ветки. — Они бы это сделали... Чтобы потом долгое время никто не надеялся на «юных рыцарей»... Чтобы вообще не вспоминали эту легенду.

«Юный рыцарь»... Как я улепетывал от Ящера!

Чтобы подавить стыд, я пробормотал:

— А откуда она взялась, эта легенда?

— Скоро узнаешь, — пообещал Дуг. — Толькождемся Малыша.

Малыш, закутанный в дерюгу, принес котелок с водой.

Дуг устроил котелок над огнем, встряхнулся и живо сказал:

— Ну, слушайте... Хотя вы и знаете наизусть эту историю, но ради нашего нового друга я расскажу еще раз...

Все затихли, только Уголек, словно торопя рассказчика, прошептал:

— В давние-давние времена жил на острове Двид веселый и храбрый народ.

— Да, — согласился Дуг. — Именно так...

И вот что он рассказал.

КАК РОДИЛСЯ ЯЩЕР

В давние-давние времена жил на острове Двид веселый и храбрый народ. Трудолюбивый и дружный. Он построил прекрасный город, где были обсерватории, библиотеки, театры и школы. Жители острова плавали на больших кораблях по всем морям, торговали с другими странами и славились на весь мир как искусные мастера и смелые навигаторы.

На острове было много ученых, артистов и художников. Эти люди не только занимались наукой, играли в театрах, рисовали картины и отливали статуи. Все они еще учили детей. Учили всему, что умели сами. Жители острова очень любили детей, никогда не обижали их, и поэтому дети вырастали добрыми, умелыми и храбрыми...

В одной школе учились два мальчика. Они жили на одной улице, сидели в одном классе на одной скамье, вместе играли, вместе росли. И очень дружили. Когда они выросли, один стал Ученым, а другой Правителем острова.

Ученый прославился своими открытиями, а Правитель — разумом и сильной волей.

Надо сказать, что к тому времени жизнь островитян стала трудной и тревожной. Соседние страны завидовали острову Двид. Завидовали его славе, богатству и вольной жизни. Они все чаще стали нападать на прибрежные поселки, грабить корабли островитян. Пришлось возводить на берегу крепости и обучать солдат.

Пока войны были небольшие, остров отбивался от врагов. Но вот несколько стран заключили против острова Двид военный союз. Они решили снарядить большой флот, высадить целую армию, пробиться в глубь острова и разгромить столицу.

Когда это стало известно, Правитель пришел к Ученому и спросил:

— Ты можешь придумать, как спасти нашу страну?

— Я уже думал, — сказал Ученый. — По-моему, есть два способа. Можно построить громадное чудовище, оно будет отпугивать врагов и громить их, если они все же нападут. А можно сделать наш остров невидимым. Тогда враги просто не найдут его в море. Не надо будет вести войны и проливать кровь.

— Мы должны спешить, — нетерпеливо объяснил Правитель. — Скажи, что быстрее: соорудить чудовище или спрятать остров от чужих глаз?

— Чудовище — быстрее, — со вздохом сказал Ученый. — Чтобы сделать остров невидимым, я должен до конца изучить свойства больших синих птиц, которые похожи на фламинго, но гнездятся на деревьях. А железный ящер — штука нехитрая, можно строить хоть сейчас.

— Строй, — потребовал Правитель. — Ради безопасности нашего острова Двид делай скорее своего ящера, потому что вражеский флот уже в пути...

И Ученый построил громадного стального зверя, который умел изрыгать огонь, разрушать своими щупальцами крепости и топить корабли. Флот врагов был разгромлен в одну минуту. А после битвы Правитель посадил этого зверя — Ящера — в озеро, под воду, подальше от глаз. Дело в том, что Ящер был ужасен и приводил в трепет не только врагов, но и жителей острова...

Прошло два года, и Ученый открыл секрет невидимости. Он рассеял в небе тонкую голубую пыль, и после этого скалы, берега и воздух стали так отражать солнечный свет, что остров перестал быть виден с моря. Никто теперь не грозил его мирной жизни.

Ученый сказал Правителю:

— Мы защитили себя на долгие века. Давай уьем Ящера.

— Зачем? — спросил Правитель, не глядя Ученому в глаза. — Разве он кому-нибудь мешает?

— Он опасен, — объяснил Ученый. — Мало ли что может случиться...

— Ничего не может, — возразил Правитель. — Ты передал секрет жизни и смерти Ящера мне. Только я могу заставить его воевать, только я могу управлять им и только я могу убить...

— Вот и убей, пока не поздно...

— А почему будет поздно? Разве ты думаешь, что я могу использовать Ящера для злых целей? Разве ты не веришь мне, своему давнему и надежному другу?

— Тебе я верю, — вздохнул Ученый. — Но через год могут выбрать другого Правителя. Вдруг он не сумеет справиться с Ящером?

— А зачем острову другой Правитель? — услышал Ученый осторожный вопрос. — Разве я в эти трудные годы не оправдал свое высокое звание?

— Ты оправдал, конечно, однако есть закон! Каждые шесть лет Правителя выбирают снова.

— Это раньше был закон, — усмехнулся Правитель. — А зачем он сейчас, если у меня есть Ящер?

— Ты хочешь стать тираном? — ужаснулся Ученый.

— Ну, почему же тираном? Я буду управлять народом по-доброму и мудро. У меня есть опыт... В других странах императоры и короли царствуют до самой смерти, и этот обычай совсем не плох.

— Ты решил растоптать наши древние законы! — гневно сказал Ученый. — Народ проклянет тебя!

— Я думаю, он не решится, — опять усмехнулся Правитель.

— Ты потерял голову. Одумайся, — попросил Ученый.

Тогда Правитель печально сказал:

— Мне казалось, что ты меня поймешь. Я надеялся, что ты станешь моим первым помощником...

— Я? Помощником захватчика власти? Сообщником того, кто предал народ?

— Ты оскорбляешь Правителя!

— Ты не Правитель, а преступник!

— Я думал, мы друзья...

— Я тоже думал, — вздохнул Ученый.

Тогда Правитель рассердился и велел заточить Ученого в тюрьму.

Конечно, это была не темница. Жилось Ученому там неплохо, он мог даже работать, но стерегли его крепко. Люди жалели Ученого, но что они могли сделать, если при любом недовольстве Правитель поднимал из

озера Ящера и тот, грозя непокорным, вскидывал свои страшные щупальца?

Постепенно отыскивались люди, которые рассуждали так: «С Ящером воевать бесполезно, поэтому надо приспособливаться». И появились у Правителя послушные министры, судьи и солдаты...

А Ученый не сидел сложа руки. Он по ночам, когда спала стража, работал над приспособлением, чтобы убить чудовище, убить, не выходя из тюрьмы. Ученый знал, как это сделать. Ведь сделал же он раньше для Правителя хитрую штуку, чтобы тот мог прямо из дворца командовать Ящером.

Но Ученого предали. Тайная работа была раскрыта, и суд приговорил его к смерти.

После суда Правитель пришел к Ученому и горько произнес:

— Видишь, как получилось... Честное слово, я этого не хотел.

— Теперь все равно, — сказал Ученый. — Но дай мне, пожалуйста, отсрочку. Я хочу вылепить, а потом отлить из металла скульптуру. Ведь я не только Ученый, но и Художник. Я хочу оставить эту скульптуру людям...

— Я дам тебе какую хочешь отсрочку! — вскричал Правитель. — Я дам тебе полное помилование! Богатство! Все на свете! Только обещай не вредить Ящеру!

— Не надо мне твоего помилования, — возразил Ученый. — Дай только время для работы.

И Правитель согласился.

Ученому привезли глину, металл, в тюремном дворе сложили печь для плавки. И он стал работать.

Однажды снова пришел Правитель.

— Что это будет за скульптура? Кого ты лепишь? — спросил он.

— Двух мальчиков, — сказал Ученый. — Двух очень верных друзей.

Правитель опустил глаза и прошептал:

— Нас? Какие мы были?..

— Что? — удивился Ученый. — Нет, не нас... Это юные рыцари. Те, что рано или поздно убьют Ящера.

— Разве такое дело под силу ребятишкам? — усмехнулся Правитель.

— А ты вспомни нас, когда нам было по двенадцать лет, — сказал Ученый. — Тогда нас ничто не могло удержать, если надо было отстаивать справедливость. Вспомни себя. Разве ты мог бы в те годы обмануть людей ради власти и ради могущества? Разве ты не был Рыцарем?

Правитель молчал.

Ученый строго сказал:

— Ты должен выполнить мою последнюю просьбу. Поклянись в этом, как мы клялись в детстве: Луной, Солнцем и пером Невидимой птицы. Ты не посмеешь нарушить эту клятву.

Правитель вздрогнул, поднял глаза:

— Да... я клянусь.

— Ты не разобьешь мою скульптуру, — сказал Ученый. — Ты ее не переплавишь и не зароешь в землю. Ты поставишь ее на острове в любом месте, где хочешь. Но никому не станешь запрещать подходить к ней.

— Хорошо... — прошептал Правитель, хотя уже сожалел о своей клятве...

Наступил день, когда скульптура была готова.

Правитель пришел посмотреть на нее и с облегчением сказал:

— Какие же это рыцари? Разве это победители? Это просто мальчишки.

Ученый не ответил.

— Ты свободен, — сообщил ему Правитель. — Только поклянись нашей клятвой, что не будешь воевать с Ящером. Ну прошу тебя!

Однако Ученый ответил как прежде:

— Не надо мне твоей милости. — И добавил: — Радоваться жизни я все равно не смогу: я потерял Друга. Прощай...

И когда Правитель ушел, Ученый выпил яд.

Правитель устроил бывшему другу пышные похороны, а скульптуру поставил в дворцовом парке. Сначала... А потом он приказал перенести ее на глухое горное плато, далеко от столицы. Почему? Кто его знает. Говорили, что начал терзать Правителя непонятный страх. Но скорее всего, его просто мучила совесть.

Клятву Правитель не нарушил, он никому не запрещал ходить к скульптуре. Он даже приказал сделать для нее каменный постамент, а в отвесных скалах прорубить удобный подъем на плато. Но дорога в ту горную и лесную глушь была далекая, и постепенно ее забыли...

Прошло много лет. Враги не беспокоили невидимый остров. На щедрой земле росли хлеба и плоды, в море ловилось множество рыбы. Люди привыкли к сытой и спокойной жизни. Разрушались ненужные крепостные стены и корабельные пристани. Остался недостроенным космический трамплин, с которого когда-то смешные мечтатели хотели запустить лунный корабль. Пролеты этого трамплина поднимались над городом, будто громадный мост.

Зарастали травой сцены и каменные скамьи открытых театров. Потому что спектакли, шумные игры и слишком бурное веселье не нравились Ящеру. Ему (и всем правителям, которые по наследству сменяли друг друга) нравился порядок. А если равновесие порядка нарушалось, Ящер гневался. Он не мог понять, почему этим глупым людям не живет тихо и спокойно. И люди привыкли, что не следует дразнить Ящера. Тем более, что размеренная, тихая жизнь — это совсем неплохо. И для счастья вовсе не обязательно к чему-то стремиться, о чем-то мечтать и хотеть чего-то нового...

Но полного спокойствия все же не было. Время от времени вспоминалась легенда о гибели Ящера. О том, что из-за моря придет Юный Рыцарь и вызовет Ящера на смертельный бой.

Откуда эта легенда появилась? Говорят, маленький сын тюремщика подслушал разговор Ученого и Правителя и как умел пересказал его своим друзьям...

Вспоминали легенду только дети. Это было как болезнь, как поветрие: вдруг по всем углам, в школьных коридорах и на улицах начинали собираться в кучки мальчишки и девчонки, и слышался шепот: «Рыцарь... Ящер... сражение...»

Взрослые, конечно, не верили таким глупостям, но легенда чересчур возбуждала ребят, отвлекала их от школьных занятий, делала их строптивыми и вообще нарушала равновесие порядка. И детей начали воспитывать все суровее и строже.

Такое воспитание помогало, дети становились все более послушными и тихими. Но не совсем. И не все. Сказку о бое с Ящером нет-нет да опять вспоминали. И кто-то уходил из города, чтобы отыскать Плато. А кто-то просто исчезал в лесах...

И чтобы насовсем выбить из детей бредни о Юном Рыцаре, один из правителей наконец придумал: надо заманить из-за моря мальчишку, выпустить на поединок с чудовищем и потом расправиться на глазах у всех.

Несколько раз так и делали. После такой расправы долгое время никто не смел вспоминать легенду. Но проходили годы, испуганные мальчишки и девчонки становились благоразумными взрослыми. И рождались новые дети...

А все дети рождаются смелыми...

Вот какую историю я услышал в тот вечер от Дуга.

— Понял теперь, зачем привезли тебя на остров? — спросил Дуг.

— Понял, — печально сказал я. — Только я другого не пойму. Где теперь мой дом? И вернусь ли я туда когда-нибудь?

— Ну, нашел о чем горевать! — воскликнул Дуг. — У тебя же есть Птица!

— Ну и что? — с надеждой спросил я.

— Потерпи дней десять. После полнолуния начнет юго-западный ветер, и Птица быстро донесет тебя до дому...

ЖИТЕЛИ ГОРНОЙ КРЕПОСТИ

Крепость была построена очень давно. Ее поставили здесь для защиты острова от морских набегов. Полукруглые бастионы, квадратная башня, стены, парапеты и низкие казармы располагались на плоских вершинах и уступах скалистых утесов. Эти утесы торчали на границе леса и моря, будто громадные полуобломанные клыки.

Обрывы утесов были совершенно неприступны. На вершины вел тесный коридор, вырубленный внутри скалы. Он был извилистый, с ответвлениями, тупиками и крутыми ступенями. Отыскать внизу начало прохода посторонние люди ни за что не сумели бы: узкая щель пряталась за отколовшимся от обрыва камнем и заросла плотным кустарником.

Из крепости было видно далеко-далеко. Морской горизонт уходил в какую-то космическую глубину и сливался с небом в неясном тумане. Лесистые холмы убежали на край земли, как волны, тоже становились вдали синими и терялись в дымке.

Вдали между холмами виднелись крыши и башни города и блестел кусок озера, в котором жил Ящер. Я не любил смотреть в ту сторону. Зато часто смотрел на море.

Несколько дней я не мог привыкнуть к высоте, простору и громадной синеве. Утром проснусь — и дыхание

останавливается. Не от страха, а от прилива какой-то жутковатой радости. Небо чистое-чистое, желтые камни крепости светятся от солнца, травинки блестят от росы, а кругом такая ширь, что все забываешь и хочется зарать от восторга...

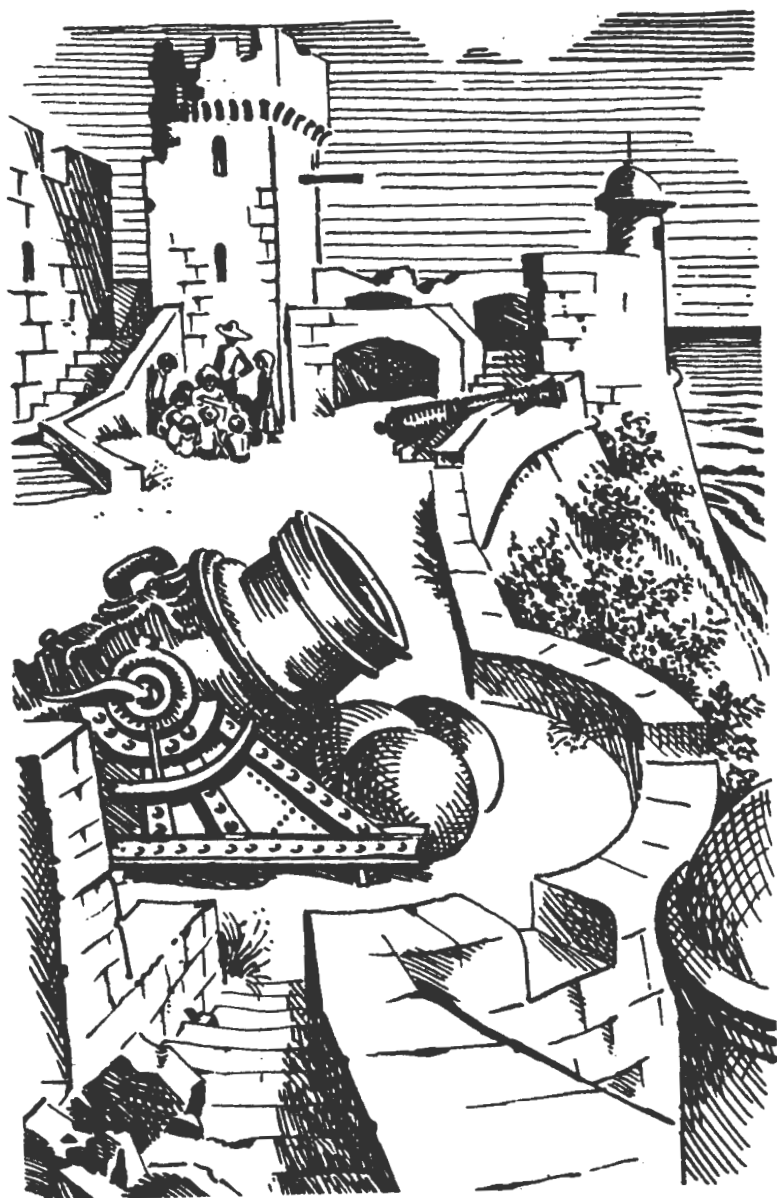
И сама крепость мне понравилась. В ней полным-полно было таинственных уголков, переходов, коридоров. Эх, если бы в нашем городе была такая! Вот где играть в рыцарей!

Плохо только, что внутри башен и казарм стояла зябкая сырость и все оказалось заброшенным. Когда остров Двид сделался невидимым, береговая оборона стала не нужна и люди ушли из крепости. Бастионы стали разрушаться. Большие пушки, которые стояли на главной площадке, осели и покривились на разошедшихся лафетах. Лишь одна пушка — самая главная — казалась вполне исправной.

Точнее говоря, это была не пушка, а могучая мортира для навесной стрельбы каменными ядрами. Ствол ее, короткий, но ужасно широкий, походил на громадную бочку. Ядра лежали тут же, на площадке. Это были грубо отесанные шары — такой величины, что Уголек или Винтик прятались за ними, не сгибаясь. Чтобы закатывать ядра в дуло, был сделан специальный каменный желоб. Он подходил к мортире вплотную.

Орудие стояло на чугунном станке с тяжелым зубчатым механизмом. Механизм был исправен, хотя проворачивался со скрипом. Ржавчины на нем было немного, потому что ветер постоянно дул над утесами и быстро высушивал росу и дождевые капли. Мы иногда развлекались: нажимали железные рычаги, и тогда шестерни лязгали, вязжали, станок поворачивался, а ствол поднимался и опускался...

В орудийных стволах мы спали. Каменные казематы и батареи не очень-то годились для ночлега, а в пушках было уютно. Солнце крепко нагревало их за

день, а когда приходила ночь (довольно свежая здесь, на высоте), пушки делились теплом с нами.

Только в мортире никто не спал, она была слишком просторная.

...Рано утром нас будил веселый голос Дуга:

— Эй, люди! А ну, вставайте! Из пушки — как из пушки!

Мы выскакивали и вытаскивали тех, кто спал слишком крепко. Потом Дуг заставлял нас бегать и прыгать, чтобы не поддаться утреннему холоду: солнце стояло еще невысоко и не успевало нагреть наше каменное гнездо.

Мы весело орали, скакали и гонялись друг за другом. А иногда Дуг вставал посреди площадки и спрашивал:

— Ну, кто на меня? Кто смелый?

Мышцы поигрывали под его веснушчатой кожей.

Мы храбро вопили и кидались в атаку, а Дуг даже рук не поднимал. Стоило ему шевельнуть мускулами, и мы отлетали, как мячики. Но кончалось это всегда одинаково: хитрый косолапый Лук подкатывался Дугу под ноги и вцеплялся в них мертвой хваткой. Винтик и Уголек подбирались сзади и прыгали Дугу на плечи. Тут налетали остальные, и Дуг терял равновесие. Он валился, подминая травинки с маленькими синими цветами. Все тут же наседали на него. Дуг рычал, дергался и грозил, что уйдет в деревню, женится и никогда не вернется в этот разбойничий притон. Мы держали его и требовали, чтобы он отказался от таких бессовестных планов. Дуг не хотел отказываться. Тогда маленькая Точка с очень серьезным видом срывала травинку, чтобы пощекотать Дугу бока. Тут он принимался верещать непривычно тонким голосом и сдавался.

После такой возни Соти деловито мазала наши ссадины каким-то едучим отваром и говорила Малышу:

— Сумасшедшие люди, верно?

Малыш молчал и неловко улыбался. Он, как и Соти, никогда не лез в эти свалки. Словно стеснялся. Имен-

но стеснялся, а не боялся, потому что он вообще-то был смелый. Цепкий такой и ловкий. Легко лазил по скалам и раньше всех спускался по темному крутому проходу, когда мы отправлялись ловить рыбу.

Иногда Малыш, с разрешения Дуга, ходил в ближние деревни добывать хлеб (для этого и собрали ему кое-как приличную одежду). Местные жители знали молчаливого мальчика, который повредился в уме после того, как заплутал в Заколдованном лесу. Они не спрашивали, кто он и откуда, молча давали ломти и горбушки. Наверно, вдали от столицы и Ящера люди были проще и добрее.

Когда Малыш возвращался с хлебом, у нас был праздник. Хлеба всегда не хватало, и каждый день мы делили его на маленькие кусочки.

Но вообще-то мы не голодали. Рыбы ловили сколько хотели. Стоило внизу, у подножия утеса, забросить самодельные удочки, и серебристые рыбины жадно хватали наживку, а иногда и голые крючки (мы их делали из острых костей). Случалось, что Дуг в лесу ловил силками диких кроликов. Соти находила под деревьями грибы и съедобные корни.

Иногда нам помогала Асик — девушка Дуга: посылала то каравай, то мешочек с крупой. Но ей приходилось делать это украдкой: знакомство с Дугом грозило бедой. На девушку и так посматривали косо: почему не похожа на других?..

Чтобы попасть на тропинку, ведущую в деревню, в лес или к морю, надо было зажигать смолистые ветки и долго спускаться по узким крутым коридорам с головоломными ступенями. Но теперь это стали делать реже.

Потому что прилетала Птица.

Она появлялась каждый день. Я свистел ключом, и минут через пятнадцать шумная серая тень проносилась над бастионами. Птица возникала между квадрат-

ной башней и выступом разрушенной стены. Из башни торчала могучая каменная балка, и Птица опускалась на нее, как на насест.

Иногда она прилетала и без вызова. И дробно стучала клювом — звала меня. Я забирался к ней на балку и гладил шелковистую шею.

— Здравствуй, Птица... Как там живет твой малыш? Больше не падает из гнезда?

Птица весело щелкала: нет, не падает, все в порядке.

— Птица, — шепотом говорил я. — Ты меня унесешь домой, когда подует юго-западный ветер?

Скорее бы домой! Неделя давно прошла, и теперь меня ищут повсюду. И наверно, уже не надеются найти живым. Толик печально рассказывает, как он видел меня последний раз, а ребята, встретив моих родителей, виновато опускают глаза. Так же, как перед родителями Юльки Гаранина...

Птица опускала голову на мое плечо, успокаивала: не волнуйся, я помогу, я же понимаю, какое горе, когда птенцы теряются из гнезда.

Я встряхивался, сжимал зубы, скручивал в себе тоскливые мысли. Надо было жить и ждать. Ничего, протяну еще неделю. Рогатый месяц уже превратился в половину круга, скоро станет как мяч, а когда чуть пойдет на убыль, Птица и ветер с зюйд-веста помогут мне...

Ребята привыкли к Птице и полюбили ее. Кормили рыбой, ласкали, даже играли с ней. Малыши пытались проскочить у нее между ног, будто в узкие ворота, а Птица осторожно и ловко хватала их за лохмотья и приподнимала. А потом посадит вопящего от восторга Лука или Стрелку на пушку и хитро поглядывает: кто следующий?

Птица помогала нам спускаться к подножию утеса. Конечно, летать, ухватив Птицу за ноги, было опасно, и мы сделали сиденье. Что-то вроде качелей — неболь-

шая доска и две веревки. Я побаивался, когда первый раз привязывал качели к птичьим лапам: вдруг она обидится и улетит? Но Птица все поняла. Сидя на балке, она терпеливо дожидалась, когда я укреплю сиденье, и потом плавно понесла меня над морем...

Иногда мы летали по двое. Сначала боялись, но потом решили попробовать. Рядом со мной сел Малыш. Птица подняла нас так же спокойно и легко, как меня одного. Малыш тихонько ойкнул и вцепился в веревку. Но глаза у него засияли, и он начал смеяться. Так счастливо, как никогда не смеялся на земле...

Птица часто приносила еду: то ветку с похожими на айву плодами, то громадную рыбину, какие не водились у нашего берега, то морскую черепаху, разбитую ударом клюва.

Видимо, Птица считала нас человеческими пленцами, оставшимися без родителей, и помогала как умела. Она всех нас любила, даже Дуга, хотя Дуг был большой и не летал с ней.

Дуг тоже любил Птицу. Однажды он сказал мне:

— С таким другом ты нигде не пропадешь. Будь уверен, донесет она тебя домой...

Я обрадовался. Но тут же ощутил тревогу и печаль. Во-первых, скоро придется расстаться с ребятами, с Дугом. Но не только в этом дело. Я боялся за них. И я, наконец, спросил о том, о чем думал не раз:

— Дуг, я-то улечу... А вы? Так и будете здесь всю жизнь?

Он ответил тихо и серьезно:

— Я и сам думаю часто: что делать дальше?

В самом деле, что дальше? Жить до старости в заброшенных бастионах? Превратиться в племя дикарей?.. Дуг учил ребят читать и писать, царапал на камнях буквы, объяснял задачки на сложение и вычитание, рассказывал о звездах и планетах... а зачем?

— Дуг, — сказал я, — у нас большая страна... Знаешь, сколько у вас нашлось бы там друзей!.. Дуг, Птица может унести всех, если по очереди...

Он печально улыбнулся:

— Меня не унесет, я тяжелый.

— Но есть же другие пути. По морю...

Дуг покачал головой:

— Женька, это н а ш остров... — И совсем другим голосом попросил: — Покажи, как делают луки. Помнишь, ты про них говорил, когда рассказывал о Робин Гуде...

В расщелинах скал росли кусты и деревца с пружинистыми стволами. Я объяснил, как полагается делать большой лук, хотя сам не мог согнуть такое деревце. А Дуг согнул. И к вечеру у нас было несколько крепких луков. Для стрел мы расщепили старые сухие доски — они отыскиались на верхнем ярусе квадратной башни. Наконечники сделали из осколков кремня. Оперенье сделать было не из чего, но и без него стрелы летели прямо.

Старшие ребята и Дуг очень быстро научились попадать в цель. Они все стреляли гораздо лучше меня (я и лук-то растянуть как надо не мог). Лучшее всех стрелял Шип. Это казалось удивительным. Шип словно состоял целиком из носа, ушей, острых суставов, а мускулов у него совсем не было. Но тетиву он натягивал шутя, а стрелы летели точно в нарисованный круг или нацарапанный углем портрет Крикунчика Чарли. Сестренки Шипа — Стрелка и Точка — после каждого такого попадания гордо на нас поглядывали и шли подбирать стрелу.

Однажды Шипу удалось подстрелить крупную быструю рыбу — она неосторожно крутилась вблизи береговых камней. Это произошло на маленьком пляже, укрытом со всех сторон каменными отвесами. Здесь мы

всегда занимались рыбной ловлей. А попадали мы на пляж через тесный лаз — ответвление главного прохода, и другого пути сюда не было. Разве что по морю...

Добыча с воткнутой стрелой качалась на мелкой зыби совсем недалеко от берега. Дуг ворчал на Шипа: зачем загубил рыбу и стрелу? Достать их было нельзя. Всюду кишели мелкие, похожие на грибы рыжики, медузы. Галь объяснил мне, что они страшно ядовиты, и показал на коричневой ноге белые тонкие рубцы — следы ожогов.

Это было очень обидно: так хотелось искупаться, а мелкие жгучие твари не пускали нас в воду все дни подряд. Но Дуг меня утешил. Он сказал, что скоро медузы уйдут от берега и не появятся до следующего новолуния...

И в самом деле, через день Дуг сообщил:

— Можно купаться, люди!

Мы весело завопили, и больше всех обрадовался Малыш. Правда, он не орал как сумасшедший, но сразу бросился к спуску и в темноте, не боясь расшибиться, застучал своими разбитыми башмаками по ступеням.

Когда мы оказались на пляже, Малыш уже плавал далеко от берега. Плавал быстро и умело, будто на тренировке в спортивной школе.

Он закричал нам:

— Давайте сюда! Плывите!

Никогда я еще не видел его таким счастливым, даже во время полета.

Наша малышня поскидывала тряпье и бросилась в воду. Соти ушла за камень. Галь, Шип, Тун и Дуг, поглядывая на этот камень, стали мастерить из сухих водорослей и веревочек набедренные повязки. Мне даже неловко стало за свой «богатый наряд»: черные трусики с белыми лампасами...

Наконец мы все бултыхнулись в море. В синевато-зеленую прохладу, где серебряными строчками проскакивали стайки рыбешек.

Плавали, барахтались и плескались, пока от озноба не стало сводить челюсти. Потом выбрались на песок и горячие камни. А Малыш все еще купался.

— Ну-ка, давай на берег! — прикрикнул Дуг. — Будешь потом дрожать...

Малыш приплыл и выбрался на пляж. Плотно обнял себя за плечи и пошел к нам — словно понес в руках самого себя, худого и озябшего.

Я замигал и приподнялся на песке. На Малыше были красные плавки. С белым пояском, тоненькой медной пряжкой и разноцветными олимпийскими колечками на кармашке. Такие же, как те, что перед лагерной сменой купила мне мама. В нашем спортмагазине.

Я не вскрикнул, не вскочил. Опустил голову, зажмурился, и в темноте мысли у меня понеслись, как серебряные строчки рыбешек, — отрывистые, торопливые, но все в одном направлении. Потом я испугался: не показалось ли? Открыл глаза. Малыш стоял почти рядом. Колечки, вышитые на кармашке, были похожи на разноцветный букетик.

— Говорил ведь: промерзнешь, — упрекнул Дуг.

— Да нет, я ничего, — стукнув зубами, откликнулся Малыш. Сел на корточки и обхватил коленки.

Я встал и подошел к нему со спины. Спина была мокрая, блестящая, с выпуклой цепочкой позвонков. Она крупно дрожала...

— Юлька... — тихо позвал я.

Спина сделалась неподвижной.

Тогда я громко сказал:

— Юлька Гаранин!

ЛУНА БЫЛА ПОЧТИ ПОЛНАЯ...

Мы с Юлькой ночевали в одной пушке. В мортире. Потому что нам не хотелось расставаться ни днем, ни ночью. Ни на минутку. Мы сразу прикипели друг к другу.

Юлька все вспомнил.

Его история была похожа на мою, только проще. Когда он купался в нашем озере, к нему подошла рыбацкая лодка и незнакомый человек сказал:

— Мальчик, ты так хорошо плаваешь. Помоги распутать сеть, она зацепилась за корягу...

Он усадил Юльку в лодку и повез на середину озера. Скоро Юлька забеспокоился: какие коряги вдали от берега, на глубине? Тогда человек начал говорить об острове Двид, о Ящере, о легенде про Юного Рыцаря... Юлька, не долго думая, махнул за борт, но человек перехватил его на лету и замотал в глухой черный плащ...

Потом была темница, и этот же человек уговаривал Юльку сразиться с Ящером. Юлька не верил ни в Ящера, ни в остров Двид, скандалил и требовал отправить его домой. Тогда человек пригрозил Юльке судом и расправой за трусость. Сначала, мол, пообещал сразаться, а потом испугался. Пусть все видят, какой Юлька трус. В конце концов, это и нужно было властям острова.

— Подумай до утра, — сказал человек и ушел.

Юлька не стал думать до утра, ночью он бежал. Тогда в камере стояла деревянная табуретка, а лежанка была укрыта одеялом, и Юлька этим воспользовался. Он разорвал одеяло на полосы и связал, а табуретку разбил. К отломанной ножке примотал конец самодельного каната с узлами. Ножку зашвырнул вверх — так, что она легла поперек оконца в потолке. Вылез на крышу, пробрался ночными улицами на край города. А там заросшие тропинки привели его в Заколдованный лес...

...Я долго рассказывал Юльке про наш город, про ребят, про наши игры. Про то, какие фильмы теперь идут в кинотеатре «Спутник» и какие марки продают в киоске на углу Первомайской и Пушкинской... А он слушал, слушал — по многу раз одно и то же. И конечно, все время спрашивал про своих родителей.

Что я мог сказать? Я говорил, что они живы и здоровы, только сильно горюют. Зато как они обрадуются, когда Юлька вернется!

Больше всего мы разговаривали про это по вечерам, когда наше каменное гнездо затихало. Мы с Юлькой лежали рядышком на упругом настиле, который сплели из веток, и смотрели из жерла мортiry на ясное ночное небо. Оно было синевато-зеленым с небольшими редкими звездами. И набухала в этом небе яркая луна. Еще не круглая. Где-то глубоко внизу, в лесной чаще под утесом, вскрикивали ночные птицы, а поблизости неумоимо трещал кузнечик...

— Когда вернемся, никто не поверит, что есть на свете остров Двид, — задумчиво сказал Юлька. — Будут допытываться: где же вы, в самом деле, пропадали столько времени?

— Ничего. Главное, чтобы вернуться... — откликнулся я.

Эти слова, кажется, встревожили Юльку. Он спросил с беспокойством:

— А ты уверен, что Птица донесет нас обоих до дому?

— Конечно. Мы же летали вдвоем.

— Мы недалеко летали. А этот путь будет, наверно, очень длинный...

— Донесет, — успокоил я Юльку и себя. — Она вон какая сильная. И верная...

Юлька помолчал. Зябко повел плечами. Прошептал:

— Даже страшно подумать, как там мама... Она всегда за меня беспокоилась...

Я подумал про свою маму, про то, что сердце у нее неважное, побаливает. И сказал:

— Нам как-нибудь поосторожнее надо будет появиться, не сразу. Чтобы с ними ничего не случилось от радости...

— Я уж думал про это, — отозвался Юлька. — Но знаешь, по-моему, от радости ничего плохого быть не может... Женя...

— Что?

Юлька вздохнул, повозился и сказал совсем негромко:

— Мама меня называла знаешь как? «Сокровище»... Иногда хорошо так, ласково, а иногда: «Ну-ка, сокровище, покажи дневник...» Но все равно хорошо... — Он, кажется, улыбнулся в темноте и снова заговорил: — А я, когда маленький был, не знал, что такое «сокровище». Маму спросил, а она говорит: «Это разные драгоценности, которые сперва спрятали, а потом откопали...» Я говорю: «А где ты меня откопала?» Она как начала хохотать... А потом я спросил: «Значит, я драгоценность?» А мама: «Конечно, драгоценность. Цена — одна полушка...» А я не знал, что такое полушка...

— Это денежка старинная. Полкопейки, да?

— Меньше. Полкопейки — это грош, а полушка — половинка гроша... Только я тогда думал, что полушка — значит «пол-ушка». Ну, половина уха. И давай придумывать: «А почему не полноса? Почему не ползуба?» А мама говорит: «Красная цена — полхвоста...» Мы тогда с ней так хохотали...

Я засмеялся. И мне показалось, что Юлька тоже смеется. Но почти сразу я понял, что он вздрагивает и всхлипывает от слез.

— Да ты что, Юлька... Ну, не надо. Мы же скоро вернемся, честное слово!

Потом я замолчал, чтобы не разреветься самому. Закусил губу и слушал, как Юлька постепенно успокаивается.

Юлька вздохнул, и вздох этот был очень длинный и какой-то прерывистый, словно мы ехали в тряской тележке.

Наконец Юлька сказал:

— У меня всегда так: если слезы подкатят, ничего не могу поделать... У меня такой характер слабосильный. Наверно, потому, что имя девчоночье.

— Какое же оно девчоночье, — возразил я, чтобы хоть чуточку его успокоить.

— Конечно. Ю-у-у-лечка... Так у меня двоюродную сестру зовут.

— При чем тут сестра! А Юлий Цезарь? Он, по-твоему, тоже девчонкой был?

— Так это же Цезарь. А я кто? Просто Юлька...

— А я просто Женька... У нас в классе три Женни — я и две девочки. Но я же не говорю, что я девчонка!

— Ты — другое дело. У тебя характер крепкий...

«У меня-то?!» — хотел заспорить я и уже собрался рассказать, сколько раз отчаянно трусил и пускал слезы на этом острове. Но Юлька опять заговорил (и кажется, опять улыбнулся):

— А мою маму тоже зовут Женя... Евгения Степановна... Она в музыкальной школе работает... Я ее иногда до школы провожал, и, как подойдем к школе, все ребята сразу кричат: «Здравствуйте, Евгения Степановна!»

Он как-то вдруг, очень резко замолчал. Может быть, опять подступили слезы?

Чтобы отвлечь его, я быстро спросил:

— А ты тоже учился в музыкальной школе?

— Не... мне медведь на ухо наступил. Я только иногда слова для песенок придумывал, а мама к ним музыку сочиняла... Мы с ней много песенок написали...

Юлька вдруг рывком повернулся ко мне, и я в скользящих лучах луны увидел его тоскливое и встревоженное лицо. Он сказал глуховато и совсем другим голосом. По-взрослому:

— Если мы не вернемся, она же ни одну песню не сможет вспомнить без слез...

— Вернемся, Юлька, — быстро ответил я, чтобы и его успокоить, и себя. — Вернемся. Скоро уже будет юго-западный ветер. Смотри, луна почти полная.

Он опять лег на живот и уперся подбородком в кулаки.

— Женья... А похоже, будто луна в иллюминатор светит, да?

— Похоже...

— Мы однажды с мамой и папой плыли на теплоходе по морю. Из Одессы в Батуми. Иллюминатор в каюте был круглый, и в него вот такая же луна заглядывала... Тихо было и совсем не качало. Я полночи не спал, все смотрел. Я люблю на луну смотреть... Может, я лунатик?

Я засмеялся:

— Ты же не бегаешь ночью по крышам...

— Не... — сказал Юлька уже повеселевшим голосом. — Я только стихи про луну сочинил. Хочешь, расскажу?

— Конечно, хочу.

Он, видимо, застеснялся, сбивчиво пробормотал:

— Ну... они, наверно, не очень складные... Ты не смейся, ладно?

— Да что ты, Юлька! Рассказывай давай.

Он сглотнул и заговорил...

По-моему, это были хорошие стихи. Я их сразу запомнил, хотя вообще-то запоминаю стихотворения с трудом.

И вот теперь я пишу их, как слышал: с разными остановками и ступеньками — как Юлька говорил. И будто снова слышу Юлькин голос:

Я не сплю...

Лежу я и не сплю

(Только вы не говорите маме)...

Звезды, словно замерший салют,

Гроздьями повисли над домами.

Только я на звезды не смотрю,

Я от нетерпения горю:

Жду,

когда от краешка окна

Круглая появится Луна.

На Луне так много лунных сказок:

Там

над золотистой водой
Желтые растут дубы и вязы
И сидит волшебник с бородой.

Я к нему

по лунному лучу
Побегу сквозь голубую даль.
От него

в подарок получу
Золотую лунную медаль.
Я ее повешу на стене.
И она

ночами
со стены
Будет часто улыбаться мне,
Как сестренка
той
большой Луны.

Юлька замолчал и потом проговорил неловко:

— Ну вот... все.

— Это же замечательные стихи! — от всей души сказал я. — А ты еще говорил: нескладные!

— Мама тоже сказала, что хорошие, — признался Юлька. — Я их ей на день рождения подарил... Хоть там и написано: «Только вы не говорите маме», но это же так, почти что в шутку...

«Ничего, Юлька, скоро будет юго-западный ветер», — снова хотел сказать я, но в горле скребло, потому что я тоже думал о маме. Да и сколько можно говорить одно и то же? Я просто положил свою ладонь на горячее Юлькино плечо и стал смотреть на луну. А она расплывалась, разбивалась на брызги. Потому что характер у меня ничуть не крепче Юлькиного, и на ресницы выдавились большие капли.

«Ничего, Юлька, скоро будет полнолуние...»

Я проморгался. Луна опять сделалась четкой. Она висела теперь точно в середине пушечного жерла. Значит, наша мортира была нацелена прямо на нее... Вот если бы сейчас грянул выстрел!

Наверно, мысли все-таки могут передаваться от человека к человеку. Юлька спросил:

— Ты читал книжку Жюль Верна «Из пушки на Луну»?

— Конечно! Я как раз об этом думал!

— И я думал... Вот если бы по правде так было можно: набить пороху — трах! — и полетели...

— А что нам делать на Луне?

— Да не на Луне. Я чтобы домой...

Его плечо приподнялось и опустилось под моей ладонью.

«Домой... — подумал я. — Сделать бы снаряд вроде бочки, а к нему парашют для приземления, как у космонавтов... И ка-ак грохнуть!.. Только что от нас останется? Да и разве долетел бы снаряд в такую даль? Плюхнулся бы где-нибудь на острове среди леса. Или в озеро...»

В озеро?

Я представил, как грохается в воду снаряд. Не бочка с пассажирами, а громадное каменное ядро... А у Ящера слабая башка. Щупальца могучие, а темя...

— Юлька... — шепотом сказал я. Но он не ответил. Он быстро и незаметно уснул.

А я не мог уснуть до самого утра. Все думал: если сохранились на бастионах ядра, то, может быть, где-то в подвалах сохранился и порох?

ПОРОХ

Если бы он сохранился!

С той минуты, как я попал на бастионы, ни разу не приходила мне мысль о войне с Ящером. Бесполезно было об этом думать. Что могли бы сделать мы — Дуг и несколько мальчишек — со стальным исполинским чудовищем?

Но если есть порох и ядра...

Меня просто жгло от этих мыслей. Теперь, когда появилась надежда на могучее оружие, мне очень хотелось отомстить. За обман, за унижение, за страх, за кровь... за того мальчишку на розовом помосте... за свое бегство...

Но главное даже не в этом. Главное, что остров будет свободен. Кто такой Тахомир Тихо без Ящера? Толстенький лысоватый человечек без власти и силы. Кем станут слуги Ящера, если чудовище превратится в металлолом? Да они и воевать-то не умеют, привыкли помыкать беззащитными людьми.

Может быть, все же не случайно появился я на этом острове? И Юлька? Может быть, в конце концов посчитаемся с Ящером?

...На рассвете я разбудил и вытащил из пушки Дуга. Я выпалил ему все, что передумал за ночь. Он сперва ничего не сообразил и решил, что я увидел страшный сон. Даже заворчал: сам не спишь и другим не даешь. Но вдруг замолчал. Он стал очень спокойный, только сжал губы, а ноздри у него задрожали.

Он спросил:

— А какой он, этот порох?

— Ну неужели ты не знаешь, что это такое? Им стреляют из пушек и ружей!

— Я знаю, что им стреляют, — с нетерпеливой досадой сказал Дуг. — Но к а к о й он? Мы же никогда его не видели. Чтобы искать, надо знать...

— Если есть, найдем!

На поиски пошли Дуг, я, Юлька и Галь. Дуг объяснил, что от коридора, который ведет вниз, отходят небольшие ответвления. В них есть погреба, ниши, тайники. Никто их как следует не разведывал. Вполне может быть, что есть там и пороховой склад.

Мы искали долго. Облазили много узких проходов и сводчатых камер. Ободрались о камни и закоптились

от факелов, как черти. Ничего не нашли и вернулись в главный коридор.

— Посмотрим ниже, — сказал Дуг.

Мы спустились на два десятка ступеней. Хотели опять свернуть в коридорчик, но я обратил внимание, что стена слева от нас какая-то странная — не плоская, а будто сложенная из цилиндрических камней. Я пригляделся. Это была не стена. Это была высокая ниша, и снизу доверху ее заполняли бочонки. На одном бочонке не было верхнего обруча. Я потянул за край клепку. Дернул. Дощечка отошла, и щекочущим потоком на ноги мне хлынула черная крупа.

— Назад! — заорал я. — Назад, кто с огнем! Быстро, вы, идиоты!!

Кажется, Галь и Дуг обиделись на меня за этот крик. Но мне было не до того. Даже наверху, когда мы выбрались, у меня дрожали ноги. Я посмотрел на Галя и Дуга, на их сердитые лица и молча выгреб из кармашков порох, который прихватил с собой. Попросил Уголька принести старую жестяную кружку, засыпал ее порохом до половины, а сверху сплющил камнем и загнул расплющенный край. Сказал Юльке:

— Разожги костерчик...

Огонь разгорелся, и я скомандовал:

— Ну-ка, все за башню...

Кинул кружку в пламя.

Грянуло крепко. Дым и огонь взметнулись метров на пять, а ветки раскидало по всей площадке. Стрелка и Точка завизжали.

— Ясно? — спросил я, когда мы поднялись после взрыва. — Ясно, где бы мы сейчас летали, если бы грохнули бочонки?

Но тут я посмотрел на Галя и Дуга и спохватился:

— Ребята, простите... Я же там перепугался так, что просто без памяти...

Дуг потер веснушчатой лапой побледневший лоб. Тихо сказал:

— Это ты прости... А мы-то каждый день ходили там с факелами...

Мы все обсудили на общем совете. Мы объявляли Ящеру войну!

Интересно, как понравятся ему каменные шарики в тонну весом, когда они посыплются на башку?

Только долетят ли?

Озеро блестело очень далеко. Но калибр у мортиры был раза в три больше, чем у самых крупных орудий на линкорах, про которые я читал в морских книжках. А линкоры стреляли на сорок километров!

Конечно, старая мортира — не то что современное нарезное орудие. Но мы набьем пороху до отказа, подожжем фитиль, а сами скроемся в каземате. Если даже разорвет ствол, никто не пострадает. Зато, если не разорвет, ядро наверняка достанет до цели. А может быть, на первый раз и перелет будет...

Притащить из погребов порох было нетрудно. Зато предстояла долгая возня с ядрами. И мы решили сперва заняться этим тяжелым делом.

Работали мы несколько часов. Руками, плечами, рычагами все вместе толкали ядра к каменному желобу, а по нему подкатывали поближе к дулу мортиры. Мы срывали с плеч и ладоней кожу, растягивали сухожилия, хрипли от криков... Мы измотались так, что даже не хотелось обедать. Зато пять громадных шаров улеглись в желоб, и я вспомнил тиражи спортлото, которые видел по телевизору. Ладно, мой милый Ящер, посмотрим, чей номер счастливее!

Часа два мы отдыхали. Потом Дуг принес очень ценную вещь: стеклянный фонарь со свечкой. Не соваться же опять к пороху с открытым огнем.

Каждый взял котелок или сделал мешочек из тряпок и одежды. Направились к спуску. Впереди всех шел Дуг с фонарем, а за ним ковылял маленький Лук. Он смешно торопился. Нога у него зацепилась за камень. Лук покатился в траву, засмеялся и вдруг громко вскрикнул.

Мы подбежали. Лук держался за щиколотку: оказалось, что в ногу ему воткнулась обглоданная рыбья кость, черная от грязи.

Откуда она здесь взялась, проклятая? Мы после еды всегда аккуратно собирали мусор и кидали вниз. Может быть, она валялась здесь с древних времен?

Ранка была небольшая, но я увидел, каким сумрачным стало лицо у Дуга. И сразу вспомнил про малыша, который пять лет назад погиб здесь от такой же царапины.

Соти сбегала за своими лекарствами, сделала перевязку, а потом что-то озабоченно объяснила Дугу.

— Надо идти в деревню, — сказал нам Дуг. — У старухи есть отвар белого корня. Надо смазать ногу, иначе может быть худо.

Мы приуныли. Все шло так хорошо — и вот... Но Юлька быстро встряхнулся:

— Ладно, я пошел...

Кроме него, идти было некому. Я не знал дороги, а остальные выглядели такими оборванцами, что в деревню не сунешься. Старуха знахарка была молчаливая и добрая, давала лекарства и ни о чем не спрашивала, но жила она рядом с деревенской площадью. Незаметно подобраться к ней было невозможно.

— Только вы без меня не стреляйте, — попросил Юлька.

Дуг озабоченно сказал, что стрелять не будем: Ящер никуда не денется, а с лекарством надо поспешить.

Я предложил позвать Птицу, чтобы доставить Юльку ближе к деревне, но Юлька возразил:

— Пока она прилетит, я уже внизу буду.

И прыгнул в черный лаз прохода...

Маленький Лук ни о чем не беспокоился. Нога болела не сильно, и он лишь косолапил больше обычного, когда бегал по площадке. Зато остальные были встревожены, хотя и скрывали.

Я понимал, что при таком настроении лучше не браться за подготовку к стрельбе. Работа эта важная и сложная, надо выполнять ее со спокойной душой. Все разбрелись, и каждый занимался своим делом. Соти время от времени покрикивала на Лука, чтобы не бегал, подзывала и проверяла, не распухает ли нога. Нога потихоньку распухала...

Я сидел на краю каменного желоба и поглаживал теплый шероховатый бок ядра. Подошел Дуг.

— Ничего, — сказал он. — Малыш принесет отвар, и все наладится... А как будем стрелять? Озера-то отсюда не видать...

В самом деле, из центра площадки не было видно горизонта. Его закрывали каменные барьеры и обломки стен. Но я объяснил Дугу, что это не страшно. Мортиры для того и придуманы, чтобы стрелять по врагу из укрытий. Мы набьем в орудие пороху, закатим ядро, потом поднимем ствол повыше, выпалим, и снаряд помчится к озеру по крутой дуге — сначала вверх, затем вниз. А чтобы направление было точным, надо прочертить линию стрельбы: от орудия вон туда, к самому краю, который отгорожен от обрыва гранитным парапетом...

Подошли ребята и вместе с Дугом слушали мои артиллерийские рассуждения. Медлительный коренастый Тун поскреб в затылке и сказал с неторопливым удивлением:

— Ох ты, Женька... Все знаешь... Разве вас учат в школе из пушек стрелять?

— Да это же простая математика! Никто не учит, я сам в разных книжках читал... — Тут мне стало неловко: получалось, будто хвастаюсь. И я быстро сказал:

— Пошли посмотрим укрытие...

Мы спустились в нижний каземат бастиона, который одним краем примыкал к оружейной площадке. Решили, что здесь спрячемся, когда подожжем фитиль. Из маленьких бойниц мортира видна отлично, а могучие стены защитят нас от опасности.

И все получится как задумано, только бы не было беды с Луком.

Юлька долго не возвращался. Может, не застал дома старуху или она долго готовит отвар? Все молчали, но я знал, что каждый думает одно и то же: «Ну поскорее бы он вернулся!»

И Юлька вернулся.

Но как!

Я увидел его в бойницу. Юлька выскочил на площадку — оборванный, встрепанный, с мокрым от слез лицом.

— Ребята! — кричал он. — Уходите, прячьтесь! Они идут!

Мы рванулись к нему из каземата. Но Юлька бросился нам навстречу, раскинув руки, и налетел так, что просто впихнул всех обратно.

— Не ходите! Они... там... сюда идут!

— Кто? — крикнул Дуг. — Что с тобой, Малыш?

— Они...

В этот миг пол ударил нас по ногам, светлые щели бойниц захлестнуло темнотой, и тугой грохот встряхнул стены. Меня бросило на плиты. Сверху посыпалась каменная крошка.

Она сыпалась мне на затылок, а я лежал и ничего не понимал. Но тут заплакала Точка. Отплевываясь от каменной пыли, я стал пробираться к ней в темноте...

Щели бойниц постепенно светлели, в них стало просачиваться солнце. Я увидел, что хнычущую Точку держит на руках Тун. С ней ничего не случилось. С остальными, кажется, тоже.

Мы стали по одному выбираться наружу.

Над бастионами висели клубы дыма и белесой пыли.

Пыль оседала на траву. У главной оружейной площадки был обрушен один край, по квадратной башне прошли снизу доверху трещины. Многие орудия оказались опрокинуты, ствол одного из них валялся у входа в каземат.

Только мортира стояла по-прежнему. Как уцелевший памятник среди разбомбленного города. Но мы уже начинали понимать, что теперь она ни к чему.

Наверно, мы долго стояли и молчали.

— Порох... — сказал Дуг. Пыль оседала на его ярко-медные кудри, и он будто сидел на глазах.

Кто-то негромко и совсем безнадежно заплакал. Я оглянулся — Юлька. Он стоял позади всех и смотрел прямо перед собой полными слез глазами. Рот у него был в крови. По усыпанным пылью щекам протянулись мокрые темные полосы.

— Это о н и его взорвали, — плача, проговорил Юлька.

— Кто? — крикнул Галь.

— Слуги Ящера... Я от них убежал...

— А! — жестко сказал Дуг. — Они погнались за Малышом и сами взорвались!

Юлька замотал головой так, что капли со щек полетели по сторонам.

— Нет! Они не взорвались! У них не было открытого огня! Не было! Значит, они нарочно!

— Откуда ты знаешь? — почти испуганно спросил Дуг.

Юлька перестал плакать и замер.

— Малыш... — в тишине позвал его Дуг.

Юлька беспомощно посмотрел на него, а потом на меня.

— Потому что это я виноват, — еле слышно сказал он. Закусил окровавленную губу и уронил голову.

ЮЛЬКА

— Ты? — очень удивился Дуг. И шагнул к Юльке.

Юлька быстро сел на корточки, почему-то прикрыл растопыренными ладошками затылок и затрясся, просто заколотился от нарастающего плача. И сквозь отчаянные слезы прокричал:

— Потому что я трус и предатель! Это я рассказал им про порох и про тайный ход! Они меня поймали, и я рассказал!..

Он захлебнулся слезами, совсем сжался в комок и привалился к низким ступеням. Я видел, как безнадежное горе скручивает и бьет его, будто ударами тока. Грубый камень расцарапал голое Юлькино плечо. Хотел я броситься к Юльке, поднять его, но в эту минуту почему-то не смог. Посмотрел на ребят. Они с непонятными лицами обступали рыдающего Малыша, придвигались к нему мелкими шагами.

На миг я испугался. Подумал, что они будут бить его. И понял, что сразу кинусь на защиту, стану драться, как тысяча тигров! Потому что все равно это был Юлька! Не смейте!

Как по-идиотски я ошибся, когда подумал такое про ребят. Даже стыдно вспоминать... Они подошли совсем близко, и Соти села рядом с Юлькой. Погладила его исцарапанное плечо и тихонько спросила:

— Сильно мучили?

От неожиданной ласки Юлька замер. Медленно поднял мокрое лицо. Посмотрел на Соти, на всех на нас, глотнул и сказал как-то удивленно:

— Совсем не мучили. Только пообещали... А я все выдал. Вот ведь какой я трус. — И опять заколотился в рыданиях.

Дуг нагнулся, взял Юльку за локти и потряхнул. Строго потребовал:

— Ну-ка, перестань. Слышишь?

Юлька опять притих. Через плечо посмотрел на Дуга. И со всхлипами проговорил:

— Теперь вы должны судить меня как изменника. Да?

Дуг взял его на руки и медленно выпрямился. Сумрачно сказал:

— Эх ты, Малыш... Это вон тех надо судить. — Он кивнул в ту сторону, где маячил под вечерним солнцем город.

Юлька протестующе дернулся, но Дуг прижал его к груди и понес в казарму. Дранный башмак упал с Юлькиной ноги. Я поднял его и пошел за Дугом.

В казарме Дуг положил Юльку на покрытую дерматином лежанку. Юлька вздрагивал и молчал. Мы встретились взглядами.

Такая тоска была в его глазах, такая боль, что я чуть не закричал. Но сдержался и не отвел взгляда. Однако смотреть так и молчать было невозможно. И я глупо спросил:

— Как же ты им попался, Юлька?

Он резко приподнялся. Заговорил, глотая слова:

— А как... Сам не знаю... Шел по деревне, а двое откуда-то подскочили. Сразу хватъ... Говорят: «Ты из крепости спустился?» Я притворился, будто ничего не понимаю, а они опять: «Не отпирайся, все равно ваших всех уже поймали». Я испугался и говорю: «Как — поймали?» Они тогда засмеялись и потащили меня... А там такой подвал... — Юлька опять дернулся, глянул на Дуга и прошептал: — Все равно вы должны меня судить. Так надо...

— За что? — печально спросил Дуг. — За то, что не смог стать героем? А кто из нас герой? Кто из нас смог бы?

— Никто не герой, но никто и не предатель, — горько возразил Юлька.

Дуг хотел ответить ему, но пришла Соти. С кувшином и чистыми тряпичами. Она молча отодвинула меня

и Дуга от лежанки и стала смывать кровь с Юлькиных губ и подбородка.

Дуг взял меня за локоть:

— Пойдем пока...

Обрушенный край площадки еще дымился. Трава была белесая от осевшей пыли. Ребята молча ждали нас. Галь поманил Дуга и меня к обрыву и сделал знак, чтобы укрылись за парашетом.

— Смотрите.

Мы осторожно глянули вниз. Леса были освещены закатом. Среди деревьев уходили от скал слуги Ящера. Они шли не оглядываясь. Видимо, были уверены, что мы или погибли от взрыва, или наглухо заперты в крепости и никуда не денемся...

А мы и в самом деле были заперты. Взрыв разрушил спуск, и мы не могли теперь попасть ни в лес, ни к морю. И колодец, где мы добывали воду, завалило (это был глубоченный колодец, и мы таскали из него воду котелками на чудовищно длинной веревке). Запас воды хранился в каменной бадье глубоко в подвале. Бадья не пострадала и была почти полная. «Но это на три дня, — подумал я. — А потом что? И надолго ли хватит еды?»

Дуг собрал нас у мортиры. Всех собрал, даже самых маленьких, только Соти и Юлька оставались в казарме.

— Что будем делать, люди? — спросил Дуг.

Все молчали. Мои мысли разрывались: надо было думать, как выбраться из западни, а я думал о Юльке. Как он там?

Ну ладно, мы с Юлькой скоро улетим, а что будет с остальными?

«А как же вы улетите? — словно спросил меня кто-то. — Бросите ребят в беде?»

В самом деле, разве бросим? Не бывать нам с Юлькой дома, пока не отыщется для всех путь к спасению.

Только где он, этот путь?

— Уходить нам отсюда некуда, — сказал Галь. — Внизу нас переловят, как цыплят...

— А здесь помрем с голоду, — хмуро заметил Дуг.

— Птица поможет, — неуверенно сказал я.

— Сколько можно гонять Птицу? — откликнулся Дуг. — И за хлебом, и за рыбой, и за водой... Измучаем ее, и она нас бросит.

Я был уверен, что Птица нас не бросит. Но что измучится — это точно. Ответ Дуга прозвучал сердито, и я смущенно умолк. Опять подумал о Юльке. Сильно он виноват или не сильно, я не мог решить. Однако врагов к тайному ходу привел все-таки он. А мы с ним были до сих пор как один человек. Значит, и на мне лежала вина. Никто мне так не говорил и, наверно, даже не думал, но я опустил голову и отошел.

В это время Дуг сказал:

— Нам нельзя спускаться отсюда что с Птицей, что без Птицы. Слуги Ящера, наверно, следят за всей округой. Нам вообще нельзя показываться в здешних местах.

Тун спросил неторопливо:

— А куда деваться-то?

— Только в Синюю долину...

Все непонятно замолчали.

Потом Галь тонко и жалобно крикнул:

— Сумасшедший ты! Хочешь сгинуть со света?

— Как же теперь? Пусть из-за меня все сгинут? — тихо спросил Дуг. Он еще что-то сказал, но его заглушили сердитыми возгласами. Все на него накинулись. За что? Я ничего не понимал.

Подошла Соти и негромко сказала:

— Ну чего раскричались? Не шумите. Где Лук?

Она вывела Луку из толпы, усадила на лафет и стала разматывать на его ногу грязную повязку. В левой руке Соти держала блестящий пузырек.

— Что это у тебя? — спросил Галь.

— Лекарство. Малыш принес...

Принес все-таки! Значит, схватили Юльку, когда он уже побывал у старухи. И он прятал у себя пузырек — не разбил, не потерял, сберег...

Мы обступили Лука. После взрыва мы совсем забыли о его ране, а теперь забеспокоились.

Ранка подсохла, но щиколотка распухла. Дуг покачал головой. Соти сказала:

— Ничего. Теперь скоро пройдет.

Она развернула свежий бинт, смочила его лекарством.

— Отойдите-ка, свет загородили...

Но мы не загораживали свет. Просто зашло солнце, и быстро темнело.

Тун принес фонарь.

Потом от этого фонаря мы зажгли небольшой костер. Все, молчаливые и невеселые, сели у огня. Меня грызла тревога за Юльку, и я пошел в казарму. Но Юлька сам вышел навстречу.

Даже в сумерках было видно, какой он осунувшийся и несчастный. Просто убитый.

— Пойдем, Юлька, к огню, — осторожно сказал я и взял его за ладонь.

Но он освободил руку и качнул головой.

— Ну чего ты... Пойдем, — повторил я и от жалости к нему чуть не заревел.

Юлька опять мотнул головой и сел в чахлую траву у подножия башни. Я неловко взял его за плечо. Оно было холодное, как у неживого.

— Прогреть весь... — пробормотал я.

— Нет, — прошептал Юлька и шевельнул плечом.

Подожел Галь. Укрыл Юльку своей изодранной курткой, а меня отвел в сторону. И сказал мне ласково и твердо:

— Пускай посидит один, если хочет. Ему сейчас плохо...

Я послушался. Мы с Галем сели у огня в кругу ребят. Но я не мог не думать о Юльке. Я просто чувствовал спиной, как он в темноте, в двадцати шагах от меня, сидит, скорчившись, и тихо глотает слезы. Глотает свое горе, свою вину, свой стыд...

У костра все молчали. Всех придавила беда, и к тому же устали за день. И все будто договорились: не спорить сегодня, не ломать головы и не решать никаких вопросов. В конце концов, пока нам ничего не угрожало. Мы в западне, но и враги сюда не доберутся. Рыбы и хлеба на пару дней хватит. А дальше будет видно...

Все молчали и смотрели на пламя. Лук сидел, прижавшись к Соти, нога уже не болела, опухоль спадала прямо на глазах. И свежий бинт ярко светился от огня. У Дуга золотились веснушки.

Я вспомнил недавний разговор и спросил Галя:

— А что за Синяя долина?

Галь шепотом рассказал, что в южной оконечности острова, среди отвесных гор, есть место, где растет множество плодов, гнездится множество птиц и водится множество животных. Там бьют чистые родники и никогда не бывает палящей жары. Но люди там не живут. Лишь развалины темнеют на месте брошенных деревень. По утрам, едва упадут на землю рассветные лучи, там выплзает из расщелин тонкий голубой туман и наполняет собой воздух. Для детей этот воздух безвреден, а для взрослых смертельно опасен. Ни один взрослый человек не решается заходить в Синюю долину. Он знает, что, если подышит там хоть немного, через несколько недель погибнет от непонятной болезни, похожей на малярию... С помощью Птицы можно было бы добраться до Синей долины. Лучшего убежища для ребят не придумать... Но Дуг... Он ведь уже большой...

Выкатилась яркая луна. Огонь догорал, и больше уже никто не подбрасывал сучьев.

— Спать давайте, — уронил Дуг и медленно встал.

Стали подниматься и ребята.

Я сразу пошел к Юльке. Он уже не сидел, а лежал у стены, среди чахлых стеблей. Съежился и укрылся с головой. Только ноги торчали из-под куртки. Одна в башмаке, другая босая...

— Юлька...

— Что? — бормотнул он из-под куртки и не пошевелился.

— Пойдем спать, Юлька.

— Я и так... — сипло проговорил он.

— Так не надо, Юлька. Пошли в пушку.

Он откинул с лица лохмотья. Лицо при лунном свете казалось очень белым.

— А ты разве... — прошептал он. — Ты... тебе не противно?

— Ну и дурак же ты! — почти со слезами сказал я. — Вставай, пошли!

Он послушно пошел и забрался в мортиру. И как раньше, мы легли рядом на упругую подстилку. И снова светила в круглое жерло белая луна. Юлька уткнулся лицом в сухую траву.

А я... Не знаю, правильно ли это, но я почувствовал, что сейчас нельзя его больше жалеть. Ему только хуже от этого. Я сердито сказал:

— А теперь все рассказывай.

Он будто даже обрадовался. Приподнялся на локтях.

— Я расскажу, сейчас... Это так быстро случилось... Они меня затащили в подвал, а там говорят: «Покажешь, где проход?» — Я говорю: «Какой проход?» — «На бастионы». Я говорю: «Не знаю». А они смеются: «Все знаешь и все покажешь. Вместе пойдем...» Я сказал, что не пойду, а они опять смеются: «Все покажешь и расскажешь...» Если бы кричали и ругались, а то все со смехом. Еще страшнее от этого смеха... Кинули меня на скамейку, я затылком брякнулся так, что искры из глаз. Руки и ноги привяза-

ли... Я думал: «Пускай хоть как бьют, зубы сцеплю, умру, а не скажу. Только жаль, что маму с папой не увижу, но пускай... Ни словечка не выговорю...» А они бить не стали...

По Юльке вдруг прошла такая дрожь, что показалось, будто мортира затряслась. Потом он замер и шепотом сказал:

— Там над скамейкой балка, а на балке колесо висит, громадное, а из него гвозди торчат. Много-много гвоздей, и все ржавые. Длинные... Один стражник надавил какую-то палку, а оно заскрипело и прямо на меня. Будто накатывает... А другой, не стражник, а в простой одежде, длинный такой, с гнилыми зубами, ухмыляется: «Будешь говорить, мальчик?» И тоже что-то нажал... Я хотел зажмуриться, а глаза не закрываются. А гвозди все ближе, прямо совсем... Ну, я не выдержал, как закричу: «Пустите!»

...Я сам не помню, Женька, что дальше получилось. В общем, я, кажется, все выдал. И где проход, и где порох... И про нас рассказал про всех...

Он опять лег лицом в траву. Видно, больше нечего ему было говорить. А я представил это колесо с гвоздями: будто оно надвигается на меня. Медленно и неумолимо. И это было еще страшнее, чем Ящер. «А кто из нас герой? — вспомнил я слова Дуга. — Кто из нас смог бы?»

Дуг смог бы, я это понимал. А мы, мальчишки?..

— Юлька, почему у тебя рот был в крови? — прошептал я.

Он опять приподнялся.

— Это уже потом... когда я лампочку раскусил...

— Какую лампочку?

— Ну, понимаешь, они меня повели на веревке, чтобы я проход показал, и фонарики взяли. Вроде палочек с электрическими лампочками на конце... Толпа стражников за мной пошла, а я впереди. Иду и думаю: «Что же я наделал!...» Когда в коридор пролезли, я говорю:

«Дайте фонарик, а то темно, тут ямы». Они дали. А я решил: как доберемся до склада, стекло раскушу и горящей ниточкой в порох... Только не вышло. Я зубы стиснул, ниточка сразу погасла. Тогда я веревку вырвал и побежал. Они там закричали что-то, запутались и отстали...

— Юлька... Слушай, Юлька! А если бы получилось? Ты бы первый...

Он тихо сказал:

— Если сразу, то, наверно, не больно...

Не помню, что мы говорили после этого. Видимо, я уснул внезапно и глухо. Но даже в этом сне, похожем на плотную черную вату, мне чудился Юлькин горький шепот: «Если сразу, то, наверно, не больно...»

Проснулся я от озноба. И увидел в жерле мортиры синий круг утреннего неба.

Юлька с открытыми глазами лежал на спине. Лицо у него было острое, серое, с высохшими полосками слез.

— Ты что, совсем не спал? — спросил я.

Юлька не пошевелился, но ответил.

— Нет, я спал. Я даже сон видел, — печально сказал он. — Будто ничего не случилось и будто я такой, как раньше.

Я вдруг очень испугался. Мне показалось, что он может умереть от своих мучительных мыслей.

— Перестань ты, наконец! — крикнул я. — Ты и сейчас такой же!

— Неправда, — жестко ответил он. — Ты меня презираешь, только сказать не хочешь. А чего меня жалеть?

Разве я его презирал? Я мучился вместе с ним. Чувствовал себя таким же виноватым, потому что был ничуть не лучше. Даже трусливее. Я бежал от Ящера, испугавшись гибели. А Юлька не боялся смерти,

он только испугался боли, не выдержал надвигавшегося ужаса.

— У тебя не хватило сил, вот и все, — сказал я. — Ты же еще не Юлий Цезарь. Ты просто Юлька.

— Я не просто Юлька, — возразил он. — Я Юлька-предатель. И я теперь не знаю, как жить.

Тогда, чтобы утешить и его и себя, я сказал:

— Но ведь по-всякому случается в жизни. Каждый может не выдержать... один раз. С непривычки... Я вот тоже: бросил меч и убежал от Ящера. Что же теперь? Умирать?

Юлька печально усмехнулся:

— Сравнил... Это была не измена, а просто отступление. От этого никто не пострадал.

— Но и от тебя никто! Наоборот, ты даже лекарство принес Луку!

— А проход...

— Ну что проход? Ты же сам хотел его взорвать. Получилось даже лучше, чем хотел: ты живой остался.

— И враги остались живые, — устало сказал Юлька. — А мы в капкане... Глупая это была мысль — взорвать. Могло и вам достаться. Это уж я от отчаяния... Ничего не соображал.

— Ладно, Юлька... — начал я и замолчал. Потому что говори не говори, а все было как было: он испугался и выдал врагам наши тайны. Куда от этого денешься?

Можно было понять и пожалеть Юльку: не взрослый же он, а маленький слабый пацаненок. Можно было простить. Но вина все равно висела на нем, тяжелая, как ядро мортиры...

— Эй, люди! А ну, скачите на солнышко! — раздался веселый голос Дуга. — Давайте, давайте! Выкатывайтесь! Из пушки — как из пушки!

Я прыгнул на землю и сказал Юльке:

— Пошли. Хватит тебе прятаться.

Он послушался, выбрался из мортиры.

Утро было ясное, но зябкое. Все ребята ежились и дрожали, выбираясь из пушечных стволов.

— Живей, живей! — торопил Дуг. — Подходите сюда поближе!

Он смеялся. Может быть, он что-то придумал за ночь, а может быть, просто хотел подбодрить нас. Ребята подходили к нему со всех сторон. Мы с Юлькой тоже подошли, но Юлька не смотрел на Дуга, смотрел в землю.

— Веселей шевелись! — покрикивал Дуг. — Лук, не хромай, твоя нога уже не болит! Малыш, не кисни, все еще можно поправить! Всем держать носы выше горизонта! Сегодня много дел!.. Что дрожите? Ночка была прохладная? Сейчас погреемся. А ну, встали в круг! Подняли руки! Прогнули вот так! — Он вскочил на парапет у края площадки, тоже вскинул руки и выгнулся назад. Тело его блестело на утреннем солнце как медь, волосы горели. За ним в голубой дали синели туманные леса. Дуг смеялся.

— Приготовились! — крикнул он. И как-то странно замер. Наступила непонятная тишина. В этой тишине я услышал щелчок, будто лопнул воздушный шарик.

Дуг медленно-медленно стал падать вниз лицом.

ПРОЩАЙТЕ, БАСТИОНЫ

Дуг упал, успев сказать:

— Отойдите от края... Улетайте в долину...

Из дырки под его левой лопаткой выплеснулась коротким фонтанчиком кровь. Растеклась по спине (а спина сразу стала почти белой, и на ней резко выступили веснушки). Дуг вытянул вперед руку и больше не шевелился.

Громко закричала Стрелка. И тогда я очнулся. Толчком швырнул от края площадки Галя. А Юлька в ту же секунду бросил на землю Точку. И вовремя — там,

где она только что стояла, громкий щелчок выбил из парапета столбик пыли.

— Нагнитесь! — заорал я. — Все на середину!

Они же ничего не понимали, они не знали, что такое пули. А мы с Юлькой знали. Из кино, из книжек, но все-таки знали.

Галь первый сообразил, в чем дело.

— От края! — тоже закричал он. — Отойдите к большой пушке!

Его послушались.

Галь, Тун, Юлька и я, пригибаясь, оттащили к мортире Дуга. Мы с трудом тянули его за руки. Ноги Дуга скребли по жидкой траве и щебню.

Соти закрыла рану Дуга мокрой тряпицей, и мы перевернули его на спину. Глаза его были открыты и неподвижны. И весь он был до ужаса неподвижен. Только волосы шевелились под ветерком, и от этого становилось еще страшнее. Я тогда впервые подумал, что волосы у мертвых шевелятся так же, как у живых, будто не хотят согласиться со смертью и живут сами по себе...

Галь опустил на колени рядом с Дугом, долго смотрел ему в лицо. Потом оглянулся на Туна и тихо сказал:

— Уведите маленьких в казарму...

Когда я вспоминаю остров Двид, мне кажется, что этот день был самый тяжелый. Самый-самый горький...

Галь, Тун, Шип и я стали думать, как похоронить Дуга. Нечем было вырыть могилу в каменистом грунте. Для такой работы годился лишь мой кинжал: он втыкался в камни, как в пластилин. Однако разве выроешь глубокую яму маленьким клинком...

Мы отнесли Дуга в глубокий подвал под квадратной башней и положили в нишу, где раньше хранились всякие припасы. Положили на подстилку из жесткой сухой

травы. Укрыли рваной курткой, сшитой из мешковины. Стали складывать перед нишей стенку из камней. Камни сверху подавали все ребята. По цепочке. Сначала никто не плакал. Но потом наверху, у входа в подвал, громко зарыдал Винтик. Тогда слезы вырвались у всех, даже Галь не выдержал.

Особенно убивался Юлька. Он уронил камень, съехал в дальнем углу, и там его, как вчера, опять колотило от плача. Его никто не трогал и не успокаивал.

Мы плакали и укладывали камни. Ряд за рядом, слой за слоем. И Дуг становился все дальше от нас, превращался из человека в воспоминание...

Галь, кажется, первый понял до конца, что мы теперь одни. Он выпрямился, вытер локтем глаза и громко сказал:

— Хватит! Пошли наверх!

Он стал командиром.

Наверху Галь собрал всех у мортиры, сглотнул и решительно заговорил:

— Никто не подходит к обрывам — подстрелят... Соти, Стрелка, Точка, идите за башню и готовьте завтрак. Шип и Уголек, зажгите костер. Остальные — умывайтесь. Только воду берегите... Малыш, иди сюда!

Юлька, вздрагивая, подошел.

— Спасибо тебе, Малыш, — сказал Галь.

Юлька поднял мокрые глаза:

— Почему... спасибо?

— За Точку. Если бы не ты, ее бы тоже застрелили.

Юлька удивленно посмотрел на меня. Он, видимо, не помнил, как сбил Точку на землю.

Галь спросил меня:

— Птица может унести нас в Синюю долину?

— Сможет, если по очереди... Только надо лететь в темноте, а то обстреляют.

Галь кивнул, он не хуже меня понимал опасность. Птица в полете была почти невидима, но те, кто полетит с ней, будут как мишени.

Беззащитные мишени для тяжелых дальнобойных пуль.

«У нас давно нет огнестрельного оружия», — вспомнил я слова Тахомира Тихо. Гады! Когда перепугались и решили воевать с мальчишками, все отыскивали: и пули, и порох, и ружья...

— Ночью тоже светло. Луна... — вздохнул Галь.

— Ну все-таки не день. И может быть, ночью стражники дрыхнут и не караулят...

Мы договорились, что будем улетать по двое. Галь хотел покинуть бастионы последним, но я ему доказал, что он должен лететь в первой паре, чтобы там, в долине, отыскать место для жилища и встретить ребят. А мы с Юлькой отправим всех и прилетим сами.

День тянулся бесконечно и тяжело. Галь все время старался найти для каждого работу. Иначе было нельзя: стоило остаться без дела — и сразу наваливались мысли о Дуге. Маленькие начинали плакать... Но отыскать занятие для всех оказалось очень трудно.

Собирать пожитки в дорогу? Но у нас почти не было вещей.

Устроить стирку и мытье? Не хватало воды.

Наконец тех, кто постарше, Галь отправил чистить котелки, а остальных усадил в казарме и заставил решать задачки на сложение и вычитание. Решать — и никаких разговоров.

Дуг всегда говорил, что заниматься цифрами и чтением надо каждый день...

Вечер был сумрачный. Небо затянуло дымкой, и появились редкие тучки. Когда стемнело, мы увидели, что луна проступает неярким, размытым пятном. Что ж, чем темнее, тем лучше.

Я вызвал Птицу. Она прилетела, как всегда, через четверть часа после свистка. С шумом опустилась, подошла и положила мне голову на плечо.

Милая, милая Птица! Я ей так обрадовался! Я погладил ее шелковую шею, шептал ей хорошие слова. А она слушала и ласково пощелкивала клювом.

— Птица, унеси нас в Синюю долину, — сказал я. — У нас большая беда. Если останемся здесь, то все погибнем. Нам обязательно надо в Синюю долину. Понимаешь, Птица?

Она понимала. Она села на брус, и мы привязали качели. Галь взял с собой Соти. Она очень боялась, и он примотал ее к сиденью веревкой.

Я сказал:

— Держитесь, ребята... Лети, Птица.

Она шумно снялась с бруса и сразу растаяла. Мы увидели, как темные скорченные фигурки быстро уходят в высоту. Да, их было все-таки видно! И мы со страхом ждали выстрелов. Но стояла глухая тишина. Видимо, часовые ничего не заметили. Может быть, в самом деле дрыхли. Или ушли совсем...

Птица вернулась в середине ночи. К ноге ее было привязано ожерелье Соти. Это означало, что все в порядке.

Улетели Шип, Стрелка и Точка. Девочки были такие легкие, что мы подумали: Птица поднимет и троих.

И она подняла...

Второй раз Птица прилетела перед рассветом, когда мы все клевали носами у полупогасшего костерка. На ее ноге была красная ленточка Стрелки.

Я сказал:

— Спасибо, Птица. Теперь спеши домой, а вечером прилетай снова...

Почти весь день мы спали, потому что прошлая ночь была бессонная: тревожились за тех, кто улетел, ждали Птицу...

Когда пришли сумерки, отправились в полет Уголек и Винтик, за ними Тун и Лук. И к утру мы с Юлькой остались на бастионах одни. Мы да еще Дуг, лежавший глубоко в подвале, за глухой стеной.

Как обычно, мы легли спать в мортيره. Я уснул моментально и проснулся в середине дня. Юльки рядом не оказалось. Я почему-то сразу испугался. Выпрыгнул на площадку, стал озираться. Солнце заливало бастионы. Звенела тишина. Травинки не шевелились. Было пустынно и одиноко до ужаса.

— Юлька, — негромко позвал я.

Он не отозвался.

Кричать, громко звать было почему-то очень страшно. Я молча стал искать Юльку.

...Он стоял в подвале у каменной стенки, которую мы сложили вчера. Прижимался к ней лбом.

— Юлька...

Тогда он оглянулся. Посмотрел на меня сухими глазами. И эти глаза без капельки слез показались мне страшнее, чем самый громкий плач.

Юлька проговорил ровным голосом:

— Я все думаю: он погиб из-за меня?

Я понял, что эта вина будет выше Юлькиных сил.

— Да нет, — сказал я как можно спокойнее. — Слуги Ящера караулили нас давно. Вот ты и попался в конце концов... А караулили они крепость из-за меня, знали, что я улечу сюда. После той свалки на площади они боялись бунта, вот и решили всех нас перебить на всякий случай. Ты здесь ни при чем.

У него в глазах появилась надежда. Он, кажется, поверил. Да и сам я почти поверил тому, что сказал. Потому что скорее всего так и было.

...Мы вышли в солнечную тишину. Эта тишина просто наваливалась на нас тяжелыми глыбами. Все было знакомо: желтые стены бастионов, уснувшие пушки, трава, камни. И дальние дали вокруг. Но сейчас меня зажимал непонятный страх. Никогда я не думал, что

солнечный день может быть жутким, как ночь на кладбище. Тишина просто разрывала уши своим звоном.

Юльке, видимо, тоже было плохо. Он вцепился двумя руками в мой локоть.

— Юлька, — прошептал я. — Может, рискнем? Если даже обстреляют, может, не попадут. Трудно попасть на лету...

Юлька торопливо кивнул.

Я дунул в ключ.

Сразу стало спокойнее. Тишина разбилась, где-то ожил, завел трескотню кузнечик. Мы встряхнулись, аккуратно собрали остатки имущества: два котелка и узелок с чьей-то забытой одеждой. Потом нарвали в тени за квадратной башней мелких здешних цветов — желтых и синих — и унесли в подвал Дугу...

Прилетела Птица, ласково посмотрела на нас, пощелкала: «Здравствуйте...»

Я вдруг подумал: «Какое счастье, что Птица есть на свете!»

Счастье, что я ее встретил тогда в лесу.

Счастье, что она такая добрая и умная.

Сколько раз она спасала меня и моих друзей! А мы? Как могли мы ее отблагодарить?

Но Птица не требовала благодарности. Она терпеливо ждала, когда мы привяжем качели и устроимся на доске.

Мы сели.

— Лети, Птица! — сказал я. — Сразу лети выше, чтобы в нас не попали пули!

Она рванулась. Мы вцепились в веревки.

Воздух обнял нас упругими потоками, откачнул назад, зашумел в ушах. В этом шуме нельзя было услышать ни выстрелов, ни свиста пуль. Поэтому не знаю, стреляли в нас или нет.

Я посмотрел вниз. Бастионы были уже далеко и делались все меньше. Становились похожими на песочную крепость, которую когда-то я строил для пластмассовых солдатиков.

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ВЕТЕР

Мы прилетели в Синюю долину под вечер.

Ух, как обрадовались нам ребята! Они обнимался меня и Юльку, будто мы не виделись тыщу лет. И Юлька оттаял. Конечно, он по-прежнему ходил невеселый, но от ребят не прятался и несколько раз даже улыбнулся.

...Горе немного отступило, отодвинулось. Оно было еще близким, но не давило нас, как в первый день. Дуг остался далеко-далеко, в скале под бастинами, Юлькиной беде тоже нельзя было помочь, а время шло, и приходилось думать, как жить дальше.

Мы поселились в доме лесника, недалеко от брошенной деревни. Дом был большой и крепкий еще, только крыша немного прохудилась. Мы заделали ее старыми досками, оторванными от забора.

Говорят, раньше люди жили в долине спокойно. Ядовитый туман стал появляться лет сто назад, после землетрясения, и тогда жители поспешно ушли в другие места. В домах осталось много утвари.

В доме лесника сохранились посуда, мебель и каменный очаг. В сумерки мы поужинали, уложили малышей, а сами сели у очага. Потрескивал огонь, булькал котелок с грибной похлебкой на завтра. Малышня посапывала на плетеных лежанках. Соти постукивала деревянной ложкой в глиняном кувшинчике — готовила какое-то снадобье. Было спокойно и уютно. И все-таки очень грустно.

Юлька сидел на полу у края очага и прижимался щекой к закопченному камню. От огня у него золотились ресницы...

Осторожно подошли Винтик и Уголек. Винтик присел в ногах у Галя, и тот ласково запустил в его растрепанные волосы пятерню. Так же, как недавно это делал Дуг. Уголек притерся боком ко мне.

И все молчали, молчали. Огонь догорал, искорки на Юлькиных ресницах погасли. Галь сказал, наконец, Винтику и Угольку:

— Шли бы спать. А то завтра не встанете и не увидите туман...

Они поднялись и, непривычно послушные, тихие, пошли к лежанкам. А остальные сидели, хотя тоже собирались проснуться на заре, чтобы посмотреть на появление синего тумана.

Говорили, что это очень красиво. Когда над кромкой скал появляется солнце, среди росистой травы и у расщелин камней как бы вспыхивают язычки синего пламени и появляются голубые дымки. Они крутятся, колеблются, делаются похожими на разных зверей и человечков. А когда солнце встает повыше, таинственный этот туман растекается в воздухе и тает...

Да, наверное, это красиво. Пока... А потом? Что будут делать ребята через несколько лет, когда воздух Синей долины станет для них смертельным?

Я не выдержал и шепотом спросил об этом Галя.

Он будто ждал вопроса, не удивился.

— Мы не будем ждать, когда вырастем, — жестко сказал он. — Мы только подрастем. Пускай малыши наберутся сил...

— А потом?

— На острове не одна крепость. В других тоже сохранились пушки. Есть, наверно, и порох.

Юлька нервно шевельнулся, посмотрел на Галя, потом на меня.

— А если не найдем порох, все равно... — добавил Галь. — Вы научили нас делать луки...

— Стрелы против пуль? — еле слышно спросил Юлька.

— Ничего, — сказал Галь.

А Шип с усмешкой заметил:

— Смотря какие стрелы. Соти придумает, чем помазать наконечники...

Утром никто не увидел тумана. Среди ночи пришел в долину ровный плотный ветер. Гнул верхушки деревьев, прижимал траву и слизывал туман, едва он выступал из-под земли.

А небо оставалось ясным, и над Синей долиной занимался чистый рассвет.

Потоки воздуха разлохматили нам волосы, когда мы вышли на прогнувшее крыльцо.

Галь печально сказал:

— Ну вот, начался он, юго-западный ветер. Пора вам, Женька, домой.

«Домой!» У меня будто все нервы рванулись в дальнюю даль, к горизонту. Неужели пришло время для такого счастья?

И сразу же стало не по себе: а как же ребята?

Юлька стоял рядом и смотрел в землю. У него было очень странное лицо — бледное с красными пятнами. Он царапал доски крыльца рваным своим башмаком. Так царапал, что отлетали гнилые щепочки...

— А как же вы... — пробормотал я, не решаясь взглянуть на Галья.

Он сказал:

— Ну, что — мы... Это наш остров. А у вас есть своя земля.

Юлька резко вскинул голову, а мне обожгло щеки.

— Ты что... — проговорил я. — Ты думаешь, что если мы... если не отсюда, то нам все равно? Мы же столько вместе...

Галь стоял передо мной прямой, строгий, тонкий, и ветер трепал у него над плечами остатки синей куртки. Я решил, что сейчас он скажет: «Конечно, мы были вместе, но лучше бы вас не было...» Но он покраснел, как-то обмяк и виновато заговорил:

— Ты разве не понимаешь? Вам же в сто раз опаснее, чем нам. Если мы попадемся, нас запихают в приют, вот и все. А вас главный суд острова приговорил к смерти.

— Как же мы попадемся? Сам говорил, что слуги Ящера сюда не сунутся.

— Кто их знает... Вдруг придумают маски от газа? Ничего себе успокоил! Я спросил с тревогой:

— А почему ты думаешь, что вам ничего не сделают, если поймают?

— Не посмеют. Закон не позволяет убивать детей, которые родились на острове.

— Дуга убили...

— Он был уже большой.

— В Точку стреляли.

— Ну... это, наверно, случайно...

Я вздохнул и отвернулся.

Галь не успокоил меня. Да, по-моему, и сам он не верил тому, что сказал.

— Надо лететь, Жень... — опять проговорил Галь. — Вас дома ждут.

И снова я весь как бы рванулся к дому. И опять остановила тоска: неужели расстанемся навсегда?

Хотя, если по правде говорить, кому мы здесь нужны? Зачем?

— Ладно, — горько сказал я. — Полетим. Здесь от нас какой прок? Одни несчастья...

Галь укоризненно мотнул головой:

— Зачем ты так? Вы рассказали нам про порох...

— Без вас мы бы всю жизнь просидели на той скале.

— А Дуг...

Галь сжал губы, помолчал и сказал очень тихо:

— Ну что ж... Раз это война...

Прощались мы недолго. Когда Птица опустилась на перекладину покосившихся ворот, мы встали тесным кружком и замолчали.

Потом Юлька прошептал:

— Ребята, вы простите меня...

— Не надо про это, Малыш, — сказал Галь. — Ты наш друг...

...Пока мы видели ребят с высоты, они все махали, махали нам. Но скоро их скрыли деревья. В горле у меня словно сидел занозистый кубик, я старался его проглотить. А потом опять подумал: «Домой летим!» И стало легче. Я посмотрел на Юльку. Он виновато улыбнулся мне. На губах у него еще не совсем зажили порезы...

ДО ДОМА ЕЩЕ ДАЛЕКО...

Я думал, что Птица сразу полетит на северо-восток и мы скоро окажемся над морем. Но Птица повернула к западу и вдруг начала опускаться.

Внизу были темно-зеленый лес и яркие проплешины лужаек. Мы приземлились на краю большой поляны, где росли кусты с желтыми цветами.

— Ты что, Птица? — начал я. — Нам надо домой! Понимаешь, Птица? До-мой...

И вдруг я узнал место! Это была та поляна, где я впервые встретил Птицу. Вот и дерево с темной грудой гнезда. И голова птенца торчит над хворостом. Он подрос, птичий малыш, голова стала крупнее и клюв крепче.

— Юлька, не бойся, — заговорил я. — Это дом нашей Птицы. Она залетела, чтобы покормить птенца. Ведь она улетает надолго, а он один остается...

Птица затрещала клювом и закивала, словно хотела сказать: «Правильно. Вы не волнуйтесь, я долго не задержусь...»

Я отвязал от птичьих ног сиденье. Птица тут же поднялась и улетела. Юлька посмотрел ей вслед с большой тревогой. Он, видимо, боялся: вдруг она не захочет унести нас домой? Но я был уверен в Птице и ни капельки не волновался.

— Давай полежим, — сказал я Юльке.

Мы легли в траву и стали смотреть на редкие желтые облака. Они быстро бежали под юго-западным ветром.

— Кто-то идет, — неожиданно проговорил Юлька. Нервы у него все время были как струнки.

Я прислушался. В самом деле, кто-то неторопливо шел среди деревьев. Юлька затравленно глянул на меня. Я кивнул ему: «Давай за мной» — и мы, не поднимаясь из травы, упоззли за деревья. Залегли.

Шаги опять приблизились. Тогда мы, пригибаясь, побежали в глубину леса. Я боялся не только за себя и Юльку. Не хотелось мне, чтобы кто-нибудь увидел гнездо Птицы.

Высокая трава, заросли и лианы мешали нам, а тот человек шагал, будто по ровной дороге, и все приближался. И наконец мы услышали голос:

— Не убегайте и не бойтесь. Я никому не причиняю зла.

Я узнал этот голос. И остановился. Выпрямился. Взял в ладонь рукоять кинжала.

— Юлька, это Отшельник.

Отшельник подошел — спокойный, неторопливый, в своем сером балахоне, подпоясанном травяной веревкой.

— Мир вам в этом лесу...

— В лесу, конечно, мир... — насмешливо сказал я.

Он узнал меня, но не удивился. И ничего не изменилось в его бледно-голубых глазах.

— Ты жив, — проговорил он. — Это хорошо. У тебя счастливая судьба.

— Жив, — откликнулся я. — А как вы живете, Отшельник? Нашли Главную и Вечную Истину?

Он качнул головой:

— Не нашел. И наверно, не найду: жизнь коротка. Я теперь думаю иногда о других вещах...

— О каких? О совести? Вы знаете, что такое совесть, Отшельник? — проговорил я, сдерживая злость.

Он вопросительно смотрел на меня и, кажется, немного забеспокоился.

— Совесть — это такое чувство, — объяснил я. — Ну, например, если ты приютил в своем доме челове-

ка, а потом выдал его врагам, от этого делается плохо. Не спится. Мысли разные... Не было с вами такого?

Он посмотрел себе под ноги, глянул на Юльку, потербил травяной жгут на поясе. После этого опять поднял на меня водянистые глаза:

— Ты напрасно осуждаешь меня. Совесть неспокойна у тех, кто творит зло. А я не делаю ни зла, ни добра. Пусть люди живут как хотят, я им не мешаю.

— Не мешаешь?! — взорвался я. — А зачем показал не ту дорогу?!

Он вздохнул:

— Как же не ту? Другой дороги просто не было.

— Была! Назад, в обход города, к бастионам!

— Но зачем идти назад, если шел вперед? Нельзя убегать от судьбы. Это нарушит законный ход событий. А когда нарушаешь этот ход, найти Истину еще труднее...

— Врешь ты все, — сказал я. — Ты просто боялся, что придут слуги Ящера и возьмут за шиворот: «Почему не выдал беглеца?»

Он кивнул:

— Да, ты прав. Это помешало бы мне искать Истину. А Главная и Вечная Истина гораздо важнее жизни одного человека.

«Вот скотина», — подумал я и сказал:

— Уходи. Ты предатель.

— Ну и что? — возразил Отшельник. — Еще неизвестно, плохо это или хорошо. Рядом с тобой стоит твой друг, он тоже предатель, но ты не гонишь его...

Я плечом ощутил, как Юлька покачнулся. Будто в него камнем попали. И я заорал на Отшельника:

— Сравнил! Ты!.. Тебя бы в такое дело пихнуть! Молчи лучше! Уходи! И попробуй еще раз выдать нас!

Отшельник слегка отпрянул, но лицо его не изменилось.

— Я не собираюсь вас выдавать. Зачем? Да вы и не спрашиваете дороги, сами идете... Прощайте...

Он обошел нас и стал уходить, не оглядываясь. Трава и заросли будто сами расступались перед ним.

Меня опять взяли злость и обида.

— Не найдешь ты Истину, Отшельник! — громко сказал я ему в спину. Он не оглянулся. Тогда я крикнул: — А хочешь, я тебе ее скажу?! Хочешь?

Отшельник остановился. Обернулся.

— Надо быть человеком — вот и вся Истина, — сказал я. — Понимаешь? Че-ло-ве-ком! А ты червяк! Сидишь в своей норе, и на всех тебе наплевать... Ну и сиди, пока не сдохнешь!

Я взял Юльку за руку, и мы пошли. Долго шли, потому что успели убежать далеко, когда перепугались шагов.

У дерева с гнездом нас дожидалась Птица.

Мы мчались в потоке теплого зюйд-веста, но не замечали его: Птица летела быстрее ветра. Встречный воздух трепал наши волосы и упруго отталкивал нас вместе с доской и веревками. Мы сидели как на качелях, которые сделали взмах назад и не могут опуститься.

Лес кончился, и внизу распахнулось пространство ярко-синей воды. Но это еще не было открытое море — вдали виднелся высокий берег. Птица несла нас над заливом.

Волны с белыми барашками с высоты казались неподвижными. Среди этих замерших волн я увидел черную лодку и разглядел в ней двух человек. Один греб, а другой сидел на носу и держал не то палку, не то короткое весло.

Сквозь шум встречного воздуха я услышал Юлкин вскрик:

— Женя, берегись!

Чего беречься? Я не понял. А человек на носу лодки поднял палку, и над ней появился маленький белый дым. Ах вот что! Напрасно стараетесь, голубчики! Раз-

ве можно прицелиться с прыгающей лодки по стремительной птице? Вот мы и пронеслись, а вы болтайтесь там среди волн.

Над лодкой опять вспыхнул дымок. Что-то сильно щелкнуло по доске. Между Юлькой и мной в дереве появилось круглое отверстие, края у него оцетинились щепками. Я невольно поджал ноги, будто это могло спасти от пуль. Посмотрел на Юльку. У него глаза были громадные от страха (да и у меня, наверно, такие же). Мы разом оглянулись на лодку. Но она уже скрылась за гребнями.

— Пронесло, — сказал я.

Юлька облегченно улыбнулся и кивнул.

В это время большая теплая капля ударила меня по колену. Я вздрогнул: на колене будто раздавили красную ягоду. Еще одна капля шлепнулась на доску рядом с пробоиной.

— Они ранили Птицу! — отчаянно крикнул Юлька.

Я поднял глаза. На голубых блестящих перьях я заметил черную точку. С нее срывались и летели в нас тяжелые шарики крови.

Нас тряхнуло. Мчались мы с прежней скоростью, но полет стал неровным. Раньше крылья Птицы были распластаны почти неподвижно, а теперь она беспорядочно взмахивала ими, стараясь удержать высоту. Но высота быстро уменьшалась.

— Она упадет! — громко сказал Юлька.

Я умоляюще зашептал:

— Птица, миленькая, лети. Лети до берега...

Птица летела. Ее длинная шея стала прямой, как копьё, нацеленное на ближайший мыс. Земля была уже недалеко. Но волны были гораздо ближе. Я видел белые гребешки как с высоты третьего этажа...

— Она не дотянет! — крикнул Юлька.

— Может, дотянет! — откликнулся я. А что еще я мог ответить?

— Она не донесет двоих! — опять крикнул Юлька. — Я прыгну!

Я увидел его решительные, совсем незнакомые глаза.

— Не смей, Юлька!

— Я хорошо плаваю!

До берега было метров триста.

— Юлька, не надо!

Но он оттолкнулся от доски и ухнул вниз.

Ну не мог же я его оставить...

Мне даже не удалось испугаться. Доска, с которой я неловко соскользнул, ударила меня по затылку, и я пришел в себя среди теплой соленой воды. Вынырнул. Шипучий гребень сразу накрыл меня, но я вынырнул опять и стал искать глазами Юльку. Сначала кругом были только синие склоны волн и пена. Потом волна подняла меня, и на соседнем гребне я увидел Юлькину голову. Юлька махнул рукой к берегу: плыви!

Мы поплыли, постепенно сближаясь. Гребни иногда накрывали нас, но плыть было нетрудно. Волны сами несли нас к земле. Наконец я коснулся ногами дна, и через полминуты прибой выкатил меня и Юльку на гладкий белый пляж.

Птица, прямая и спокойная, стояла на песке и ждала нас.

Я обрадовался! Я сразу подумал, что рана у Птицы, наверно, просто царапина, мы подлечим ее немного — и все будет хорошо.

Но когда мы выскочили на сухой песок, ноги у Птицы подломились, и она упала. Голова ее откинулась к самой воде. На тяжелый клюв, на глаза набежала длинная плоская волна.

Мы зарыли Птицу в песок. Опасно было оставаться на берегу: могла подойти лодка с теми двумя убийцами, но мы не могли просто так оставить Птицу. Стали

рыть яму. Юлька подобрал какую-то щепку, я рыл кинжалом — он, к счастью, не потерялся.

Последний раз я погладил на шее у Птицы шелковые перышки, и потом песок этого проклятого острова закрыл ее.

Мы с Юлькой не плакали. Нисколько. Наверно, слишком много слез мы потратили раньше. Теперь во мне была горькая сухая злость. И упрямство.

Синяя долина осталась за лесами, за широким заливом, пути в нее мы не знали. Да и какой смысл был возвращаться? Мы решили пробиваться через лес к северо-восточному берегу острова. Там найдем лодку или свяжем плот.

Мы заметили направление по солнцу и углубились в чащу.

Сначала шли по ровной земле. Потом начался подъем. И вдруг мы уперлись в каменный обрыв. Это была серая скалистая стена высотой метров двести. Вверху ее раскалывали длинные трещины, там громоздились уступы и росли ползучие кусты. Но у земли тянулся сплошной отвесный гранит, и не было ни подъема, ни прохода.

Мы стали пробираться вдоль обрыва, чтобы найти хоть какую-то щель. Мы измучились, исцарапались о высокий шиповник, хотели пить и есть. Но все же мы отыскивали проход. И это была не трещина, не тропинка на скалистых уступах. Это была лестница!

Очень прямая, очень длинная, она прорезала каменную толщу и уходила в высоту между отвесных стен. Она была очень белая среди темных плоскостей гранита.

Мы подошли и увидели, что лестницу не просто вырубili в скале. Ее ступени сложили из чистого, как сахар, мрамора. Края их были украшены резьбой.

Мы переглянулись: откуда здесь, в глуши, лестница, которая годилась бы для дворца? Вернее, для сотни дворцов, если взять всю ее длину...

Юлька опустился на ступень коленками и провел по ней ладошкой. Я тоже. Мрамор был гладкий и очень холодный. Юлька поднялся, вытер локтем исцарапанный в шиповнике лоб.

— А я знаю, — сказал он серьезно и уверенно. — Я догадался. Это подъем на Плато.

ИГЛА КОЩЕЯ

Казалось бы, к чему нам Плато? Нам нужен был берег, от которого можно уплыть под юго-западным ветром. Но мы собрали силы и стали подниматься. Во-первых, другой дороги все равно не было. А во-вторых... может быть, лестница оказалась на нашем пути не зря? Вдруг она приведет нас к какой-нибудь неожиданной удаче?

По крайней мере, так я думал сначала. А потом я уже ни о чем не думал. Ровный подъем по лестнице оказался еще тяжелее, чем путь по камням и зарослям. Я машинально считал ступени и нисколько не надеялся, что дойду до верха. Двигал ногами только потому, что стыдно было перед Юлькой.

Юлька сейчас держался крепче и увереннее, чем я. Он словно решил для себя что-то важное и знал, зачем идет. Шагал чуть впереди и почти не оглядывался.

Стены с двух сторон лестницы уходили в высоту. Далеко-далеко синела над нами прямая прорезь неба. Гранит словно грозил расплющить нас в великанских ладонях. Он был плоский и безжалостный. Лишь изредка попадались выбитые в камне полукруглые ниши...

Юлька вдруг остановился:

— Женька, смотри!

Что-то двигалось по лестнице.

Что?

Я пригляделся и понял, что теперь — конец. На нас катился по ступеням громадный каменный цилиндр.

Жернов или каток. Он занимал всю ширину лестницы, и там, где его края чиркали о гранит, взвивались клубки каменной пыли.

Я кинулся назад, хотя знал, что все равно не спасусь... Но Юлька схватил меня за руку, рванул вверх. Вверх, вверх! Я ничего не понимал, но у Юльки появилась громадная сила. Он тащил меня навстречу смерти, которая летела к нам со скоростью поезда!

И когда этот каменный ужас повис над нами, Юлька отчаянно толкнул меня к стене. Я спиной влетел в маленькую нишу. И сразу наступила темнота.

Это край каменного катка отгородил меня от всего мира.

Сколько продолжался мрак? Наверно, долю секунды. Но в этот черный миг я успел пережить такую тоску, такую жалость к погибшему на ступенях Юльке... И теперь мне кажется, что я провел там, в непроглядной темноте, несколько часов.

...А когда круглый камень пронесся и в меня ударил свет, я увидел невредимого Юльку. Он сжался в такой же, как моя, нише, напротив меня.

Мы посмотрели друг на друга, вздохнули и оба начали смеяться. Все громче, громче! И никак не могли остановиться. Но это не был какой-нибудь там нервный смех или истерика. Мы смеялись от радости. Много было позади несчастий, много крови и слез, но могло быть в тысячу раз хуже, если бы Юлька не втолкнул меня в укрытие и не спрятался сам. А сейчас мы были снова вдвоем, невредимые, и у нас была надежда...

Мы взяли за руки и двинулись дальше. Идти стало еще труднее. Каменный вал разрушил мягкий мрамор ступеней: кое-где раздробил их в щебень, а местами истолок в пыль. Белый порошок до колен покрыл наши коричневые ноги, припудрил все царапины и ссадины. И я вдруг вспомнил пионерский парад девятнадцатого мая. Как мы, горнисты, в белых гольфах, желтой юнармейской форме и красных пилотках стояли

впереди дружинного строя и готовились заиграть сигнал «Слушайте все»... Неужели этого больше никогда не будет?

Будет! Прорвемся!

Я стиснул Юлькину руку, обогнал его, потянул за собой. Он понял меня, хотя, конечно, думал о своем. Улыбнулся и сказал:

— Ничего, дотянем. Только не надо зевать.

Да, в самом деле. Может быть, впереди еще немало всяких ловушек.

Я проговорил сквозь зубы:

— Кому-то, видать, не хотелось, чтобы мы поднялись по этой лестнице.

— А раз им не хотелось — надо подняться, — тяжело дыша, сказал Юлька.

И мы поднялись.

Перед нами открылось поле, желтое от множества цветов. Они, как бабочки, качались на верхушках высокой травы. А трава гнулась под юго-западным ветром.

И ветер гнал в ярко-синем небе маленькие белые облака.

Этот солнечный простор после гранитной щели показался мне таким радостным, что я подумал: «Самое трудное, наверно, позади...»

И кажется, Юлька подумал так же.

На краю каменной площадки, где кончилась лестница, лежал валун. Сверху в нем было выбито большое углубление — как чаша. В этой чаше синела вода. Может быть, осталась от дождя, а может быть, там бил родничок.

Мы напились холодной вкусной воды, а ветер, плотный, но ласковый, будто сдул с нас усталость. Он подталкивал нас в спину, торопил.

И мы пошли на северо-восток. Через высокую траву с цветами-бабочками. Они осторожно трогали нас за локти. Идти было легко, земля оказалась очень твер-

дой. Наконец мы поняли: это выложенная каменными плитками и затерявшаяся в травяных стеблях тропа.

— Ну что же, тропа так тропа. Тем лучше.

Мы шли, наверно, минут двадцать. Тихо и спокойно было на плоскогорье. Пусто. Я чувствовал, что на Плато нет никого, кроме нас.

И мне даже больно стало от страха, когда я увидел людей!

Юлька их тоже увидел.

Мы присели в траве. Я взял в ладонь свой деревянный кинжал. Мы стали ждать.

Люди были очень далеко. Они, видимо, отдыхали на невысоком пригорке. Сколько их там, я не мог разглядеть. Двое или трое... Лишь у одного четко видны были голова и плечи на фоне чистого неба.

Мы долго ждали. Однако люди ни разу не шевельнулись. Будто заколдовал их кто-то...

Юлька медленно встал. Я испуганно посмотрел на него, но он улыбнулся:

— Они не живые. Это, наверно, та скульптура...

В самом деле! Как я не догадался?

Скульптура была ближе, чем казалось вначале. Мы ведь думали сперва, что там взрослые люди, а это были мальчишки — в свой натуральный рост. Они словно присели ненадолго на верхушке плоского каменного холмика.

Недалеко от этого холмика трава кончилась, и мы вышли на площадку, выложенную обширными серыми плитами. Отдельные стебли росли из трещин среди плит, но не закрывали пригорок.

Я пригляделся и вздрогнул. Это был не просто каменный пригорок. Это оказался вырубленный из обломков скал громадный спрут.

Юлька, который никогда не видел живого Ящера, смотрел спокойно. Кажется, он ничего не понял. А мне стало тошно. Спрут был не такой чудовищный, как на самом деле, но все равно жуткий и противный. Я раз-

личал свернутые в кольца гранитные щупальца, круглую голову со слепыми каменными глазами. Все это громоздилось беспорядочной грудой...

Я сглотнул, подавил страх и отвращение. Стал смотреть внимательнее. Понемногу успокоился. Стало ясно, что спрут изображен мертвым, бессильно упавшим с высоты. Побежденным. Недаром на его круглом темени серебрились фигурки двух мальчишек.

Юлька взял меня за руку, и мы стали подниматься по треснувшему щупальцу на голову осьминога-гиганта. И наконец увидели скульптуру прямо перед собой.

Она была отлита из какого-то серого сплава. Ребятишки тела тускло блестели, как старый алюминий. Один мальчишка сидел, подогнув ноги и опираясь правой рукой на рукоять боевого клинка. Нельзя было понять, кинжал у него или меч: лезвие почти до отказа ушло в каменное тело чудовища. Мальчик с оружием держал на коленях голову товарища.

Тот, второй, был ранен или убит. Скорее всего убит. Он лежал, разбросав тонкие руки, и глаза его были закрыты.

Что-то знакомое почудилось мне в лице убитого мальчишки. Маленький печальный подбородок, горько сжатые губы, морщинка над переносицей — след беспокойных мыслей. Она не разгладилась даже сейчас.

Это был Юлька — и тоска резанула меня, как стеклом...

— Жень, смотри, это ты... — Юлька показал на сидящего мальчишку.

Тот смотрел на лежащего друга, и лицо его было опущено. Я присел и вгляделся в это лицо.

В самом деле — я? Не знаю. Сначала показалось, что ничего похожего. Но тут же чуть шевельнулся солнечный свет (может быть, прошла тень от легкого облака?), и я увидел себя как бы в зеркале.

— Юлька... почему так? Откуда?

Он взглянул на меня насупленно, опустил глаза и сказал непонятно:

— А вот так.

Этого не могло быть. Но это было. Какая-то непонятная нить запутала нас, привязала к этому острову, привела сюда... Значит, судьба?

Значит, человек, делавший скульптуру, знал про нас много веков назад? Знал, что мы придем?

Значит... знал, что Юлька будет лежать вот так, раскинув руки, а я буду держать на коленях его голову? И ничего уже не сделать?

Да вы что! Мало вам Дуга?! Мало Птицы?! Не отдам Юльку!

— Не отдам!! Идите вы к черту!! — заорал я и двумя ладонями с размаху ударил в плечо сидящему мальчишке! В свое плечо...

В глубине души я понимал, что металлический монолит ответит жестким ударом в ладони и не шелохнется. Но, видимо, скульптура была из очень легкого сплава. Она отодвинулась, будто откатилась на подшипниках, и я влетел в квадратную яму, которая открылась под металлической площадкой.

Яма оказалась неглубокая, мне по грудь. Я не ушибся, только слегка оцарапал ногу о какой-то колючий выступ.

Это был угол большой узорчатой шкатулки...

Шкатулка оказалась очень тяжелой. Мы с Юлькой кое-как подняли ее и поставили на край ямы. Потом вылезли сами. Сели на корточки над нашей находкой.

— Клад? — неуверенно сказал Юлька.

Нет, мы оба понимали, что это не клад. Здесь другое. Наверно, очень важное. Может быть, какая-то древняя тайна острова Двид? Может быть, наше спасение?

А может быть, наоборот?

Мне вспомнилась «Песнь о вещем Олеге», лошадиный череп, смертельная змея. Хотя шкатулка совсем не походила на страшный оскаленный череп...

Это был сундучок из очень темного дерева. Углы, ребра и выпуклую крышку украшали медные накладные узоры — завитки и листья. Такой же узорчатой была бляшка на передней стенке со скважиной для ключа.

Конечно, мы сразу решили, что шкатулку надо открыть. Страшновато было, но ни Юлька, ни я не колебались. Не для того же мы шли сюда по бесконечной лестнице, не для того же увидели и сдвинули скульптуру, чтобы найти шкатулку и оставить запертой!

А заперта она была прочно. Я попытался поддеть крышку кинжалом, но клинок не пролезал в еле видимую щель. Тяжело дыша, я нагнулся над шкатулкой. Надавил кинжал сильнее. Бесполезно. В это время ключ, висевший на шее, выскользнул из-под майки и закачался у меня под носом. Будто напомнил о себе!

Он столько раз выручал меня, мой ключик от родного дома! Вдруг поможет и сейчас?

Ключ сначала не вставлялся, хотя скважина была вроде бы в самый раз. Но вдруг что-то щелкнуло, и стержень ускочил внутрь по самое колечко.

— Жми, — поторопил Юлька. Он горячо дышал у моей щеки.

Я стал поворачивать ключ. Он легко сделал пол-оборота, а дальше застрял. Ни туда, ни обратно.

— Кинжал... — нетерпеливо прошептал Юлька.

Я сунул кинжал в колечко ключа. Надавил. Ключ не двинулся, колечко слегка изогнулось, а шкатулка приподнялась одним краем. Тогда Юлька упал на нее животом, а я встал на рукоять кинжала коленкой.

Обыкновенный деревянный кинжал тут же разломился бы на щепки. Но волшебное оружие Толика не отказало и здесь. Раздался пружинистый скрежет (вроде как в старинном бабушкином диване, когда я пры-

гал на него с разбегу). Крышка подскочила и подбросила Юльку. Потом снова опустилась, но щель теперь сделалась широкой.

Юлька скатился, и мы отвалили тяжелую крышку...

Все, что угодно, ожидали мы увидеть: свитки старинных документов; клубок ядовитых змей; компас, который покажет нам дорогу домой; ключи от какой-нибудь тайной кладовой... Но под крышкой оказалась гладкая черная панель с кнопками и рычажками, как у транзисторного магнитофона.

Пока мы удивленно смотрели на эту технику, в уголке панели разгорелся и замигал зеленый глазок. А на внутренней стороне крышки засветился экранчик размером с открытку. И появились на экране голубоватые кусты, берег с пологими холмами, ребристая серая вода.

— Что это? — прошептал Юлька.

А я понял, что это. Узнал озеро, где жил Ящер.

На нижнем крае панели торчали рычажки — серебристые шарики на стерженьках. Я прикусил от волнения губу и двинул вперед самый левый рычажок. На экране медленно вспучилась вода. Показалась круглая макушка, а потом глаза чудовища. Я испуганно дернул рычажок назад. Голова Ящера осела под воду.

— Жень... — тихо сказал Юлька.

Я оглянулся. У Юльки были спокойные понимающие глаза.

— Это и есть... тот гад? — спросил он.

Я кивнул.

Юлькины глаза стали решительными.

— Игла Кощея... — сказал он.

— Какая игла?

— Ну, помнишь сказку? «В дупле сундучок, в сундучке утка, в утке яйцо, в яйце игла... Как сломаешь иглу, тут Кощей и конец...»

Я понял! Но неужели это правда? Неужели жизнь и смерть Ящера в наших руках?

А как сломать иглу?

— Смотри, — сказал Юлька.

В правом верхнем углу панели белела одинокая кнопка. Над ней было оттиснуто маленькое изображение осьминога. Его крест-накрест перечеркивали две красные полоски. Так перечеркивают рисунок дымящейся сигареты в вагонных купе — чтобы не курили...

Значит, все же не зря мы с Юлькой попали на остров Двид?

Я положил на белую кнопку дрожащий палец...

— Подожди, — попросил Юлька. — Ну-ка, подними еще раз эту тварь.

Я снова двинул левый рычажок. Опять появилась на экране голова Ящера (я вздрогнул), затем он встал над озером во всю высоту, и потоки воды летели с него, как водопады...

Юлька тихо надавил второй рычажок. Ящер заколебался на тонких ногах-щупальцах и, перебирая ими, двинулся к берегу. Юлька дернул шарик назад. Ящер попятился...

— Ну, хватит, наверно... — как-то хмуро сказал Юлька. Он потянул руку к белой кнопке. — Можно?

Можно, Юлька! Жми! За Дуга! За Птицу! За всех ребят... Чтобы к чертям разлетелось в пыль «равновесие порядка», ради которого убивают!

— Давай, Юлька!

Я ожидал увидеть, как согнутся щупальца и Ящер рухнет. Но случилось другое. Стекло экрана растворилось, он превратился в окошко. Это было похоже на зеркальце, которое показал мне при первой встрече Ктор Эхо.

Из окошка долетел до нас запах озерной воды и сырого песка.

Мы с Юлькой растерянно переглянулись и опять посмотрели на Ящера.

Ящер приближался. Он вырастал на глазах, словно летел головой вперед прямо на нас. Вот уже одну толь-

ко голову его видно в экранном окошке. Вот уже только часть головы, круглая макушка...

Мы с Юлькой машинально отодвинулись от шкатулки: вдруг чудовище прорвется сквозь окошко сюда?

Оно не прорвалось. Но голова приблизилась вплотную. Выпуклый металл обшивки даже выступил над рамкой экрана — будто выдавился к нам, наружу. Я увидел две круглые заклепки. К одной прилипли темные листики водорослей. Тогда, почти не думая, схватил я кинжал, размахнулся и ударил между заклепками. Клинок пробил металлический лист, будто плотную фольгу.

Откуда-то издалека, из-за горизонта, донесся глухой вой. И смолк. Желтый огонь метнулся над экраном. Я уронил кинжал. Но тут же пламя погасло, и мы увидели, что экран затянулся стеклом. Проступило изображение. В дыму и брызгах рушились в озеро обломки Ящера.

Экран работал без звука, да и картинка была теперь маленькая. Все казалось нестрашным. Но я-то знал, что там творится на самом деле...

Неожиданно экран погас. А зеленый глазок на панели разгорелся ярче, стал просто ослепительным.

Шкатулка начала гудеть и мелко задрожала. Все сильнее. Мы смотрели на нее с испугом: а если рванет, как Ящер?

— Бросаем! — крикнул Юлька.

Мы вскочили и ногами спихнули шкатулку с пригорка. Юлька прыгнул в яму и дернул меня за собой.

В тот же миг ударил негромкий упругий взрыв...

Когда мы выбрались из ямы, внизу, между щупалец каменного спрута, колыхалось темное облако. У моих ног валялся медный узорчатый уголок.

— Вот и все, — устало сказал Юлька. — Теперь на этом острове управятся без нас...

Мы стали думать, что делать.

Если бы с нами была Птица, мы помчались бы в Синюю долину, чтобы ребята поскорее узнали про гибель Ящера. А потом — домой! Но как быть сейчас? — Надо идти в город, — сказал Юлька.

Он это правильно решил. Мы были победителями, и теперь нам в городе ничто не грозило. Пускай только попробуют не отправить нас домой! Мы поднимем всех мальчишек столицы, и Тахомир Тихо заплатит за все! Впрочем, он и так заплатит...

Башни города смутно маячили у очень далекого горизонта, за сизыми гребешками леса. Уже вечерело, мы были голодные, измотанные, но Юлька сказал:

— Идем?

И я сказал:

— Идем.

Но сначала мы подвинули на место скульптуру. Теперь мальчишки не казались так похожими на нас. Если и было сходство, то несильное и, наверно, случайное.

Потом я постарался отыскать кинжал и ключ. Мне повезло. Кинжал торчал в расщелине камня. Он был целый, только закоптился. Ключ валялся на краю каменной площадки. Ему тоже ничего не сделалось, только шнурок наполовину сгорел.

Я сунул кинжал за пояс, а ключ положил в карман.

ПОСЛЕДНИЙ РАЗГОВОР С ТАХОМИРОМ ТИХО

Мы двинулись в путь и по дороге говорили, конечно, о гибели Ящера и о шкатулке.

— Непонятно, почему она была тут запрятана. В таком далеком месте, — сказал я.

— А что! Это хитро придумано, — возразил Юлька. — Наверно, Правитель боялся, что шкатулку кто-

нибудь отберет или похитит, вот сюда и схоронил. Ну кто бы догадался, что именно здесь Ящерова смерть? Вот подумай — те, кто был против Ящера и Правителя, приходили сюда, чтобы поглядеть на скульптуру, верно? Но они же не стали бы ее с места сталкивать. Наоборот, они ее берегли... А потом люди сюда совсем дорогу забыли... Или боялись всяких ловушек, вроде той каменной штуки...

— Кто же тогда Ящером управлял?

— А может, никто! Может, он сам работал, как автомат. Высунется и спрячется. А люди пугались... Да теперь уж все равно...

В самом деле, теперь было все равно. Главное, что Ящера нет и никто не станет нагонять страх на жителей острова Двид.

...Долго рассказывать, как мы добивались до города. Это был тяжелый путь. Мы две ночи провели в лесу. Первый раз, когда спустились по отвесным склонам с Плато, второй — у самого города. Нам хотелось прийти в город на рассвете, отдохнувшими, сильными.

Нас донимал голод. Правда, в лесу попадалась трава с толстыми съедобными корнями (нас научила отыскивать ее Соти). Мы жевали эти корни, но вкус у них был как у горькой сырой картошки: много не съешь, противно...

Мы хотели проснуться на заре, но, видимо, от усталости проспали. Когда встали, солнце било сквозь листву крепкими лучами. Вовсю голосили птицы.

Мы умылись в холодном ручейке. Немного кружилась голова, ноги были слабоваты, но в общем-то мы чувствовали себя по-боевому.

...Сквозь пролом в старой городской стене мы попали на улицу. Здесь было пусто. Мы взялись за руки и пошли по середине мостовой. Ее отполированные булыжники горели солнечными бликами.

И вдруг эту сверкающую полосу пересекли тени. Через дорогу шли ребята.

Они шли как раньше! Длинной вереницей, с опущенными плечами, молчаливые. И сзади шагал тощий воспитатель в своей дурацкой треугольной шапке.

Мы замерли.

Ребята нас не видели: они смотрели в затылок друг другу. А воспитатель смотрел на них и нас тоже не заметил.

Но мы зато видели все. И все поняли!

— Живут как раньше... — с горькой досадой прошептал Юлька.

— А может, это по привычке? — спросил я. — Может, еще не поняли?..

В это время из переулка донесся знакомый вопль:

— Здравствуйте, почтенные жители столицы! Приветствуйте светлое утро нашей счастливой и спокойной страны! Оно, конечно, радостное и доброе! Каждое утро на нашем острове полно спокойной радости, потому что не может быть горестей и бед, где царит незыблемое равновесие порядка! Разве это не так? Разве не хранит нас от несчастий могучий и справедливый Ящер?!

Юлька дернул меня за руку. Мы убежали с мостовой и прижались к белому каменному забору.

— Вот негодяи... — тихо сказал Юлька.

А меня такая злость взяла! Неужели опять все зря? Нет, голубчики, не выйдет...

— Юлька, давай во дворец! Мы им покажем «равновесие» и Ящера...

— А пробьемся?

— Надо пробиться. Теперь, Юлька, до конца надо...

Он подумал секунду и как-то очень спокойно кивнул:

— Угу... Пошли.

...Мы пробрались к дворцовому парку переулками и пустырями, мимо развалин старинных башен и храмов. Несколько прохожих все-таки заметили нас и удивлен-

но смотрели вслед: вид у нас был очень потрепанный. Но никто не поднял тревоги...

Скоро я привел Юльку к знакомой решетчатой калитке. Ее, как и прежде, никто не караулил. Мы проскользнули в сад.

Было светло и тихо в утреннем саду. Посвистывали птицы. И голубой флаг с драконьей головой лениво полоскался над куполом дворца. Журчали фонтаны.

Мы подошли к дверце, из которой я когда-то первый раз выбрался в парк.

Здесь оказался часовой.

Слуга Ящера в плюшевом комбинезоне и медной каске сидел на каменной скамеечке и бесстыдно нарушал устав караульной службы — клевал носом и тихо посапывал. На коленях у него лежало ружье. Оно было похоже на старинный мушкет, но сбоку торчал изогнутый магазин, как у автомата.

Я нерешительно посмотрел на Юльку: «Проскользнем?» Но Юлька сердито усмехнулся и спокойно подошел к часовому. Положил на мушкет руку. Дернул к себе.

Слуга Ящера вскинул голову и обалдело открыл рот. Кажется, хотел завопить. Юлька злым шепотом сказал: — Тихо, ты, скотина. Встань.

Широкий ствол смотрел прямо в лицо часовому. Юлькин палец аккуратно лежал на спусковом крючке. Юлька слегка шевельнул пальцем, и слуга Ящера взлетел, как от пружинного удара.

— Не плачь. Руки вверх, — приказал Юлька.

Он ни капельки не был похож сейчас на прежнего Юльку.

Слуга Ящера вскинул руки так старательно, что они почти по локоть вылезли из плюшевых рукавов.

Я торопливо шагнул к Юльке, встал рядом. Юлька спросил меня:

— Что теперь с этим дураком делать?

— Пусть покажет, где Тахомир...

— Веди, — приказал Юлька.

Дверца была низкая. Слуга Ящера не решился опустить руки и, чтобы пройти, смешно присел. Я не выдержал, хихикнул. Юлька хмуро сказал:

— Трусые они все-таки. Только с безоружными и могут воевать.

Мы прошли знакомым коридором с желтыми светильниками. Наш пленник вдруг замедлил шаги. Нерешительно оглянулся.

— Только, пожалуйста, не нажимайте спуск, — сипло попросил он.

— Там видно будет, — безжалостно сказал Юлька.

— Веди к правителю и не вздумай фокусничать! — прикрикнул я.

— Их превосходительство, наверно, еще спят...

— Ничего, проснется превосходительство, — буркнул Юлька.

Мы поднялись по винтовой лестнице, потом еще по одной — прямой, устланной ковром, и оказались у широкой узорчатой двери. Слуга Ящера опять оглянулся.

— Открывай, — велел Юлька.

— Я не смею...

— Открывай! — гаркнул я.

Слуга Ящера опять слегка присел и, не решаясь опустить руки, надавил дверь всем телом.

Мы вошли.

Их превосходительство господин правитель острова Двид почивали на кровати под высоким балдахином с откинутым пологом. Белое атласное одеяло на круглом животе господина правителя поднималось и опускалось. Тахомир слегка похрапывал. Тихий такой, добрый дядюшка с румяным лицом.

А Дуг? А Птица? А ребята с поникшими плечами, бредущие поперек мостовой?

— В угол... — шепотом сказал Юлька слуге Ящера и мотнул стволом. — Не вздумай оборачиваться.

Слуга, приседая, убежал в дальний угол и там замер, не опуская рук.

Недалеко от кровати я увидел столик на гнутых ножках. На столике стояла ваза с громадными желтыми грушами. У меня от голода заболело в желудке, и я начал часто глотать слюну.

Юлька подошел к столику, взял грушу и протянул мне. А потом выбрал для себя.

— Позавтракаем, — сказал он с усмешкой и сел на столик. Я тоже — с другой стороны.

Мы сидели завтракали и смотрели на спящего Тахомира Тихо. Я ел грушу за грушей. Сок тек у меня по подбородку и капал на майку.

Тахомир спокойно дышал. Мне хотелось разозлиться на него изо всех сил, но я почему-то не мог. И по правде говоря, не знал, что делать дальше.

Но надо было что-то делать. Ваза опустела. Не знаю, что меня толкнуло, но я вдруг положил вазу на бок и катнул со стола. Она была, видимо, серебряная и отчаянно загремела в тишине спальни.

Тахомир Тихо быстро сел.

— А? — сказал он. Увидел нас и опять сказал: — А? А-а...

— Доброе утро, господин Тахомир, — проговорил я и вспомнил, как мы зарывали Птицу. — Хорошо спали, господин Тахомир?

Он сначала растерянно заулыбался. Поморгал. Потом лицо его стало серьезным, и он сказал озабоченно:

— Какие вы неосторожные! Вас могли здесь убить.

— А что вы беспокоитесь? — насмешливо спросил Юлька. — Вы ведь этого и хотели...

— Не хотел я, — проникновенно заговорил Тахомир, прижал к груди пухлые кулаки и бросил быстрый взгляд на кинжал, который я покачивал в ладони. — Разве я хотел? Это обстоятельства...

— Теперь обстоятельства другие, — сказал я. — Вы же знаете, что Ящера больше нет. Вы боитесь, что мы про это всем расскажем? Так, правитель?

Он, кажется, немного пришел в себя. Покачал головой, как мудрец при разговоре с глупыми детками:

— Люди столько лет жили с Ящером. Кто же поверит, что его не стало?

— Поверят, — зло сказал я. — Мы поймаем вашего Крикунчика и заставим голосить об этом на каждом углу... А потом все пойдут к озеру и сами убедятся.

Тахомир опять покачал головой:

— Не так-то легко научить человека кричать совсем не то, что он привык... А если даже и получится... Конечно, люди скоро все узнают. Ну и что? Они сделают нового Ящера. Или придумают. Народу для нормальной жизни нужен страх.

— Да? — язвительно спросил Юлька. — Сам ты небось жил без страха и не очень мучился от этого...

— Да нет, он боялся, — возразил я. — Поэтому он заманивал ребят и убивал их...

— Это было необходимо для безопасности государства, — солидно возразил Тахомир.

— Убивать детей для безопасности государства? — спросил Юлька. Он спросил это медленно, негромко и перевел ствол ружья от слуги Ящера к Тахомиру.

Правитель быстро откинул одеяло и спустил с кровати толстые волосатые ножки. Он был в смешной рубашке с кружевами на подоле. Не отрывая глаз от ружья, правитель быстро и убедительно заговорил:

— Да, это было необходимо. Я тут ни при чем, это закон истории. Вы плохо знаете историю. Детей убивали во все времена, во всех странах. Так же часто, как взрослых. Ради общего блага. А вы все валите на меня.

— Ах ты несчастный, — усмехнулся Юлька.

А мне захотелось плакать, и я сказал:

— Вот за всех, кого убили... такие, как ты... и ты сам... за Дуга... мы ведь тоже можем убить тебя, Правитель. Ты не успеешь даже крикнуть.

Он замигал, съежил плечи, лицо его сильно вытянулось. Но он взял себя в руки и уверенно сказал:

— Нет, вы не сможете. Не решитесь.

— Потому что противно...

— Не в этом дело. Вы не так воспитаны. Вы не привыкли убивать людей.

— Разве ты человек?.. — сказал я.

— Да! И у меня есть человеческие чувства. Я жалел тебя...

— Ты?! Не ври. Меня здесь никто не жалел... Ну, может быть, Ктор, да и то лишь сначала. Чуть-чуть...

— А ты знаешь, кто такой Ктор?

Тахомир мягко встал, провел пальцами по лицу, по груди, привстал на цыпочки...

И превратился в Ктора.

Кружевная рубаша, которая была ему до щиколоток, стала до колен.

— Вот так, — слегка самодовольно сказал Ктор.

Он думал, наверно, что мы грохнемся на пол от удивления. Но я уже много всего насмотрелся на острове Двид. Я, конечно, очень удивился, но не подал виду. А Юлька не знал Ктора и вообще ничего не понял.

— Ну и что? — сказал я Ктору. — Значит, ты еще больше гад, чем я думал. Двуличный гад.

— Вовсе нет, — с достоинством возразил Ктор. — Не в этом дело. Правитель не имеет права быть снисходительным и добрым, а у меня мягкий характер. Вот я и научился превращаться, чтобы проявлять доброту... Между прочим, в глубине души я ненавидел Ящера, да!

— Неужели?

— Да! И не забудь, что это я открыл тебе тайну подземного хода...

— Конечно! И потом ждал на площади, потому что все было подстроено!

Я подумал, что он в самом деле заслужил смерть.

Кажется, Ктор угадал мои мысли и перепугался настоящего. Он осел и распух — снова превратился в Тахомира.

— Вы не имеете права убивать меня! — визгливо сказал Тахомир.

— А ты имел?

— Но вас же судили по закону! А вы? Разве вы судьи? У меня есть мой народ, пусть он судит меня! А вы кто такие? Пришельцы из другой страны! Что вам надо у нас? Почему вы вмешиваетесь в наши дела?

Мы с Юлькой посмотрели друг на друга, приснули и начали хохотать. Так весело, что слуга Ящера даже обернулся и чуть-чуть опустил руки (правда, тут же опять их вытянул вверх).

— Ну, ты даешь, Правитель, — сказал я сквозь смех.

— Ну, ты изворачиваешься... Мы вмешиваемся! А кто нас сюда притащил?

— Ну... да. Я признаю. Но я же объяснил: это требовали государственные интересы... Но я исправлюсь! Да! Я же вас и отправлю обратно!.. Имейте в виду, кроме меня, вам никто не поможет. А у меня есть воздушный шар, прекрасный, новенький. Юго-западный ветер моментально донесет вас домой. А?.. Вам давно пора домой. Что вам еще делать на нашем острове? Вы убили Ящера, вы победители! Теперь пусть сам народ решает, как ему быть! Разве вы имеете право решать за народ?

«А в самом деле, какое мы имеем право решать? Да и что мы можем решить?» — подумал я. И мне очень-очень хотелось домой.

Я посмотрел на Юльку. Он опустил глаза.

— Ты, наверно, опять врешь, — сказал я Тахомиру. — Посадишь нас на шар, а потом прикажешь обстрелять.

Он снова прижал к груди пухлые кулаки:

— Я клянусь!.. Зачем стрелять? Вы же полетите домой, навсегда...

Я опять посмотрел на Юльку и понял, что он тоже всей душой рвется к дому.

— Летим? — шепотом спросил я.

Юлька молча прыгнул со стола.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В дальнем углу парка, где кусты были неподстрижены, а клумбы заросли случайной травой, стоял каменный сарайчик. Тахомир и слуга Ящера выволокли из него груды белого шелка, закутанную в сеть, и громадную корзину из желтых блестящих прутьев.

Посреди лужайки слуга Ящера вбил крепкий кол и привязал к нему корзину короткой толстой веревкой. Потом они с Тахомиром приволокли стальные баллоны. Тахомир суетился, путаясь в кружевном подоле: он так спешил, что даже не переоделся. Слуга перепуганно хлопал белесыми ресницами и каждый раз, как только опускал ношу, вскидывал над головой руки.

Газ ровно зашипел в шлангах. Шелковая куча зашевелилась, начала расти, превратилась в белый складчатый холм. Этот холм приподнялся, натянул сеть, качнул корзину. Прошло еще несколько минут, и белая ткань расправила складки, натянулась. Она выпуклыми квадратиками выступила сквозь ячейки сети. Блестящий от солнца шар встал над вершинами вязов и каштанов. Юго-западный ветер слегка раскачивал его.

Привязанная к толстому колу веревка вытянулась, и корзина косо повисла в метре от земли.

— Вот и готово, вот и все, — потирая ладошки, говорил Тахомир. — Садитесь и... ни пуха ни пера. Хороший был шар, второго такого нет на всем острове. Да уж ладно...

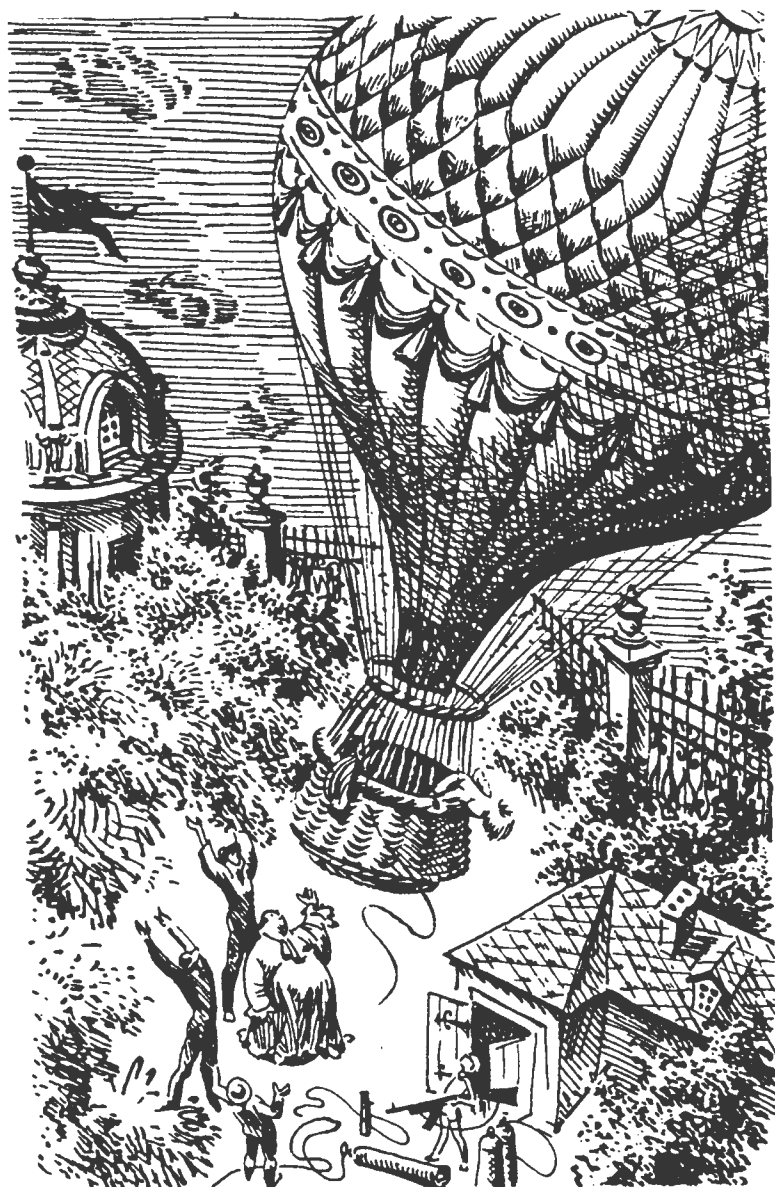
— Садись, Женья, — сказал Юлька, не взглянув на суетливого Тахомира.

Я схватился за край корзины, подтянулся, перевалился внутрь. Сразу протянул руку Юльке.

Юлька на сгибе левого локтя держал мушкет. Он сердито качнул стволом в сторону Тахомира и слуги:

— Ну-ка, отойдите...

Тахомир заулыбался, закивал и отбежал. Слуга тоже засеменил в сторону, не опуская рук. Юлька сказал мне:

— Дай кинжал на минутку...

Я не понял, зачем ему кинжал, но дал. И потопил:

— Садись быстрее. Давай ружье...

Юлька снизу смотрел на меня печально и виновато.

— Женья... я не полечу.

Я сразу понял. Не знаю почему, но в одну секунду я почувствовал, что Юлька твердо решил остаться. Сейчас мне кажется даже, что я заранее догадывался об этом, но боялся поверить.

— Юлька, не дури. — Я хотел сказать это строго, но получилось жалобно.

Он вздохнул:

— Ничего не поделаешь...

— Да зачем?! — отчаянно крикнул я, потому что больше всего на свете хотел домой, но знал: если останется Юлька, останусь и я.

Юлька насупленно проговорил:

— Они там, в Синей долине, еще ничего не знают. Кто им расскажет?

— Узнают! Скоро об этом весь остров узнает!

— Все равно... Еще, наверно, будут бои. Ребятам надо помочь... Я им принесу ружье.

— Юлька, не будет боев! Слуги Ящера не умеют воевать, они трусы! Ты же видел!

— Трусы, если без оружия. А стреляют они метко.

— Они не посмеют стрелять, Юлька! Раз нет Ящера — они побоятся.

— Кто их знает, — тихо сказал Юлька.

Я понял, что он все равно останется, и с отчаянием проговорил:

— Ладно, сейчас спущусь...

Он быстро сказал:

— А тебе надо лететь.

— Дурак ты. Одному?

— Женька, кто-то должен лететь! Чтобы рассказать дома!

— Почему я, а не ты?

— Потому что... — Он опустил голову и почти прошептал: — Женька, я не могу быть предателем второй раз.

Тогда я заорал:

— Не можешь? Значит, это предательство? Значит, второй раз нельзя, а первый можно? Мне можно, да?

Но я не сделал движения, чтобы выпрыгнуть из корзины.

Он опять поднял печальные глаза:

— При чем здесь ты? Ты все сделал как надо. А я... Женька, лети. Ладно?

— И ты лети, — со всей твердостью сказал я. — Юлька, ты подумал об отце с матерью? Ты у них один сын... был...

— А птенец? — спросил Юлька. — Он ведь тоже сын... нашей Птицы. А Птицу убили. Кто выкормит птенца? Ведь никто из ребят не знает даже, где его гнездо. А я знаю...

Как я мог забыть о птенце? Он, наверно, уже умирает от голода! У меня от стыда зазвенело в ушах, как от хорошей оплеухи. Уже ни о чем не думая, перекинул я ногу через край корзины...

Но Юлька ударил кинжалом по веревке.

Меня бросило на плетеное дно, прижало к нему. Засвистел летящий сверху вниз воздух.

Когда я поднялся и сумел перегнуться через край, не было видно ни Юльки, ни лужайки с каменным сараем. Проплывали внизу белые домики окраины и делались все меньше...

Как я молотил кулаками по упругим прутьям! Я их даже кусал от отчаяния и давился щепками вперемешку со слезами...

Я, честное слово, прыгнул бы вниз, если бы это хоть чуточку могло что-то исправить. И если бы я не боял-

ся, что даже в последнюю секунду буду мучиться от стыда и от тоски по Юльке...

Шар поднимался, поднимался и наконец остановился под самыми облаками. Казалось, он повис неподвижно, потому что и его самого и облака ветер гнал с одной скоростью. Меня окружили полная тишина и покой. Ни синему небу, ни облакам не было дела до моего горя.

Вдруг я подумал: в каждом воздушном шаре есть клапан, который можно открыть, если хочешь опуститься. Обычно от него тянется веревка. Но никакой веревки я не увидел. Да и куда опустишься? Внизу уже расстилалось ребристое, как стиральная доска, море и нигде не было земли.

Шар летел гораздо выше, чем когда-то летала с нами Птица. Шару было все равно. Делалось все холоднее. Сначала было просто зябко, но потом холод сдавил так, что от озноба стало трудно дышать. Я съежился на дне корзины, обнял себя за ноги, уперся лбом в колени. Холод не отпускал. Но мне было уже безразлично. Я понял, что замерзаю, и, кажется, не испугался.

Жаль, конечно, что так получилось. Жаль, что никогда не увижу маму и папу. И бабушку. И Толика... Жаль, что никогда не узнаю, что стало с Юлькой...

Эх, Юлька, Юлька, зря ты обрезал веревку. Хотел как лучше, а получилось вон что. Но я не сержусь. Не могу и не хочу на тебя сердиться... Пускай тебе повезет на этом проклятом острове, Юлька. Сделай все, что надо, и вернись домой...

Юлька, вы с ребятами постарайтесь победить, ладно? До конца. Потому что мы так и не победили Ящера. Мы взорвали тупого железного робота, а настоящий Ящер — это Тахомир с его слугами, с его Крикунчиком, с его квартальными воспитателями...

Ты, Юлька, держись... А я...

А что я?

Что я?!

Отчаяние опять встряхнуло меня. Так нельзя! Неужели все пропало? Нет, я вернусь и всем расскажу про остров Двид! Пускай он хоть сверхневидимый, все равно мы его найдем! И Юльку!

Но холод снова сжал меня. Давил все сильнее, сильнее, сильнее... Мне показалось, что я превращаюсь в ледяной, обросший инеем шарик.

И этот шарик покатился в синюю тихую пустоту.

...Я очнулся от тепла. Закоченевшие руки и ноги не разгибались, горло распухло так, что я не мог даже кашлянуть. Шар летел очень низко — над плетеными краями проносились ветки.

Я кое-как приподнялся.

Были сумерки. Шар несло вдоль берега — между березовым лесом и водой. Своим днищем корзина иногда царапала песок.

Я узнал это место: слева светилося под закатом наше озеро, справа была дорога в Рябиновку...

Впереди темнели высокие кусты. Корзина мчалась прямо на них. Я зажмурился.

Был удар и треск, меня швырнуло в пружинистые ветки. Я открыл глаза. Последнее, что помню, — это светлый шар. Освободившись от груза, он быстро улетал в неяркое вечернее небо...

•ГДЕ ТЫ ПРОПАДАЛ, ЖЕНЬКА?•

Меня нашли на следующее утро. Толик нашел. Никто даже не думал увидеть меня живым, потому что еще много дней назад ребята отыскиали на берегу мое деревянное оружие и все решили, что я утонул. Но Толик все равно ходил по берегам озера и окрестным лесам.

Когда Толик увидел меня, я был без памяти. У него хватило сил взять меня на плечи и вынести к дороге. Там он остановил первую машину...

В школу я пошел только в ноябре. Почти всю осень пролежал с воспалением легких и всякими осложнениями. Плохо срасталась сломанная рука.

Первые две недели я вообще не приходил в себя. А когда очнулся и понемногу начал соображать, что к чему, бабушка прошептала:

— Слава тебе Господи, наконец хоть узнавать стал. А то на маму смотришь, а сам какие-то ужасы говоришь: про птенцов каких-то, про ящериц. Юльку какую-то звал, стрелять хотел...

И я понял, что никто-никто не поверит моему рассказу про остров Двид. Решат, что это был бред.

Все теперь думали, что я пропадал, потому что заблудился в лесу. Есть недалеко от города большой лес, и случалось, что люди блуждали в нем по несколько дней. В глубине леса скрывается Гнилое озеро, а вокруг него трясина и путанные тропинки. Можно долго ходить по кругу, а можно и совсем сгинуть.

По ночам я видел сны про недавнюю жизнь на острове Двид. Опять я летал с Птицей, убегал от Ящера, готовил к стрельбе большую мортиру. Я встречался с Юлькой и смеялся от радости, потому что знал: теперь мы ни за что не расстанемся. Мы вдвоем кормили подросшего птенца... А потом белый шар срывал меня с места, и я просыпался от страха и горя...

Но днем, когда я видел бабушкину комнату с полинялыми обоями, слушал радио, смотрел телевизор, когда разговаривал с мамой, папой, бабушкой, — остров Двид отодвигался в памяти. Кругом все было настоящее, знакомое, крепкое, а то, что случилось на острове, делалось похожим на сон. А может быть, я действительно заплутал в лесу и мне — голодному, больному — привиделись все приключения?

Иногда я начинал думать, что так и было. Мне даже казалось, что я припоминаю, как бреду по берегу Гнилого озера и под ногами у меня пружинит и чавкает болотистая почва...

Но тогда... Тогда, значит, ничего не было? Ни Птицы, ни ребят на бастionaх, ни полетов, ни боя на площади... Значит, не было Юльки?

Почему же тогда у меня ощущение вины? В чем я виноват перед Юлкой, которого нет?

Пожалуй, ни в чем.

Я виноват перед птенцом, я забыл про него после гибели Птицы. А перед Юлкой? Нет, я, кажется, не виноват. Но почему же тогда горькая тяжесть на душе? Просто мне очень жаль Юлку. Я здесь, а он там. Мне очень жаль его и жаль, что я не с ним. Сильная жалость чем-то похожа на ощущение вины...

А может быть, все же есть на мне вина? Ведь я помедлил секунду, когда надо было выскочить из корзины... Да, но если бы он не разрубил веревку так быстро, я бы выскочил, честное слово!

И зачем теперь мучиться, если все равно ничего не было?

А если было?

Первый месяц я лежал у бабушки, врачи не разрешали перевозить меня. Мама и папа приезжали каждый день. А Толику не позволяли часто навещать меня, говорили, что я очень слаб. Все же он приходил несколько раз. Садился на край постели и осторожно, будто стесняясь, рассказывал про ребячьи дела: про футбол, про школу, про большого змея, которого недавно запустили Степка Шувалов и Стасик Малыгин. Но скоро заглядывала бабушка, шептала:

— Хватит, хватит, ребятки. Женечке надо спать...

Зато когда я перебрался домой, Толик стал прибегать каждый вечер. С ним было хорошо. Мы клеили кораблики из журнала «Малый модельаж», крутили мультики на расхлябанном кинопроекторе «Луч». Иногда он объяснял мне, как решать задачки, чтобы я не отстал от класса... И ни разу мы не заговорили про то, как я про-

пал и как он отыскал меня. Наверно, Толик опасался, что я начну вспоминать жуткий лес у Гнилого озера и опять заболую. А может, боялся показаться хвастуном: вот, мол, нашел человека в кустах, дотащил до дороги и теперь намекает, какой герой.

Мама и папа несколько раз пытались расспросить, как же все-таки я заблудился. Но я говорил, что ничего не помню, и потом надолго замолкал. Их пугало это молчание, и меня перестали спрашивать...

К зиме я совсем окреп. Стал как все мальчишки. Мы строили снежные крепости, залили на пустыре каток, вылепили целую армию снеговиков. У нас было весело во дворе. Но, как прежде, игра угасала, когда мимо проходили родители Юльки Гаранина. А я... что я мог сделать? Кто поверил бы моей сказке, если я сам верил теперь меньше чем наполовину.

...Больше всех игр я любил кататься на лыжах. К лыжам приучил меня Толик. Мы уходили в овраг и там носились по крутым спускам — так, что снежные вихри крутились над откосами.

Это было немного похоже на полеты с Птицей.

Мама радовалась, что я всегда с Толиком. Одного меня она боялась отпускать: ей все казалось, что я опять могу исчезнуть. А Толика она считала надежным другом. Да так оно и было...

Однажды, уже в начале марта, мы возвращались от оврага домой по хорошо накатанной лыжне. Снег блестел под ярким солнцем по-весеннему, хотя еще не таял. Легкие лыжи весело поскрипывали. Я шел впереди. Мы о чем-то болтали и смеялись.

И вдруг Толик замолчал — будто пропал. Не ответил на мой вопрос. Я оглянулся. Толик стоял и смотрел на меня странно: с какой-то напряженной требовательностью. Будто не было только что болтовни и смеха.

Я остановился, сделал шаг назад. Мы встретились глазами, и он спросил:

— А все-таки где же ты пропадал, Женька?

Я сразу понял, о чем он. Опустил голову.

Толик подъехал вплотную. Тихо сказал:

— Ты был тогда исцарапанный, оборванный, от сандалий одни ремешки остались. На них не было ни тины, ни болотной грязи...

Я опять посмотрел Толику в глаза. Тогда опустил голову он. И проговорил виновато, но с упрямой ноткой:

— По-моему, ты что-то помнишь, а сказать... или боишься, или не хочешь.

— Я хочу! Но... как? Если я сам не знаю... А ты поверишь?

...В общем, я рассказал ему все. Начал на лыжне, а кончил уже поздно вечером. Толик остался у нас ночевать, и мы лежали вдвоем на широком диване, а в окно светила круглая луна. Почти такая же, как над островом Двид, когда мы с Юлькой ночевали в мортуре.

Толик спросил:

— Ты когда-нибудь писал стихи?

— Я? Никогда в жизни.

— Значит, сам придумать не мог...

— Что?

— Ну... то стихотворение... Юлькино... Может быть, ты его читал где-нибудь?

— Где?

— В книжке какой-нибудь...

— Нет... не помню.

— Жень... А ведь можно все очень просто проверить. Спросить у Юлькиной мамы: писал он такие стихи или нет.

В самом деле! Как же я не догадался?

Да, но... как подойти к Юлькиным родителям? Как заговорить о пропавшем сыне? Я, наверно, не посмею...

— А если стихи по правде были, тогда что? — нерешительно спросил я. — Тогда надо все рассказать? Или лучше не надо?

— Я тоже думаю: как тогда быть? — откликнулся Толик.

— Думай лучше. А то у меня все в мозгах перепуталось.

— У меня тоже. Почему-то голова гудит...

— Слушай, Толька, а ты не заболел? — встревожился я. — Ты какой-то горячий. Может, простыл?

— Да нет, что ты... — сказал он.

КЛЮЧ

Еще бы ему не быть горячим! Утром оказалось, что у него температура тридцать девять.

Но это была не простуда, а скарлатина.

Мама ужасно перепугалась. За меня. Ведь мы с Толиком целую ночь лежали рядом, и я наверняка наглотался микробов. Не хватало мне после всех болезней еще скарлатины!

Но на этот раз пронесло, я остался здоров. А жаль. Лучше бы уж лежать вместе с Толиком, веселее.

К Толику меня не пускали целых три недели. Не потому, что он тяжело болел, а просто боялись, что я подцеплю инфекцию.

К Юлькиным родителям я, конечно, не ходил. Я оправдывался перед собой, что нехорошо без Толика: это ведь он придумал узнать про стихи. А потом я перестал видеть Юлькиного отца и мать на улице. От ребят я узнал, что они, кажется, уехали до лета в какой-то санаторий, лечиться.

Как будто можно вылечиться от горя...

Когда я услышал про их отъезд, меня крепко заела совесть: ведь я мог бы их, наверно, хоть чуточку успо-

коить, дать какую-то надежду (если, конечно, они помнят стихи).

И все же испытал облегчение: тяжелый разговор откладывался.

С Толиком я увиделся на весенних каникулах. Сказал ему, что Юлькиных мамы и папы нет в городе. Он вздохнул, кивнул, и больше мы про них и про Юльку не говорили — будто молча согласились не касаться этого дела раньше времени.

Апрель был холодный. В середине месяца все еще падал снег и даже случались метели. А когда наступала оттепель, было пасмурно и слякотно. И только перед самым маем пришло тепло. Зато это было настоящее летнее тепло! У почек сразу появились зеленые клювики, а на городском пруду за день слизнуло лед.

Наши ребята повытаскивали из чуланов велосипеды и с утра до вечера носились по просохшим переулкам. Все уже бегали в рубашках или футболках, только меня мама заставляла надевать свитер.

В воскресенье приехала бабушка. Привезла банку варенья, свежий пирог с капустой и газетный сверток. Повздыхала и сказала маме:

— Я вот Женечкину одежду нашла прошлогодною. Думаю, может, еще пригодится летом бегать-то. Маечка вот, штанишки, я постирала, зашила...

Она зашуршала газетой, и я увидел выгоревшую майку с оленем и серые шортики с широкой резинкой в поясе. Все было старенькое, заштопанное, но чистое и отглаженное...

Что-то скользнуло из одежды и тяжело стукнуло о половицы. Отскочило к моим ногам.

Это был медный ключ. Я поднял его, положил на ладонь.

Хрипловато спросил у бабушки:

— Откуда он взялся?

— Да в кармашке лежал. Я туда и положила...

У ключа было погнуто узорное колечко...

Я взял сверток и начал суетливо переодеваться. Мама смотрела на меня с испугом. Я маму понимал: ей казалось, что, если я натяну эту одежду, со мной снова что-нибудь случится.

Но она молчала, и я оделся.

Говорят, что ребята быстро вытягиваются, когда болеют. Но я почти не вырос, и потрепанный прошлогодний наряд оказался мне совсем впору. Я почувствовал себя легким, свободным, упругим...

Но это была не такая радостная легкость, с которой выскакиваешь на улицу в первый летний день и как на крыльях летаешь за футбольным мячом. Это была тревожная легкость. Как перед прыжком с обрыва в воду, когда жутковато, но уже решился.

Я сжал в ладони ключ и пошел к двери.

— Женя, ты куда? На улице еще холодно, — торопливо сказала мама.

— Я только на крыльцо...

У меня как-то странно вело себя сердце: его будто равномерно сжимали и отпускали холодные ладони. От этого сбивалось дыхание.

На дворе было вовсе не холодно. Солнце крепко прогрело доски крыльца, кирпичные стены, землю. В небе летели пушистые облака. Тополь был увешан длинными сережками. Их качал теплый ветер (юго-западный ветер!).

На куче песка дошколята и первоклассники строили крепость. Это была крепость с желтыми полукруглыми бастионами.

Я посмотрел на облака, вздохнул поглубже и поднес к губам ключ.

Свистнул...

Ничего, конечно, не случилось. Только вышел из дома Степка Шувалов и сказал:

— Жень, айда в кино. В клубе строителей «Неуловимые» идут...

— Ага... потом.

Вышла мама и увела меня в дом. Велела выпить горячего молока, после этого слегка обругала и усадила обедать.

Когда я равнодушно жевал котлету, за окном пронеслась полупрозрачная тень. Туда и обратно. Я опрокинул стул и бросился на крыльцо. Тень широким полукругом еще раз прошла надо мной и заскользила к облакам. Превратилась в серое пятнышко, исчезла...

Я вскинул к губам ключ... и опустил. Все равно Птица не сядет в незнакомом дворе, где множество чужих людей. Она осторожна. Скорее всего, она меня не узнала. Ведь она была совсем птенцом, когда я помог ей вернуться в гнездо...

Нет, видимо, она меня узнала. Потому что на следующее утро, когда я шел в школу, серая тень опять пронеслась надо мной по широкому крыгу...

Ну что же, это хорошо, что надо мной кружит тень. Я знаю теперь, что делать. Рано утром я выйду на пустынный берег озера...

Нет, сначала я оставляю дома записку, чтобы не тревожились. Тревожиться все равно будут, но недолго, на этот раз я вернусь очень скоро...

Да, надо еще сделать из доски и веревок сиденье...

А почему с этой Птицей не вернулся Юлька? Если он выкормил ее, она должна его любить и слушаться. Уж не случилось ли что-нибудь с Юлькой?

А может быть, Птица слушает лишь того, у кого есть Ключ? Или просто еще не настало время для возвращения?

Как они там, в Синей долине? Удалось ли найти порох? Знают ли, что Ящер издох? Добрался ли до ребят Юлька?

А может быть, там уже не один синий фламинго? Может быть, молодая Птица отыскала в лесу друзей? И тогда... Может быть, однажды над городом пронесется стая синих птиц и отчаянные мальчишки начнут прыгать на крыши и завяжут последний бой?

Когда-то должно прийти время для такого боя. Кто-то должен дать сигнал. Может быть, для сигнала нужен Ключ?

Это будет стремительный синий десант.

Синий десант...

Эти слова запали мне в голову и повторяются сами собой.

Синий десант. Синий десант...

Я пришел к Толику и неловко сказал:

— Помнишь тот кинжал?.. Можешь сделать такой же?

Он, конечно, спросил:

— Зачем?

— Ну... так... — Я опустил глаза. Не мог я позволить, чтобы он рисковал вместе со мной.

Толик больше ничего не говорил и к вечеру выстругал мне кинжал с фигурной рукояткой. Он отдал мне его и тут же протянул палку и ножик:

— Ты тоже выстругай. Мне.

— Я же не умею.

— Не важно. Как получится. Лишь бы рукоятка да клинок.

Он смотрел серьезно, даже сумрачно, и я почувствовал, что чем-то обидел его. Или чуть-чуть не обидел. Торопливо и старательно я начал терзать ножом палку, и через полчаса получилось что-то похожее на мешалку для краски, только с острым концом.

— Вот... — пробормотал я.

Мы сидели на лавочке позади Толькиного дома, у кирпичной стены. Было тепло и очень тихо. Толик

покачал на ладони сделанный мною кинжал, развернулся и с размаху ударил им в стену.

Деревянный клинок вошел в кирпичи, как в масло.

— Годится, — сказал Толик и посмотрел на меня без улыбки, но и без обиды. — Когда летим? Завтра?

ЭПИЛОГ

Вот и все.

Если рассказывать дальше, будет свистящая карусель из ветра, свиста крыльев и яростных криков десанта...

Да и что рассказывать, если все равно я не знаю конца. Не знаю, как живет нынче остров Двид. Помню только, что в тот день дети стали смеяться смелее, а многие взрослые помолодели...

Мне уже никогда не попасть на остров, где ржавеют обломки Ящера, где похоронен Дуг и где светловолосая девочка со спокойными глазами промывала мои ссадины и раны. Ключ я привязал к ноге самого большого синего фламинго, когда мы прощались с птицами на берегу ночного озера. Да и не помог бы сейчас ключ: я вырос, и Птице не унести меня через море. А другого пути я не знаю.

Где он, этот остров Двид? За какими далями? А может быть, не только за далями, но и за временем?

Многое осталось непонятным. Почему из нашего озера лодка вышла в море? Почему, когда над озером светила круглая луна, в небе острова висел над закатом узкий месяц? Да еще вниз рогами — теневой стороной к солнцу!

И еще одно... Читая фантастические истории, как люди попадали в разные загадочные королевства, я удивлялся: страна незнакомая, а герой всех понимает. Разве там говорят по-русски? Вот так же неясно и с островом Двид. По-нашему говорили его жители?

Или я, попав туда, начал сразу понимать их язык? Может быть, на острове такой закон природы?

Скорее всего так. Потому что даже сейчас, через двенадцать лет, когда мы встречаемся с Толиком, он приветствует меня:

— Салидо, амиа флета! Кэ виа дельтас? Ноа тен мон-тас каливас?

Это совсем не похоже на испанский язык, который мы с ним учили в институте, но я понимаю: «Приветствую тебя, о мой летающий друг! Как поживает твой дельтаплан? Вы еще не грохнулись на склоне Лысой горы?»

И еще я помню клич Юльки, когда он, выпустив ноги Птицы, прыгает на купол дворца. Прыгает, спшибает ногой драконье знамя и кричит вниз обалделым стражникам:

— Бросай оружие, вы, болваны! А то мы вам покажем «равновесие»...

На том языке это звучало короче и резче...

Впрочем, не важно. Гораздо крепче мне запомнился другой Юлькин крик. Врезался навечно. Это когда Юлька, оставив нас, бежит по улице Красных Летчиков к своему дому:

— Мама! Мамочка! Мама-а! Я пришел!..

Литературно-художественное издание
Для детей среднего школьного возраста

Владислав Петрович Крапивин

ДЕТИ СИНЕГО ФЛАМИНГО

Повесть-сказка

Ответственный редактор И.В. Тараканова

Художественный редактор Н.А. Озеров

Технический редактор Л.И. Витушкина

Корректор И.С. Соловьева

Изд. лиц. ЛР № 065372 от 22.08.97 г.
Подписано к печати с готовых диапозитивов 13.11.2001.
Формат 84×108¹/₁₆. Вумага типографская.
Гарнитура «Школьная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,08.
Уч.-изд. л. 8,52. Тираж 10 000 экз. Заказ № 2810

ЗАО «Издательство «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

Отпечатано в ГУНПП «Курск»
305007, г. Курск, ул. Энгельса, 109

ISBN 5-227-01607-0

9 785227 016072

ЦЕНТРОЛИТРАД